

БОБ ХОСТЕТЛЕР

УСЫПАЛЬНИЦА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Боб Хостетлер

Усыпальница

Археолог Рэндал Баллок всегда считал себя убежденным атеистом. Он и мысли не допускал, что рассказы об Иисусе могут быть правдивы.

Но однажды в Южном Иерусалиме строителями была случайно вскрыта подземная полость, оказавшаяся древней усыпальницей. Внутри Рэндал обнаружил несколько каменных гробов, и один из них, если верить сохранившейся надписи, предназначался для Иосифа из рода Каиафы — того самого первосвященника, что возглавил судилище над Христом.

В этом гробу, кроме человеческих останков, лежали хрупкие папирусные свитки — документальное свидетельство смерти и воскресения Иисуса. Что это, долгожданная разгадка величайшей тайны человечества? Но если так, почему устроила заговор молчания падкая на сенсации пресса? Чем объяснить откровенную враждебность местных религиозных конфессий? И не грозит ли открытие Рэндала самому существованию нашей цивилизации?

Содержание

#1.....	0007
БЛАГОДАРНОСТИ.....	0008
ПРОЛОГ.....	0009
~ ~ ~.....	0010
1.....	0010
2.....	0012
3.....	0013
4.....	0016
5.....	0017
6.....	0018
7.....	0021
8.....	0023
9.....	0025
10.....	0027
11.....	0028
12.....	0030
13.....	0032
14.....	0033
15.....	0035
16.....	0037
17.....	0039
18.....	0040
19.....	0041
20.....	0042
21.....	0043
22.....	0044
23.....	0045
24.....	0046
25.....	0047
26.....	0048
27.....	0050
28.....	0051
29.....	0053
30.....	0055
31.....	0056
32.....	0059
33.....	0060
34.....	0062
35.....	0064
36.....	0066
37.....	0067
38.....	0069
39.....	0071
40.....	0073
41.....	0075
42.....	0076
43.....	0078
44.....	0079
45.....	0081
46.....	0083
47.....	0084

48	0085
49	0087
50	0088
51	0090
52	0093
53	0094
~ ~ ~	0096
54	0096
55	0097
56	0099
57	0100
58	0101
59	0103
60	0104
61	0106
62	0108
63	0109
64	0110
65	0111
66	0112
67	0114
68	0116
69	0119
70	0120
71	0122
72	0123
73	0125
74	0127
75	0128
76	0130
77	0131
78	0132
79	0133
80	0135
81	0138
82	0139
83	0140
84	0141
85	0142
86	0143
87	0145
88	0146
89	0148
90	0150
91	0151
92	0153
93	0154
94	0155
95	0156
96	0158
97	0159
~ ~ ~	0162
98	0162
99	0164

100.....	0169
101.....	0170
102.....	0172
103.....	0174
104.....	0176
105.....	0179
106.....	0181
107.....	0184
108.....	0186
109.....	0188
110.....	0189
111.....	0191
112.....	0194
113.....	0194
114.....	0198
115.....	0201
116.....	0202
117.....	0203
118.....	0204
ЭПИЛОГ.....	0205

**Боб Хостетлер
«Усыпальница»**

Посвящается несравненной Робин

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю признательность Дейву Ламберту и всем замечательным сотрудникам издательства «Ховард Букс» за веру в эту книгу и стремление сделать ее лучше на всех этапах подготовки к печати. Работать с вами всегда удовольствие.

Искренне благодарю Лиссу Холлз Джонсон за всестороннее и тщательное редактирование моей рукописи. Вы сделали ее лучше, избавив меня от возможных неловких ситуаций... и при этом мы остались друзьями!

Большое спасибо Стиву Лоубу и его агентству за блестящую (впрочем, как всегда) презентацию этого проекта.

Ценные указания и подробные ответы на мои вопросы я получил от доктора Стива Вайнера из Института Вейцмана (Израиль), консультации на ранних этапах работы над рукописью дали мне Даниэль бен Натан, заместитель директора по развитию и международным связям Музея Израиля в Иерусалиме, и доктор Эдвин М. Ямаучи из Университета Майами, штат Огайо. Всем им я выражаю сердечную благодарность.

Также хочу поблагодарить мою семью во Христе — Коблстоунскую общинную церковь, и прежде всего ее активистов, за то, что они доверяют мне в вопросах не только пасторского, но и писательского служения.

Спасибо моей дочери Обри за смелые предположения и советы, которые помогли сделать эту книгу убедительнее и достовернее.

Я особенно признателен моей обожаемой жене Робин, которая все так же любит меня и верит в меня, несмотря ни на что.

ПРОЛОГ

Южный Иерусалим, Тальпиот[1]

Бульдозерист судорожно схватился за двойной рычаг и рванул на себя что было сил, как будто одно напряжение его мускулистых волосатых рук могло удержать машину на краю обрыва.

Пока бульдозер пятился по пологому склону, бульдозерист торопливо окинул взглядом пространство перед собой. На западе небо над древним городом окрасилось в бледные цвета заката. Пыль медленно оседала... Наконец он решил, что машина на безопасном расстоянии от провала, и заглушил двигатель. Спустился по ступенькам и осторожно пошел вперед, балансируя, словно дрессированный медведь на шаре. С края ямы, которая без всякой причины образовалась прямо перед бульдозером, поглядел вниз и присвистнул.

Выпрямившись, бульдозерист помахал товарищам и что-то крикнул на иврите. Рабочие ровняли площадку под аквапарк в районе Лес Мира на юге Иерусалима, чтобы туристам и горожанам, отправляющимся на таелет (променад, как сказал бы европеец), было где отдыхать и развлекаться. С площадки вдоль набережной длиной около километра открывался прекрасный вид на Старый город и Иудейскую пустыню. Проект уже вызвал споры между арабами и евреями — по разным причинам, начиная с уничтожения зеленых насаждений и заканчивая нарушением зыбкого равновесия, установившегося между арабским и еврейским населением района.

Рабочие побросали инструменты и заспешили к бульдозеристу. Он показал место, где осыпался грунт.

Наклонившись, они вглядывались в то, что было внизу. В гаснущем свете дня виднелись два закрытых каменных ящика на каменном полу. Вокруг валялись обломки таких же ящиков. Рабочие переглянулись. Это была древняя гробница.

~ ~ ~

*...Мы смотрим не на видимое, но на невидимое...
2-е Послание к коринфянам, 4:18*

1

Тель-Мареша, пятьдесят километров к юго-западу от Иерусалима[2]

Откинув клапан, Рэнд Баллок вылез из палатки и на мгновение замер. Над раскопками нависла предрассветная мгла. В одной руке он держал небольшой рюкзак, набитый мятой одеждой, в другой — сумку с ноутбуком.

Баллок осмотрелся. Мареша — удивительное место. Раскопки в Шефела, регионе Израиля между прибрежной равниной и горами центральной Иудеи, — настоящий рай для археолога, своего рода музей древних цивилизаций под открытым небом. Фортификационные сооружения израильтян VIII–VI веков до н. э., пещеры, где скрывались повстанцы во время Второго иудейского восстания против Рима 132–135 годов н. э., эллинистические колонии III века до н. э., включая подземные лабиринты с прессами для отжима оливкового масла, голубятнями, храмами и гробницами... И все исключительно хорошо сохранилось. А благодаря авторитету и опыту руководителя работ Игалья Хавнера это был один из лучших раскопов, на которых Рэнду довелось побывать.

Задолго до фильмов об Индиане Джонсе большинство людей, уверенных, что они знакомы с археологией, на самом деле обладали «знанием», не имеющим к этой науке ни малейшего отношения. Даже жена и дочь Рэнда говорили, что он «откапывает кости динозавров». Но Рэнд за свою жизнь не откопал ни одной кости динозавра. Он видел их только в музее. Все считали его профессию необычайно увлекательной. Древние гробницы, заветные клады, искусные ловушки — и, наконец, слава и богатство. Сложно представить что-то более далекое от истины. Работа археолога — кропотливая и скучная, а великое открытие — редчайшая удача. Обычно приходится по крошечным фрагментам реконструировать древнюю культуру, а найденные «сокровища» — всего лишь предметы обихода, рассказывающие о людях, которым они когда-то принадлежали. «Важно не то, что ты нашел, а то, что ты узнал благодаря находке», — любил повторять Игаль Хавнер.

Рэнд тяжело вздохнул, проследил, как рассеялось облачко пара от его дыхания, и понуро побрел к машине, припаркованной рядом с палаткой. Бросил на переднее пассажирское сиденье рюкзак, рядом пристроил ноутбук. Пришлось согнуться, чтобы с его ростом метр восемьдесят два втиснуться в небольшой автомобиль. Ощупью нашел ключи в замке зажигания.

— Хм... — буркнул Рэнд озадаченно.

Убрал руку с руля, наклонился и пошарил по полу. Выпрямился, подался вперед и заглянул за рулевую колонку.

— Я же помню, что оставил их здесь.

Неловко изогнувшись, ощупал сиденье за спиной. И вдруг резко повернулся и посмотрел на капот сквозь лобовое стекло. И застонал.

Он сел не в ту машину. Его покрытый пылью белый «Фиат-500» стоял в нескольких метрах впереди, в предрассветном тумане.

— Со мной всегда так, — прошептал Рэнд, забирая с сиденья рюкзак и сум-

ку.

С трудом пролезая в дверцу, он потрянул головой. Уже не первый месяц — с тех пор, как умерла жена, — его преследовали неудачи. Жизнь катилась под откос, и он ничего не мог с этим поделать. Первые недели после похорон все чувства словно притупились. Он забросил раскопки на Крите, которые неплохо финансировались, и интуиция подсказывала, что на этом закончилась его карьера археолога. Трейси осталась без матери перед самыми выпускными экзаменами, и Рэнд решил, что надо быть дома ради нее. Но пропасть, разделявшая его с дочерью, только увеличивалась. Пустоту в душе не удавалось заполнить ничем — и поэтому он пил, плакал и спал по двенадцать часов в сутки. До того самого дня, когда позвонил Игаль Хавнер и позвал на раскопки Мареша.

Рэнд согласился, но это мало что изменило. Он годами не уделял внимания семье, мотаясь по свету, однако Джой всегда была рядом — если не телом, то душой. Его единственная любовь. И теперь он старался превозмочь боль страшной утраты, по сто раз на дню чувствовал опустошение, хотел снова обрести любовь, дружбу, близкие отношения... и не представлял, как это сделать.

Рэнд широким шагом подошел к своей машине, сунул в нее вещи, но садиться не стал. Проведя по коротко стриженным каштановым волосам, потер затылок.

— Пора с этим кончать!

И, бросив машину открытой, зашагал вдоль шеренги палаток. Хавнер сидел за столом под тентом, разбирая бумаги.

— Шалом, — бросил он Рэнду, едва повернув голову.

Несмотря на утреннюю прохладу, на Хавнере были только шорты и майка.

— Я ухожу, — сказал Рэнд.

Хавнер молча поднял на него глаза. В них не было удивления, только грусть.

— Я решил не доставлять тебе неприятностей и не ждать, когда ты меня выгонишь.

— А я собирался тебя выгнать? — поднял бровь Хавнер.

— Если и нет, то пришлось бы.

Рэнд помолчал.

— Я благодарен тебе за все, но мы оба знаем, что я не справляюсь с работой.

Хавнер открыл было рот, однако Рэнд знал, какие возражения услышит, и опередил его.

— Нет, ты не раздражался и не говорил, что разочарован, и за это я тоже благодарен. Ты был очень добр ко мне. Но я не хочу перекладывать на тебя свои проблемы и ты не обязан расплачиваться за то... что со мной происходит.

Хавнер встал и вышел из-за стола.

— Я... даже не знаю, что сказать. — Он крепко взял Рэнда за локоть. Нахмурился, подбирая слова. — Наверное, мне надо было раньше тебя спросить...

— Спросить? — не понял Рэнд. — О чем?

— Есть одно дело, о котором я узнал только вчера вечером. Не хотел тебя беспокоить, пока ты... спал.

«Это значит — пока я пил», — подумал Рэнд.

— И что же это за дело?

— Сам знаешь, что такое наш Иерусалим. Здесь любая стройка, даже самая маленькая, превращается в раскопки. — Хавнер пожал плечами. — На строительстве аквапарка случайно открыли подземную полость, и кто-нибудь из нас должен туда поехать, чтобы взять ситуацию под контроль.

Повисла пауза, во время которой они не спускали друг с друга глаз.

— Понимаешь, ты сделаешь мне большое одолжение... Хавнер ходил вокруг да около, пока Рэнд не стряхнул с себя похмельное оцепенение.

— Значит, — перебил он, — сделать тебе одолжение?.. Но ведь это не я тебе, а ты мне делаешь одолжение? Просто хочешь помочь?

Хавнер прищурился.

— Кажется, ты только что сказал, как благодарен за все, что я для тебя сделал. Если это правда, то сейчас представилась возможность меня отблагодарить.

И он еще крепче сжал локоть Рэнда.

— Что бы ты ни нашел в Иерусалиме, для тебя это шанс. Новый старт. Может, снова обретешь хотя бы часть того... что потерял.

Хавнер видел, что Рэнд все еще не верит ему.

— Это в Тальпите, — продолжал он, понизив голос. — Спросишь старшего сержанта Шарона.

Губы Рэнда тронула едва заметная улыбка.

— Шарона, — повторил он. — Игаль, во что ты меня втягиваешь?

— Шалом, — только и сказал Хавнер, похлопав по плечу старого друга, который был выше его почти на голову.

2

Чикаго, Международный аэропорт О'Хара

Трейси Баллок и ее подруга Рошель приехали в аэропорт и заняли очередь на регистрацию.

— Поверить не могу, что ты улетаешь, — вздохнула Рошель.

Перед ними стояла толпа хасидов. Они громко разговаривали на языке, которого девушки никогда раньше не слышали. Скоро подойдет ее очередь, а потом Трейси пригласят на контрольный пункт перед зоной вылета.

Девятнадцатилетняя дочь Рэнда Баллока улыбнулась сквозь слезы. Они с Рошель были соседками по комнате в общежитии частного колледжа «Ротан», что в пригороде Чикаго. С тех пор как они впервые встретились на собрании вновь поступивших, девушки стали, что называется, не разлей вода.

— Тебе надо подать апелляцию по поводу отчисления, — озабоченно сказала Рошель. — Может, они передумают.

— Черта с два!

— Хизер Андервуд всего лишь дали испытательный срок, а ведь именно она купила пиво.

— Ага, потому что ее отец пошел к декану.

— Так позвони своему отцу, — взмолилась Рошель. — Пусть он тоже поговорит с деканом.

— Да, конечно! Я прямо слышу: «Трейси? Какая еще Трейси?!»

— Ну пожалуйста...

— Не надо меня учить, что делать, — завелась Трейси, чувствуя, как снова нахлынули боль и гнев. — Думаешь, он найдет для меня время? Когда наша

софтбольная команда поехала на чемпионат штата, он улетел в Грецию, когда я собиралась на выпускной бал, он остался на Крите...

— Но, Трейси...

— А в ночь, когда умерла мама, он... — Ее голос задрожал. — Я даже не знаю, где он был.

— Он же археолог, — прошептала Рошель, глядя подругу по спине.

— Знаю! В том-то все и дело. Больше археолог, чем отец.

— Тогда зачем ты летишь?

Трейси быстро вытерла заплаканные глаза, помня о накрашенных ресницах.

— Просто мне больше некуда деться.

Между тем очередь подошла, и Трейси дала знак стоявшему за ней человеку, что пропускает его. Глаза Рошель наполнились слезами.

— Я очень беспокоюсь, — всхлинула она. — Ты летишь к отцу, а он даже не знает об этом!

— Он бы сказал, чтобы я не приезжала.

Рошель крепко обняла ее.

— Я буду скучать. Обещай, что не станешь лезть на рожон.

Трейси судорожно вздохнула и обняла Рошель, стараясь не разрыдаться.

— Обещаю.

Очень хотелось признаться подруге, как она боится встречи с отцом, но Трейси сдержалась и решительно направилась к стойке регистрации, доставая паспорт и посадочный талон.

3

Южный Иерусалим, Бака

Боковое стекло как раз на уровне головы Рэнда Баллока в один миг покрылось паутиной трещин. От неожиданности он ударил по тормозам и ткнулся в лобовое стекло.

Выругавшись во весь голос, Рэнд выпустил руль, в который вцепился мертвой хваткой, останавливая машину, поднес правую руку ко лбу и у самых волос нащупал что-то теплое и мокрое. Посмотрел на пальцы — они были в крови. Потряс головой, вытер руку о штаны цвета хаки и снова взялся за руль.

Он выехал из Тель-Мареша больше часа назад в восточном направлении, по шоссе 35, потом свернул на 60-е, на север, в сторону Иерусалима. А несколько секунд назад поднял боковое стекло, когда увидел на обочине толпу палестинских демонстрантов. Они кричали, размахивали кулаками и бросали камни в его сторону. На узкой дороге развернуться было невозможно, так что не подними он стекло, камень попал бы ему в голову. Рэнд с опаской подумал, что это еще может случиться.

Он снова выругался, на этот раз в сердцах помянув Игаля Хавнера.

— Мог бы и предупредить, что тут легко оказаться на поле боя!

Конечно, Рэнд знал о противостоянии между евреями и палестинцами. Но, как большинство людей с Запада, даже много путешествующих по миру, лишь отчасти понимал причины этого затянувшегося конфликта. Конечно, кровь лилась на этой земле тысячелетиями, но на этот раз все началось после Второй мировой войны, когда здешние места наводнили еврей-иммигранты. В 1947 году ООН приняла решение разделить территории между вновь создан-

ными еврейским и арабским государствами, но арабы не признали новых границ, и началась война. В 1948-м евреи провозгласили государство Израиль и начали борьбу за независимость. В первой половине 1949-го между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией — с другой, было заключено перемирие... в результате которого почти миллион арабов оказались в положении беженцев. Вооруженные конфликты следовали один за другим. В 1956-м, 1967-м, 1973-м и 1982-м. Постоянные обстрелы и теракты, направленные против Израиля, ответные удары Израиля по палестинцам...

Как и на всех приезжающих в Израиль, на Рэнда произвели сильное впечатление здешние контрасты. В Америке, в выпусках новостей, об Израиле рассказывали как о территории военных действий, хотя, по крайней мере на первый взгляд, здесь было не менее мирно и безопасно, чем в окрестностях его дома в Огайо. И тем не менее стена ненависти разделяла евреев и арабов в течение тысячелетий. Они всегда были врагами в борьбе за воду, землю и работу, но, несмотря на это, Рэнд видел, что они живут здесь бок о бок — работают, ходят по магазинам, завтракают, обедают и ужинают. Большую часть времени жизнь в Израиле протекала без инцидентов, так что Рэнд не переставал удивляться, видя вооруженных солдат в городских автобусах и надежную охрану у каждого более или менее солидного заведения. В целом, как понял Рэнд, в Израиле было нормой то, что обычный человек (в его представлении) посчитал бы из ряда вон выходящим.

Рэнд продолжал медленно вести машину по изрытой улочке, пробиваясь сквозь обозленную толпу в надежде разглядеть хоть какой-нибудь указатель и понять, куда надо ехать дальше. Очень хотелось открыть окна, но ехать с поднятыми стеклами казалось безопаснее. Пот градом катился со лба, капал с носа и бровей. Солнце заливало салон, стало невыносимо жарко. Светло-синяя рубашка Рэнда прилипла к телу и промокла от пота. Засунув палец за воротник, Рэнд подергал его, пытаясь создать хоть видимость вентиляции, но рубашка была слишком мокрая и липкая. Он облизнул губы.

Внимание толпы что-то привлекло... Это был он! Рэнд с ужасом смотрел, как демонстранты направляются в его сторону. Кто-то показал на него пальцем, и машину немедленно окружили люди. Ехать дальше стало невозможно. На его «фиат» напирали со всех сторон, стучали кулаками по крыше и бортам, что-то выкрикивали. Можно подумать, это он в ответе за тысячелетнюю вражду между арабами и евреями.

— О нет, — прошептал Рэнд, — только не это.

Толпа начала раскачивать машину, и у него внутри все сжалось. Несколько раз Рэнд повторял все те же слова, как молитву, пока не заглох мотор. Толпа сделалась плотнее, и в какой-то момент ему показалось, что человеческая масса сейчас просто раздавит машину. Рэнд уперся руками в крышу, как будто это могло остановить давление снаружи.

Он видел вокруг себя искаженные злобой лица и сжатые кулаки. Больше ничего — ни неба, ни домов, ни окружающей местности. И вдруг, повернувшись к окну у переднего пассажирского сиденья, заметил прижатого лицом к стеклу мальчишку лет четырнадцати-пятнадцати. Это выглядело так, будто мальчик всматривался в витрину магазина игрушек. На мгновение их взгляды встретились. И тут лицо парнишки исказилось от боли, глаза остекленели и закатились.

— Остановитесь! — заорал Рэнд, колотя по стеклу. — Вы его раздавите!

Он показывал на мальчика, по лицу которого уже разлилась смертельная бледность.

Рэнд бросился к окну, не переставая кричать. Стиснув зубы, он изо всех сил пытался повернуть ручку стеклоподъемника, но она не двигалась. Пересев ближе, Рэнд потянул еще сильнее, но ручка осталась у него в руке. Бросив ее на пол, Рэнд уперся руками в стекло напротив лица мальчишки, потерявшего сознание, чтобы привлечь внимание толпы.

«Может быть, кто-то заметит, что случилось», — подумал он.

Вдруг поверх криков толпы прозвучали выстрелы, и Рэнд с облегчением увидел, что люди стали разбегаться. Мальчик сполз по борту «фиата» и осел на землю, как мешок с картошкой.

Впереди Рэнд увидел строй израильских солдат. В руках они держали автоматические винтовки стволами вверх. Демонстранты медленно отступали к востоку, время от времени оборачиваясь, чтобы выкрикнуть проклятье или бросить камень.

Рэнд поспешно открыл легко поддавшуюся дверь. Солдаты разделились на две группы: первая отгородила его от удаляющейся толпы, а вторая, из трех человек, подошла к машине со стороны переднего пассажирского сиденья. Мальчик уже пришел в сознание, и солдаты стали кричать на него и избивать — прикладами винтовок, ногами.

— Нет! — закричал Рэнд, протискиваясь в дверь и выпрямляясь.

Он обежал машину спереди и начал расталкивать солдат.

— Стойте, что вы делаете! Он же еще ребенок!

Один солдат обернулся и поднял винтовку, будто собираясь ударить Рэнда по голове. Рэнд резким движением перехватил ее за приклад и с яростью посмотрел солдату прямо в глаза.

— Давай, — тихо, но твердо сказал он по-английски. — Бей и меня.

Они молча смотрели друг на друга, пока Рэнд не бросил приклад.

Солдат тоже ослабил хватку и медленно опустил винтовку, не сводя с Рэнда глаз.

— Мы спасли вам жизнь, — сказал он по-английски с сильным акцентом.

— Я знаю.

Рэнд присел на корточки рядом с мальчиком, скорчившимся на дороге. Тот вздрогнул: по-видимому, он так и не понял, о чем Рэнд спорил с солдатами.

«А ведь я тоже только что спас ему жизнь», — подумал Рэнд.

4

«Эль-Аль», рейс 106

Развернув пластинку жевательной резинки, Трейси сунула ее в рот. Когда пассажиры заняли места в салоне авиалайнера, пилот объявил, что взлет разрешен. Салон и кабина экипажа огласились приветственными возгласами.

Трейси сидела рядом с проходом между креслами. Напротив нее, в среднем ряду, никак не могла устроиться поудобнее девочка лет четырех. Крохотные ножки едва выступали за край кресла. Справа от нее сидела молодая женщина, по-видимому мать девочки. Она была занята другим ребенком, еще младше, который лежал на соседнем кресле.

— Хочешь жвачку? — спросила Трейси девочку, приоткрыв блестящую фольгу и протянув пачку. — Чтобы уши не закладывало.

Кроха поглядела на Трейси и обернулась к матери. Трейси заметила, что та следила за их разговором. Мать улыбнулась и кивнула, разрешая взять жвачку.

Девчушка торопливо засунула пластинку в рот и принялась старательно жевать. Трейси с улыбкой откинулась в кресле и закрыла глаза.

Проснувшись она минут через двадцать, когда пробиравшийся в сторону туалета грузный мужчина задел ее локтем. Открыв глаза, Трейси потянулась за журналами, торчавшими из кармашка на спинке переднего кресла.

Их было два, один рекламный, авиакомпании, а второй, толстый и приятно пахнущий, — женский журнал «Gorgeous».[3]

— Что читаем?

Трейси подняла глаза от статьи «Блеск волос, который ты оценишь». На нее смотрел, обернувшись с переднего кресла, светловолосый парень лет двадцати с небольшим, идеально подстриженный. Трейси показала обложку.

— «Gorgeous»?

Мистер Идеальная Стрижка оценивающе и не спеша рассмотрел лицо Трейси, взгляд скользнул ниже, по ее груди и скрещенным ногам. Парень довольно ухмыльнулся.

— Зачем ты это читаешь? Тебе можно в этот журнал статьи писать.

— Скажи, я выгляжу такой дурой? Можно подумать, что куплюсь на дешевый комплимент? — Трейси презрительно склонила голову набок.

— Н-ну...

Парень смутился и даже покраснел.

— Э-э... я не в этом смысле...

Вдруг мистер Идеальная Стрижка дернулся и резко выпрямился: тележка с напитками, которую катила по проходу стюардесса, врезалась в спинку его кресла. Снова повернувшись к Трейси, он пробормотал извинения и больше не произнес ни слова.

Трейси кисло улыбнулась, засунула журнал на прежнее место и обратила внимание на мать девочки, которой она дала жвачку. Та протягивала дочке бумажный платок.

— Положи жвачку сюда.

Девочка помотала головой.

Женщина повторила просьбу, но получила решительный отказ. Глаза ре-

бенка расширились от страха.

— Она сказала, что, если я не буду жевать, мои уши куда-то заложатся!

И девчушка показала на Трейси.

Мать удивилась, потом рассмеялась и стала объяснять малышке, что именно Трейси имела в виду. Нерешительно, будто опасаясь, что с ушами все-таки может что-нибудь случиться, девочка наконец отдала жвачку матери и посмотрела на Трейси.

— Я еду к папочке, — шепотом сообщила она.

Трейси натянуто улыбнулась.

— Ты счастливая девочка, — сказала она и отвернулась.

5

18 год от Р.Х

Иерусалим, Верхний город

Это случилось.

Римский легионер, посланник префекта Валерия Грата[4], стоял перед ним в ожидании ответа. Легкий ветерок обдувал стены красивого дома из известняка в Верхнем городе — той части Иерусалима, где жила аристократия. С рассвета не прошло и двух часов, но утренняя прохлада почти не ощущалась.

— Передай его превосходительству, — сказал он без всякого выражения, — что я принимаю предложение.

Легионер наклонил голову и, уходя, повернулся к нему спиной. К только что назначенному первосвященнику Иудеи. Некоторое время он стоял, не в силах сдвинуться с места и наслаждаясь мгновением. Это назначение дорого ему досталось. Он женился на сварливой женщине, которая слишком часто давала повод подозревать ее в безумии. Благодаря влиянию тестя, который раньше сам был первосвященником, его направили посланником в Рим в прошлом году, когда при дворе Цезаря определяли финансовую политику империи в провинциях. Он регулярно, в открытую, давал взятки римскому префекту и уже начал опасаться, что деньги жены кончатся раньше, чем он чего-то достигнет.

Но его труды не пропали даром. Скоро он станет первосвященником, четвертым с тех пор, как тесть потерял эту должность после назначения префектом Валерия Грата. Всего три года назад.

Он вышел на веранду и посмотрел на оливковые деревья в саду. На сверкающий фасад Храма на вершине горы Сион, где он служил Богу Израиля. Он был священником, в его ведении находились ежедневные жертвоприношения от желающих искупления грехов. Последние годы он занимал должность управляющего Храма, заведовал хозяйственными делами, и под его началом были и другие священники. Но ни один священник Израиля не исполнял свои обязанности старательнее, чем Иосиф бар Каиафа.

«Это окупится, — не уставал он повторять самому себе. — И окупится сторицей».

— Значит, теперь ты первосвященник? — услышал он голос жены.

Каиафа обернулся. Она стояла в дверях, в дорогом платье, приторно пахнущая драгоценными благовониями.

— Да, — ответил он. — Твой отец будет доволен.

— Возможно, — сказала она. — Если ты преуспеешь больше, чем Шимон.

Или Елеазар. Или Измаил.

Она ядовито усмехнулась и ушла в дом. Но имена первосвященников, недавно смещенных префектом, остались висеть в воздухе. Валерий Грат поспешно назначил на эту должность Измаила, сына Фаби, — вместо Анны, тестя Каиафы. На следующий год Измаил так же быстро уступил ее Елеазару, сыну Анны. Его сменил Шимон, сын Хиллела Великого, который и оставался первосвященником... до сегодняшнего дня.

Войдя в дом, Каиафа позвал Исаака, слугу. Надо немедленно начинать действовать. Нельзя терять время. Нужно успеть сделать все возможное, чтобы не разделить судьбу предшественников.

6

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд проводил взглядом машину «скорой помощи», которая увезла мальчика-палестинца в больницу Хадасса. У него засосало под ложечкой — это была хорошо знакомая тоска. Теперь он испытывал ее реже, чем прежде, но от этого она не становилась слабее.

На какое-то мгновение Рэнд мысленно перенесся в Вестчестер, штат Огайо. Он представлял это уже не раз и не два. Сначала, будто в замедленной съемке, пьяный водитель грузовика врывается в «камри», в котором его жена ехала на какое-то женское собрание при церкви. Потом ее везут в больницу на «скорой», и она в отчаянии повторяет его имя. Рэнд мог только представить, как все это было: когда произошла катастрофа, он был далеко от Вестчестера, на другой стороне Земли — на Крите. Он узнал об аварии от врача, который чудом смог до него дозвониться. И когда Рэнд взял трубку, прошло уже двадцать четыре часа, как Джой умерла.

Рэнд поехал в Огайо на похороны. Казалось, он провел в дороге целую вечность. Сердце разрывалось от горя, если не удавалось забыться сном. Терзала мысль, что ускорить возвращение домой невозможно. Если бы можно было увидеть ее, убедиться, что в той злополучной машине была именно она, а не просто услышать чей-то равнодушный рассказ. Договорить все, что не было договорено за те двадцать лет, что они были вместе. После тридцати четырех мучительных часов, проведенных в самолетах и аэропортах, у него не было никакого желания поддерживать беседу с разговорчивым Гербертом, дядей Джой, который встретил его у терминала выдачи багажа.

— Где Трейси? — спросил Рэнд.

Он не раз пробовал дозвониться до дочери, набирая ее номер в аэропортах Афин, Франкфурта и Чикаго, но раз за разом включалась голосовая почта. Рэнд оставил несколько сообщений и, выходя из очередного самолета и включая телефон, все надеялся получить ответ, но его не было.

— Трейси держится молодцом, — ответил Герберт жизнерадостным тоном, и это показалось Рэнду неуместным.

— Я пытался до нее дозвониться, — сказал он. — Не слышал ее голоса с тех пор...

— Не беспокойся, Трейси провела эти две ночи с нами, и мы обо всем позаботились. Люди из похоронного бюро знают свое дело. Пусть оно и не слишком веселое. Меня всегда удивляло, как это человек может заведовать похоронным бюро. Понимаешь? Что-то тут не так. У нас в Цинциннати даже есть

колледж, где учат студентов по этой специальности, прямо рядом с моргом. Представляешь, едут люди мимо морга, и какой-нибудь парнишка спрашивает у мамочки: «Мама, что такое похоронное дело?» Мама объясняет, а малыш думает: «Вот чем я буду заниматься, когда вырасту». Не могу себе представить.

Герберт продолжал говорить, а Рэнд лишь кивал в ответ, не перебивая и не слушая. Получив багаж, они вышли из здания аэропорта, на автостоянке сели в минивэн Герберта и через десять минут уже переезжали мост через реку. За это время Герберт ни разу не снизил скорость на повороте, так что Рэнду стало не по себе.

— Сам понимаешь, в наши дни, когда обзваниваешь такие компании, приходится выслушивать один автоответчик за другим...

— Так кто занимается похоронами? — спросил Рэнд достаточно вежливо, поскольку единственный способ о чем-то спросить дядю Герберта — это перебить его.

— Пол Лиланд. Это будет неплохо, я думаю. По крайней мере, он не красит волосы. А я терпеть не могу, когда пастор красит волосы. Это как-то неправильно, мне кажется...

Рэнд снова стал смотреть в окно, а Герберт продолжал говорить.

Пол Лиланд, пастор церкви, куда они ходили с Джой. Он по крайней мере на десять лет старше, что не мешало им быть хорошими друзьями. С первой встречи выяснилось, что Пол смотрит в глаза собеседнику... и видит его насквозь, чувствует биение сердца и читает мысли. Рэнд не знал, сохранился ли у Пола этот дар до сегодняшнего дня... лучше бы нет.

И вот он стоит у гроба, и скоро начнутся похороны. Земля ушла из-под ног, когда Рэнд увидел безжизненное тело единственной женщины, которую любил. Он стоял, плакал, касался ее холодных рук, проводил по волосам. Словно прирос к земле и не мог отойти от гроба ни на шаг. Рэнд не замечал, что происходит вокруг... пока не появилась Трейси, его восемнадцатилетняя дочь.

Повернувшись, он обнял ее за плечи, и тут же ощутил, как она резко выпрямилась и напряглась. Рэнд посмотрел ей в лицо и был поражен застывшим на нем выражением. Он ожидал увидеть все, что угодно, только не это. Маска. Трейси словно воздвигла между ними глухую стену. Рэнд ждал, что дочь посмотрит на него, но не дождался. Трейси бесстрастно глядела на гроб с телом своей матери.

Рэнд не сразу понял, что человек, который отвел их к креслам в первом ряду, не кто иной, как Пол Лиланд. Не заметил, сколько в зале народу, наблюдавшего за ним и его дочерью. Не слышал ни общей молитвы, ни заупокойной службы. Рэнд догадался, что отпеванием руководил Пол Лиланд, только когда все закончилось и распорядитель похорон, маленький человек в черном костюме, подошел к гробу и предложил присутствующим «отдать последние почести».

Рэнд встал, думая, что Трейси подойдет к гробу вместе с ним, но она осталась сидеть, глядя в пол. Рэнд шепотом позвал ее — она покачала головой. Хотел взять дочь за руку, но она отодвинулась. Он постоял, не зная, как преодолеть эту пропасть, разделившую его с дочерью, убитой горем.

Решив оставить Трейси в покое, Рэнд шагнул к гробу. Сквозь душившие слезы произнес тихую прощальную молитву. Все в зале почтительно и терпеливо ждали, когда закончится прощание. Наконец Пол подошел к Рэнду и по-

ложил руку ему на плечо.

— Пойдем, Рэндал, — сказал он мягко. — Я провожу тебя в лимузин.

— Я хочу остаться здесь, — тихо, но настойчиво ответил Рэнд, покачав головой.

Пол смотрел понимающе.

— Знаю. Но другие тоже хотят проститься с ней.

— Сколько им пришлось ждать, Пол? — спросил Рэнд, не сводя глаз с лица жены. — Несколько минут? У меня ушло почти двое суток, чтобы добраться сюда. Все это время я ждал. В автобусе, на корабле, в аэропорту, в самолете. И теперь ничего не хочу — только посмотреть на нее!

Лицо Рэнда исказилось от горя.

«А ее здесь нет! — подумал он. — Я смотрю на нее снова и снова и не могу отвести взгляд, но...»

— Понимаю, Рэнд, — отозвался Лиланд. — Но ее здесь нет. Она с Богом.

Лицо Рэнда стало каменным, и он поднял глаза.

— Я тебя сейчас ударю.

Рэнд посмотрел на первый ряд кресел, но не увидел там Трейси и молча направился к выходу вслед за Полом Лиландом.

Он остался в Огайо после похорон, пока Трейси сдавала выпускные экзамены, и думал, что поможет ей поступить в колледж в конце лета. Но чувство, что дочь словно отгородилась от него, не проходило, и Рэнд остался наедине со своим горем. У Трейси были близкие друзья, и это его радовало, но все попытки сблизиться с дочерью успеха не имели. Не говоря уже о том, чтобы помочь друг другу. Вот почему, когда позвонил Игаль Хавнер и предложил участвовать в раскопках в Мареша, Рэнд принял предложение. Он надеялся, что возвращение к любимой работе поможет отвлечься, избавиться от горестных мыслей, которые преследовали его после похорон... да и до них, если быть честным.

— И ведь это сработало, — пробормотал Рэнд, провожая взглядом машину «скорой помощи», пока она не скрылась за холмом.

Он отер с лица пот и тяжело вздохнул. А ведь еще даже не полдень. Обернувшись к машине, Рэнд заметил, что израильские солдаты внимательно за ним наблюдают. Открыл дверь, но остановился.

На него смотрел один из солдат — тот самый, с которым он только что сцепился из-за мальчика.

— Мне нужно в Тальпиот, — сказал Рэнд как ни в чем не бывало.

Солдат сделал движение подбородком в сторону холма.

Рэнд посмотрел туда и увидел множество строительной техники на самой вершине. Сквозь завесу пыли виднелись и шевелящиеся фигурки людей. Дорога в том направлении была забита машинами.

Снова вздохнув, Рэнд оглядел местность. Сплошные скалы и камни. Объехать не получится, придется ждать.

— Могло быть и хуже, — сказал он без тени улыбки. — Но не настолько.

Кивнул солдату и сел в машину.

18 год от Р.Х.

Иерусалим, Верхний город

— Ты понимаешь, что Шимон[5], сын Хиллела, будет оставаться первосвященником до твоего посвящения в сан?

Уже немолодой и тучный Анна возлежал на низком ложе напротив своего зятя Каиафы, только что назначенного первосвященником. Они делили трапезу за низким круглым столом в изысканно убранном покое. Кроме них здесь был только слуга. Он стоял в дверях, откуда доносилось приятное дуновение ветерка из внутреннего двора.

Иосиф бар Каиафа вежливо и терпеливо кивнул, положив в рот крупную виноградину. На столе лежали фрукты и овощи, стояли разнообразные сосуды и кувшин с вином.

— Они зададут тебе два вопроса.

Каиафа раздавил виноградину зубами.

— Да, я знаю. Я присутствовал на посвящении в сан первосвященника.

— Тем не менее сейчас важно, как именно ты ответишь на вопросы.

— Совету все известно о моем отце и моем деде. Члены Синедриона знают, что имя моего предка Захарии значится в архивах Ешаны в Зиппориме. — Каиафа привел один из главных аргументов семьи в пользу того, что он достоин стать первосвященником Иудеи.

— Они обязательно спросят о телесных изъянах и тайных пороках.

Каиафа снова кивнул.

— Уверяю тебя, я всегда был весьма осторожен. Я не мог допустить, чтобы появилось даже малейшее основание отвергнуть мою кандидатуру по этой причине. «Ибо ревность по доме Твоем снедает меня».

Анна протянул руку за чашей с вином.

— Сам понимаешь, я не сомневаюсь в твоей чистоте с формальной точки зрения. Но нельзя беспечно относиться к мнению Совета по этому поводу. Ты должен обдумать каждое свое слово.

Каиафа вздохнул и улыбнулся.

— Вы можете не волноваться, отец мой. Когда я сказал: «Ревность по доме Твоем снедает меня», я не шутил. Я понимаю, что первосвященником меня сделал Рим...

— И отец твоей жены.

Каиафа кивнул.

— Да, а также бесконечные взятки и интриги. Но я не намерен оставаться первосвященником только для Рима. Я стану первосвященником иудеев и буду служить народу моему до последнего вздоха.

— Ты хочешь преуспеть в том, в чем я потерпел поражение? — спросил Анна, изучающе глядя на зятя.

— С твоей помощью — да.

— Ты так веришь в свои способности?

— Да, но не только в них. Я верую в Хашема и в Того, Кто грядет.

— Но ты не Он, — ответил Анна, усмехаясь.

— Да, — согласился Каиафа. — Но я первосвященник. И когда в Израиле будет восстановлена добродетель, Он придет.

— И как ты собираешься этого добиться?

— Постепенно. Но добиваться начну сразу, как только буду посвящен в сан первосвященника и помазан перед Синедрионом.

— Помазан? — недоверчиво переспросил Анна.

Каиафа медленно кивнул.

Казалось, Анна был потрясен. Поворачивая чашу, он подбирал слова.

— Ты... назначенный первосвященник. Помазанного первосвященника не было... со времен до Пленения! Ты же знаешь, многие считают, что слово «помазанник» должно относиться лишь к Грядущему, к Мессии.

— Но сейчас должно быть именно так, — ответил Каиафа, подчеркивая каждое слово. — Только так может быть восстановлена добродетель.

Анна открыл рот и снова закрыл, не издав ни звука. Поставил чашу на стол и покачал головой.

— Совет не пойдет на это! Это безумие.

— Я уже говорил с большинством членов Синедриона. Они не станут возражать.

— Уж Шимон и Гамалиил наверняка...

— Они были первыми, с кем я говорил.

— А другие?

— Разногласий не будет, уверяю тебя. Голоса уже посчитаны.

— Но... кто же совершит обряд миропомазания? Не Ирод же! Ведь он идумей!

— Нет, не Ирод.

— Тогда кто же?

— Ты, — улыбнулся Каиафа.

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд припарковался рядом с забрызганным грязью самосвалом и вышел из машины, прикидывая, что с того момента, как «скорая» увезла мальчика, прошло около часа. Потрогал лоб — кровь засохла.

«Одно к одному, — подумал Рэнд, — ну и денек».

Сделав несколько шагов, он увидел девушку в военной форме — шортах и рубашке цвета хаки. Она стояла, сложив руки на груди, и смотрела на громающийся гусеницами бульдозер на вершине холма. На ней был широкий армейский ремень с кобурой.

— Я прошу прощения, — обратился к ней Рэнд.

Девушка обернулась и пристально посмотрела на него.

«Ей лет двадцать шесть — двадцать семь», — прикинул Рэнд.

Порывшись в кармане рубашки, достал измятый листок бумаги.

— Я ищу старшего сержанта Шарона, — сказал он, старательно выговаривая «Шарон» вместо привычного английского «Шэроун». — Не подскажете, как мне его найти?

— Думаю, я смогу вам помочь, — ответила девушка по-английски с еле заметным акцентом. — Какое у вас дело к сержанту Шарону?

— Я профессор Рэндал Баллок, приехал, чтобы руководить раскопками. Если вы скажете, где найти сержанта, я не буду отнимать у вас время.

— Мы вас ждали. — Девушка сняла руки с груди и положила их на талию. — Думали, вы раньше появитесь.

— Мне жаль, но меня едва не убили. Недалеко отсюда уличные беспорядки, и я застрял в толпе.

Девушка направилась к вершине холма. Рэнд последовал за ней.

— Да, вам не повезло.

— Боюсь, вы просто не представляете, что там происходило. Я думал, мне уже не выбраться.

— Как вы сейчас?

Рэнд посмотрел на нее внимательнее. Никакой косметики. Черные волосы заколоты гребнем. Глаза темно-карие, лицо загорелое, но не чересчур, тонкие черты. У него появилось ощущение, что в душе она посмеивается над ним. Рэнд отвел глаза.

— Кому это нужно? — спросил он.

— Что именно?

— Насилие. Они разбили окно в моей машине и едва не раздавили мальчишку.

— Они протестуют.

— Вижу. Но против чего?

Девушка пожала плечами с явным безразличием.

— Видно, не могут без этого.

Место, где бульдозерист обнаружил подземную полость, было обозначено столбиками и желтыми лентами.

— Идем.

Девушка приподняла ленту и прошла за ограждение. Рэнд последовал за ней, чувствуя, как его охватывает волнение. Он внутренне собрался и, присев

на корточки у края пролома, посмотрел вниз. Солнце стояло высоко, ярко освещая гробницу.

Четыре оссуария, костницы, вытесанные из известняка. Два расколоты, на несколько крупных фрагментов каждый, и два совершенно целые, только присыпанные пылью.

— Сами понимаете, — сказала девушка, — условия для работы тут не самые лучшие. Департамент древностей требует сделать все как можно скорее.

— В какие сроки?

Девушка пожалала плечами.

— Учитывая ситуацию, их надо понимать в буквальном смысле: как можно скорее.

Рэнд вытер пот со лба.

— Мне нужно точно знать сроки. От этого зависят все дальнейшие действия. Несколько недель? Или месяцев?

— Несколько дней.

— Это несерьезно.

Рэнд почувствовал, как кровь бросилась в голову, и совсем не от жары.

— Судя по всему, это иудейская усыпальница времен Второго Храма. Именно об этом говорят оссуарии.

Он имел в виду вытесанные из камня костницы, ящики для костей умерших, которые были в ходу у иудеев с I века до Р. Х. и до 70 года н. э., когда Храм разрушили римляне. Когда тело истлевало, кости очищали и складывали в такой ящик, обычно вытесанный из известняка. Помимо надписей со сведениями об усопшем и его семье на стенках оссуария вырезали орнамент.

— Здесь их по крайней мере четыре, — продолжал Рэнд. — Возможно, и больше, но мы этого не узнаем, пока не спустимся вниз.

Девушка снова скрестила руки на груди.

— Боюсь, вас никто не будет слушать. В Израиле все не так просто. Как вы понимаете, тут у нас стоит только воткнуть лопату в землю, и сразу обнаружатся какие-нибудь древности. В этом районе Иерусалима, например, сплошные гробницы, и в них уже были найдены тысячи таких ящиков. Я знаю, что археологи каждый раз хотят аккуратно, не торопясь, извлечь каждый осколок кости, камень или черепок. Я вас понимаю, но нужно учитывать, что в Израиле то и дело находят что-то, вызывающее интерес у археологов, и такое случается сотни раз каждый год. Но нельзя игнорировать политические, религиозные и экономические реалии.

— Мне понадобятся люди, — сказал Рэнд.

— Все люди на этих раскопках — это вы, — ответила девушка с лучезарной улыбкой.

— Вы шутите? — спросил Рэнд, уже понимая, что она не шутит.

Девушка покачала головой.

— Это невозможно. У меня не хватит ни времени, ни сил.

Она уже не улыбалась, и во взгляде сквозило сочувствие.

Баллок потряс головой.

— Так что насчет старшего сержанта Шарона? Когда он здесь появится?

— Он здесь. — Она протянула руку. — Старший сержант Шарон, полиция Израиля.

Рэнд только теперь разглядел нашивку на ее рукаве. Шеврон с тремя полос-

ками и дубовые листья.

— Вы?.. Это вы — старший сержант Шарон? — пробормотал он, краснея. — Я... прошу прощения. Сами понимаете, я не...

— Не ожидали увидеть женщину?

— Нет, просто...

Рэнд вздохнул.

— Бросьте. Не вы первый. Не поверите, но у израильтян предрассудков не меньше, а то и больше, чем у американцев.

Рэнд хотел было возразить, но только улыбнулся.

— Что ж, рад познакомиться, старший сержант Шарон. Меня зовут Рэнд.

— Профессор Баллок. — Она старательно выговорила его имя, не улыбнувшись в ответ. — Старший сержант Мириам Шарон.

9

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд не стал мешкать. Он спустился в гробницу сквозь дыру в куполе, проделанную бульдозером. Старший сержант Шарон осталась наверху.

После полуденной жары было даже приятно оказаться в прохладном склепе. Он был высечен в основании скалы из мягкого известняка, типичного для восточной части Иудейской пустыни. Более низкая часть пола, так называемый приямок, находилась в восточной части склепа, там, где когда-то был вход. Она была нужна для того, чтобы оплакивающие усопшего могли выпрямиться в полный рост.

— Локулы, — произнес Рэнд, увидев три горизонтальные ниши в западной стене гробницы. — Еще одно доказательство, что это иудейское погребение.

Во времена Иисуса евреи хоронили покойников, умастив тело благовониями и завернув в ткань. Его укладывали в локулу — нишу в стене глубиной около двух метров и полметра высотой. Локулу закрывали камнем, а другим камнем, побольше, заваливали вход в гробницу. Спустя год, когда тело истлевало, родственники умершего открывали гробницу, доставали кости из локулы, очищали их и складывали в оссуарии. Эта традиция, появившаяся неизвестно откуда, перестала существовать после разрушения Иерусалима в 70 году от Р. Х., когда большинство жителей города были убиты или изгнаны. Да и придерживались ее лишь в Иерусалиме и его окрестностях. В результате большая часть оссуариев была найдена в Иерусалиме и лишь несколько — в Галилее, куда бежали жители Иерусалима после разрушения города, но там оссуарии изготавливали из глины, а не из известняка.

Локулы в западной стене оказались пустыми, но была еще четвертая, в южной. И в ней — два оссуария. Посмотрев вверх, Рэнд увидел, что потолок гробницы богато украшен резным цветочным орнаментом.[6]

— Замечательно.

— Вы звали? — окликнула его Шарон, появившаяся в отверстии.

— Нет. Это я сам с собой разговариваю. Со мной такое часто бывает. Я сказал...

Рэнд умолк — Шарон уже не было видно.

— Похоже, это знак богатства и высокого положения, наряду с большими размерами гробницы, — закончил он фразу, многозначительно кивая самому себе. — Ты что-то нашел, Рэндал. Это действительно может оказаться важным.

Он перевел дух. Что сказал Игаль Хавнер всего несколько часов назад? «Что бы ты ни нашел в Иерусалиме, для тебя это шанс снова обрести хотя бы часть того... что потерял».

— Что ж, хорошо. Делать разметку времени нет. Придется все пометить и сделать замеры, а потом сфотографировать, причем фотографии должны быть хорошего качества. После этого можно начинать счищать пыль и извлекать предметы.

Рэнд лихорадочно принялся за работу. Шесть часов непрерывно фотографировал и делал заметки, стараясь не упустить малейших деталей. Помимо фотографирования гробницы во всех возможных ракурсах описывал все попадавшиеся предметы, вплоть до мельчайших осколков камня, нумеруя и фотографируя рядом с линейкой, чтобы были понятны их размеры. Рэнд делал по несколько снимков каждого предмета, записывая в блокнот его местоположение в гробнице. Керамические масляные светильники, глиняную чашку и маленький флакон, который, по всей видимости, использовался для хранения благовоний или мазей, а также множество осколков посуды и известняка он сложил в бумажные мешки вроде тех, в которые упаковывают ланч. Рэнд работал быстро, но аккуратно.

Пока руки были заняты, мысли уводили далеко отсюда. То на раскопки Игаля Хавнера в Тель-Мареша, то в Цинциннати, где похоронена жена, то в Чикаго, где учится в колледже Трейси. Рэнд был так далеко от единственной дочери и не мог ни понять ее, ни стать ближе. Он вспомнил, какое у Трейси было лицо, когда он сделал ей сюрприз — неожиданно прилетел домой и пришел на рождественское представление в церкви, где она играла Деву Марию. В глазах одиннадцатилетней девочки светилось обожание, почти такое же, с каким все смотрели на Брэда Уорнера — в тот год его выбрали на роль Иосифа.

«Не хочется в это верить, — подумал Рэнд, — но, наверное, это был последний раз, когда Трейси смотрела на меня такими глазами».

Дочь выросла, а Рэнд, вероятно, выглядел в ее глазах человеком совершенно никчемным. Каждый раз, оставаясь дома, он пытался — правда, без особого успеха — искупить вину за свое постоянное отсутствие. И всегда, отправляясь на раскопки, знал, что вина растет и он не сможет загладить ее в следующий приезд. Тогда он и начал пить.

«Мне надо было найти работу преподавателя. Чтобы быть рядом с Трейси. Давно надо было это сделать. Если бы я был рядом, когда ей было двенадцать, тринадцать, то, возможно, оказался бы рядом с ней и... когда умерла Джой».

Работая, Рэнд размышлял о том, что гробница — подходящая метафора для его жизни и отношений с людьми. Закончив описание, он вылез наружу. Шарон стояла у патрульной машины, привалившись к ней спиной и скрестив руки.

— Думаю, завтра я начну расчищать предметы в пещере, — доложил Рэнд. Она кивнула.

— Если не случится ничего непредвиденного, все будет закончено меньше чем за неделю.

— Раньше, — сказала она.

Рэнд покачал головой.

— Не думаю, что это возможно. Дело ведь непростое. Все находки нужно извлекать с особой осторожностью. Кроме того, мне потребуется чья-то помощь,

чтобы поднять наверх крупные предметы.

— Какая именно помощь?

— Самая элементарная — брать и нести.

— Я бы вам помогла, но мне нельзя оставлять пост.

Она кивнула в сторону дороги.

Рэнд вытащил мобильный телефон и набрал номер Игаля Хавнера.

— Шалом, — сказал он, услышав его голос. — Мне приходится просить тебя об одолжении.

И тут старший сержант Шарон встала прямо перед ним, жестом показывая, чтобы он прервал разговор.

— У нас неприятности.

10

Тель-Авив

Трейси сошла с трапа самолета в международном аэропорту Бен-Гурион в окрестностях Тель-Авива и окунулась в шумную толпу. Вокруг обнимались, что-то кричали. Ее внимание привлекла группа женщин — их лица закрывала вуаль, а говорили они на незнакомом языке, высокими, будто птичьими голосами. Трейси с удивлением обнаружила, что терминалы аэропорта выглядят куда современнее, чем дома, в Чикаго. Надписи на указателях были на нескольких языках — еврейском, арабском, английском и, по-видимому, французском.

В самолете Трейси стало дурно, но не от высоты. С того самого момента, как лайнер оторвался от взлетной полосы международного аэропорта О'Хара в Чикаго, она сжималась от страха. В голову приходили разные мысли, и Трейси уже начала сомневаться, не была ли это плохая идея с самого начала. Она никого не знает в Израиле, кроме отца. А он не знает, что Трейси отправилась к нему. Она не умеет ни говорить, ни читать на иврите. Что, если она потеряется? Или у нее украдут деньги? Как тогда быть?

«Все, ты уже здесь», — строго сказала Трейси самой себе.

Разглядывая указатели, она прошла к терминалу выдачи багажа и таможене.

«Ты сделала это. Ты уже здесь, цела и невредима».

Настроение стало подниматься, и Трейси ловко, но вежливо лавировала между более медлительными пассажирами, чем она.

«Ты сделала это! Ты в Израиле, а это очень далеко от колледжа „Ротан“».

Правда, Трейси до сих пор было не по себе.

«Тебе просто нужно подышать свежим воздухом».

Но перед багажным терминалом сердце у Трейси дрогнуло. Сотни людей столпились у транспортеров, еще больше народу стояло в длинных извивающихся очередях к пунктам паспортного и таможенного контроля. Со свежим воздухом придется подождать.

18 год от Р. Х.

Кесария Палестинская[7]

Путешествие было долгое и изнурительное, стояла жара. Вновь назначенный первосвященник в сопровождении двадцати всадников и нескольких чиновников выехал из Иерусалима два дня назад. Миновав Бет-Хорон и двигаясь по главному тракту, который шел с востока на запад, к морю, они преодолевали по двадцать миль в день.[8] Первый раз переночевали в Лидде, второй — в Аполлонии, двигаясь к столице римской колонии на восточном побережье Средиземного моря.

Город стоял на месте Стратоновой Башни, построенной для сидонского царя.[9] Восемьдесят один год назад эти земли были завоеваны римским военачальником Помпеем, но не вошли в состав Иудеи. Сорок восемь лет назад император Август подарил их Ироду Великому, который и построил здесь город, назвав его Кесарией в честь Цезаря. Это строительство стало одним из великих деяний Ирода Великого. Работы в иерусалимском Храме продолжались и после его смерти, но Кесария Палестинская сразу заблистала, словно бриллиант среди прочих драгоценных камней — с ними можно было сравнить портовые города Птолемаис на севере и Иоппу на юге.

Сложно было не заметить контраст между многолюдными улицами Иерусалима, на которых остро пахло потом, и просторными, продуваемыми морскими ветрами роскошными кварталами Кесарии.

Кортеж Каиафы подъехал к городу с юга. Вдали виднелось Великое море, а впереди раскинулся великий город. Когда они въехали на Кардо Максимус, широкую улицу, ведущую на восток от морского побережья, копыта лошадей зацокали по гранитным плитам. Украшенные мозаиками тротуары окаймляли ряды мраморных колонн, уходящие вдаль.

Мимо мелькали бесчисленные лавки, дворцы и храмы, и вот наконец показались грандиозные сооружения. Ипподром, амфитеатр и, как это ни унижительно, огромный храм, посвященный Риму и Августу и возведенный по приказу Ирода Великого. Обрамленный большими портиками, он возвышался над бухтой... Если у кого-то из спутников Каиафы и были сомнения в богатстве языческой Кесарии, то перед дворцом префекта они развеялись как дым.

Для Каиафы все великолепие Кесарии было подобно роскошному савану. Сколько ни украшай, запах смерти и разложения все равно не скроешь. На него не производила впечатления красота этого города, построенного на крови и преступлениях, — он знал, что придет день, когда в земле Израиля исполнится слово пророка и она «наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море». А еще Каиафа надеялся, что это произойдет, когда он станет первосвященником. И на сегодняшней аудиенции у префекта будет заложен краеугольный камень того, что он должен совершить.

Каиафа понимал, что желает невозможного. Он знал, что все, к чему прикасается Рим, гниет изнутри. Он видел это в Анне, своем тесте. И знал, что ему придется сотрудничать с Римом, идти на уступки, и не был уверен, что избежит этой порчи, в отличие от первосвященников, что были до него. И все-таки Каиафа был настроен решительно. Он знал, что если во всем Израиле будет восстановлена добродетель, Мессия придет. А до тех пор пусть Рим

спит, а Каиафа будет петь ему колыбельные.

У ворот громадного дворца, построенного на узкой полоске суши, выдающейся в рукотворную гавань Кесарии, делегацию встретил слуга. Приказав другим слугам приглядеть за лошадьми и поклажей гостей, он проводил Каиафу и его спутников на главный двор. Справа был зал для аудиенций, больше похожий на храм, а прямо перед ними — дворец из гранита и мрамора. В тени пальм плескалась вода в бассейне невиданных размеров. Каиафа прикрыл глаза, вдыхая соленый морской воздух и прислушиваясь к шуму волн, плещущих о берег.

— Конечно, он заставит нас подождать, — сказал Гамалиил, внук Хиллела Великого, имея в виду Валерия Грата, префекта Иудеи.

— Конечно, — согласился Каиафа.

И они, а также Измаил, Александр и молодой шурин Каиафы, Ионатан, члены Синедриона, были немало удивлены, когда слуга вернулся, и вернулся очень быстро.

— Префект приветствует вас в Кесарии, — сказал он и сделал приглашающий жест. — Он примет вас прямо сейчас.

Ни Каиафа, ни четверо его спутников не двинулись с места. Иудеи не могли войти в жилище язычника, сколь бы прекрасным оно ни было. Префект, конечно же, знал это. Его приглашение войти было лишь способом поставить вновь избранного первосвященника перед выбором: нарушить законы веры или оскорбить пригласившего его. Но когда Каиафа заговорил, его голос был вкрадчивым и таким же шелковым, как длинные полосы ткани, что развевались в дворцовых покоях и были видны с главного двора.

— Мы не смеем отвлекать его высокопревосходительство от важных дел. Пожалуйста, передай, что мы полюбуемся прекрасным садом, пока его высокопревосходительство не решит прервать свои занятия и отправиться на прогулку.

Слуга бросил на первосвященника внимательный взгляд, коротко кивнул и исчез во дворце.

12

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд оборвал разговор с Игалем Хавнером, пообещав перезвонить. К огороженной зоне раскопок подъехали четыре запыленных автомобиля. Из них одновременно вышли мужчины с длинными бородами и в черных шляпах и, что-то крича, двинулись к Рэнду Баллоку и старшему сержанту Шарон.

Шарон командным голосом крикнула что-то этим людям, одетым, несмотря на жару, в длиннополые черные сюртуки. Вновь прибывшие (а их было больше десятка) остановились у желтой ленты, преградившей дорогу к раскопу. Раскрасневшиеся лица и возбужденный тон гостей заставили Рэнда усомниться, что их удастся остановить.

Он медленно подошел к Шарон, не представляя, что они будут делать, если «гости» направятся в их сторону. Шарон встала перед главным из недовольных, как можно было догадаться, и смотрела на него в упор, не двигаясь с места. Тот продолжал что-то выкрикивать ей в лицо. Остальные дружно кивали в такт выкрикам, так что завитые пряди у них на висках болтались туда-сюда.

Когда главный наконец умолк, старший сержант Шарон заговорила, тихо и отчетливо. Рэнд не понял из ее слов ничего, кроме «шалом», но, что бы она ни сказала, это, по-видимому, несколько разрядило ситуацию... до тех пор, пока сержант не повернулась к ним спиной и направилась к патрульной машине.

— Ассур! — воскликнули мужчины хором. — Ассур!

«Запрещено».

Рэнд пошел за Шарон, преследуемый криками.

— Что происходит? — спросил он на ходу.

Он был уверен, что эти люди в любой момент могут ринуться за ограждение, обозначенное желтыми лентами, и просто-напросто смять их.

— Куда вы идете?

— В машину, — ответила Шарон.

Вид у нее был сосредоточенный, а подбородок выдвинулся вперед от напряжения.

— Почему? Зачем? Вы уезжаете?

Вместо ответа Шарон открыла багажник и вынула карабин.

— Эти люди из «Хеврат Кадиша», — объяснила она, захлопывая крышку багажника. — Это религиозное общество, которое следит за соблюдением похоронных обрядов харедим, ультраортодоксальных евреев. Они считают, что мы не должны тревожить мертвых. Как только они узнают, что обнаружена иудейская усыпальница, сразу устраивают акции протеста, добиваясь разрешения совершить обряд погребения и закрыть гробницу.

— Вы шутите, — не поверил Рэнд.

Он слышал об этих людях, но почти ничего не знал о них.

— Нет. Это очень серьезно.

— Но что они могут сделать?

— На самом деле законы Израиля на их стороне, — ответила Шарон, поворачивая обратно. — В соответствии с ними найденные во время земляных работ человеческие останки должны быть переданы Министерству по делам религии для немедленного перезахоронения.[10]

Рэнд схватил ее за руку.

— Что значит немедленного? Насколько немедленного?

Шарон высвободила руку.

— Немедленного.

— Из ваших слов следует, что если в оссуариях есть человеческие кости, я не смогу отправить их в лабораторию для исследования?

— Если в этой гробнице есть хоть какие-то человеческие останки, они должны быть переданы для немедленного перезахоронения.

— Но все-таки — насколько немедленного?

— Кажется, вы уже задавали этот вопрос.

— Это несерьезно, — повторил Рэнд. — Здесь же гробница! Наверняка в ней есть кости, а им, судя по наличию оссуариев, порядка двух тысяч лет! И они могут о многом рассказать. Возможно, о чем-то очень важном. Вы же не думаете, что археолог достанет кости из древней гробницы и запросто отдаст их какому-то чудакам в длинных плащах!

Ответом ему был сочувствующий взгляд темно-карих глаз.

— Вы должны понять, — продолжал Рэнд, — насколько важны эти останки с точки зрения археологии.

— Профессор Баллок, — перебила его Шарон. — Понимаю я это или нет, не имеет никакого значения. Закон есть закон.

— Поверить не могу, — выдохнул Рэнд.

Он провел ладонью по волосам и беспомощно покачал головой.

— Извините, профессор Баллок. Поверьте, я не получаю удовольствия от того, что вам мешают работать.

— Да, конечно. Вы тоже на работе. По крайней мере, могу я осмотреть оссуарии на месте?

— Да, но все человеческие останки должны остаться как есть. Их нельзя трогать.

«Значит, никакого радиоуглеродного анализа и всего остального», — подумал Рэнд.

— Должен быть кто-нибудь, кому я могу позвонить, — сказал он. — Например, это Министерство по делам религии. Может быть, мне удастся поговорить с кем-то из его сотрудников.

Шарон бросила взгляд на харедим, которые что-то выкрикивали и распевали, повернувшись лицом к гробнице.

— Например, вон тому милейшему человеку в черной шляпе.

— Он из этого министерства?

— Министерство по делам религии осуществляет надзор за похоронными сообществами Израиля. Их сотни. И за каждого иудея, перезахороненного в соответствии с законом, они получают деньги от правительства.

— Неслыханно.

— Как я уже говорила, профессор Баллок, — мрачно заметила Шарон, — в Израиле все не так просто.

13

Тель-Авив

— Вы не понимаете, — сказала Трейси человеку за стойкой фирмы «Эвис», одной из многих в аэропорту Бен-Гурион.

После того как она наконец-то пробралась сквозь толпу на терминале выдачи багажа и обошла весь аэропорт, самый современный и самый роскошный из всех, какие когда-либо видела, Трейси словно попала в другой мир. Здесь было больше магазинов, ресторанов и фонтанов, чем в любом мегаполисе в Америке.

Человек за стойкой обезоруживающе улыбался.

— Это вы не понимаете, — сказал он по-английски с сильным акцентом. — Арендовать машину можно, если вам исполнилось двадцать пять лет. А вам, — он заглянул в ее водительские права, выданные в Огайо, — девятнадцать?

— Но... может быть, можно арендовать машину на имя моего отца или как-то еще?

— Ваш отец здесь? — спросил служащий с вежливой улыбкой.

Трейси отрицательно покачала головой.

Какой-то идиотизм! Она чувствовала себя самостоятельной с тех пор, как умерла мама. Не считая кредитной карточки, которую ей оформил отец, чтобы оплачивать обучение и покупку учебников, Трейси жила как вполне взрослый человек, поэтому ей даже в голову не пришло, что в Израиле она не сможет взять машину напрокат.

Она наклонилась вперед, поближе к мужчине, который все так же приветливо улыбался.

— Вы можете мне хоть чем-нибудь помочь? Мне нужно сегодня попасть в Мареша.

— Мареша? — переспросил служащий.

«Вроде так, — подумала Трейси. — Место раскопок называется Мареша. Может, он такого не знает?»

Она порылась в рюкзаке.

— Это рядом с... кибуцем, — сказала она, доставая клочок бумаги и показывая его служащему. — Бейт-Гуврин.

За ней уже выстроилась очередь. Люди говорили на идише, а стоявший позади нее мужчина простонал: «Ялла!» Видимо, это означало: «Сколько можно ждать!»

Человек за стойкой развернул карту.

«Она такая потрепанная, что, если судить по ее виду, вполне могла пересечь Красное море вместе с Моисеем», — подумала Трейси.

Посмотрев в карту, служащий ткнул пальцем к юго-западу от Иерусалима.

— Бейт-Гуврин?

— Да, — кивнула Трейси, разглядывая надпись в том месте, куда он показывал. — Как мне туда попасть?

Служащий шумно вздохнул, и улыбка исчезла с его лица. Он пожал плечами.

— На автобусе или на такси.

Вытянув шею, он посмотрел на человека позади Трейси.

— Следующий.

14

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд снова стал набирать номер Игаля Хавнера. Первые два раза — безуспешно, хотя шкала показывала устойчивую связь. На третий раз соединение наконец произошло.

— Шалом, — раздался голос в трубке.

— Игаль, — сразу приступил к делу Рэнд, даже не произнеся привычного «шалом». — Мне нужна твоя помощь.

Он повернулся спиной к людям в черных шляпах и старшему сержанту Шарон. Она поставила ноги на ширину плеч, а руки положила на висевший на плече карабин.

— Надеюсь, смогу помочь тебе по мере сил, — ответил Хавнер. — Но, по всей видимости, поехать к тебе прямо сейчас не получится.

— Я понимаю. Но ты можешь кого-нибудь послать?

— Мне самому людей не хватает, Рэндал. Что именно тебе нужно? И что тебе удалось обнаружить?

Вздыхнув, Рэнд описал старому другу сложившуюся обстановку, в том числе и появление на раскопках «Хеврат Кадиша».

— Да, хорошего мало. — Хавнер быстро сориентировался в ситуации. — Это просто кошмар, в каких условиях археологам приходится работать в Израиле. И каждый раз, когда мы пытаемся хоть немного изменить положение вещей в лучшую сторону, кнессет[11] лишь усугубляет его. У них там столько фракций, что...

— Ты можешь помочь мне? — перебил Рэнд.

— Чем именно?

— Прежде всего мне нужен подъемник. Еще генератор, осветительные лампы и стойки.

— Это я могу тебе предоставить. Отправлю все в Тальпиот завтра утром.

— Вот здорово, спасибо! И знаешь, я, конечно, понимаю, что у тебя мало людей, но ты не мог бы прислать мне на пару дней Надю?

— Надю? Значит, ты нашел кости?

— Пока нет. Но скорее всего, найду.

— Извини, Рэндал. Я думал, ты знаешь. Надя уехала несколько дней назад. Ее мать...

— Да, конечно. Я вспомнил. А кого-нибудь еще?

— Остеоархеолога?

— Кого угодно, — просил Рэнд. — Если здесь есть кости, Игаль, их придется исследовать на месте. В самой гробнице.

— Если ты поднимешь кости наверх, тебе придется отдать их «Хеврат Кадиша»...

— Вот именно.

Хавнер озабоченно вздохнул.

— Хотел бы я тебе чем-нибудь помочь, Рэндал. Но Надя уехала, а других специалистов, кроме нас с тобой, просто нет.

Рэнд задумался.

— Ладно. Значит, мне придется сделать все самому. — Пора было заканчи-

вать разговор. — По крайней мере, все, что смогу.

— Что ж, это лучше, чем ничего. Шалом.

— Шалом.

Рэнд положил мобильник в карман, повернулся к Шарон и встретился с ней глазами.

— Мне привезут кое-какое оборудование. Но только утром.

— Вы остановились где-нибудь поблизости?

— Остановился?

Рэнд не сразу понял, о чем его спрашивают.

— О черт! Я даже не подумал об этом. А вы? Вы здесь целый день. Наверное, пора домой?

Шарон посмотрела на «Хеврат Кадиша».

— Пока вы говорили по телефону, я связалась по рации с начальством и обрисовала ситуацию. Надеюсь, ближе к ночи меня сменят.

Она запнулась и добавила:

— Но я сомневаюсь.

Рэнд понимающе кивнул. Она и не ждёт, что ее кто-нибудь сменит по окончании дежурства, следовательно, им обоим придется остаться тут на всю ночь. Рэнд осмотрелся. Стройплощадка, домишки по ту сторону дороги. Ребячьи гоняла мяч за сетчатой оградой. Позади них поднимался купол мечети, а еще дальше, на фоне заката, был виден стадион имени Тедди Коллека, в двух или трех километрах отсюда. Это самый большой стадион в Иерусалиме — его трибуны вмещают двадцать пять тысяч зрителей.

— Ну а они-то, — Рэнд кивнул в сторону людей в черном, — на ночь уедут?

— Может, один-два человека, не больше, — покачала головой Шарон. — Они останутся, пока вы здесь.

— А вы, судя по всему, останетесь, пока они здесь.

Шарон пожала плечами.

— Если я уеду, вы их не остановите.

— Рад слышать, — усмехнулся Рэнд.

Они помолчали.

— Вы голодны? — спросил Рэнд после паузы.

— Ела вчера. — Шарон слабо улыбнулась.

— Я тоже. Они дадут мне подойти к машине?

— Я их попрошу. — Шарон похлопала по карабину.

— Тогда я могу привезти чего-нибудь поесть?

— С удовольствием. — Она по-прежнему улыбалась. — Тут есть магазин, называется «Нью-Дели».[12] Проедете по улице два квартала и свернете на север, к Эфек-Рефаим. Дом сорок четыре.

— Он еще открыт?

— Постучите в дверь погромче. И скажите, что у вас заказ от Мири.

— Мири?

— Да. Сокращенное от Мириам.

— Мири, — повторил Рэнд.

— Мне сэндвич с ягнятиной гриль. И «Доктор Пеппер».

— Обязательно... Мири.

И Рэнд повторил, широко улыбаясь:

— Ягнятина гриль и «Доктор Пеппер».

Кесария Палестинская

Валерий Грат, префект Иудеи, подошел к Каиафе и его спутникам. Если бы не дорогая одежда и осанка патриция, это был ничем не примечательный коренастый мужчина средних лет, волосы уже начали седеть. Но Каиафа знал, что в этом человеке нет ничего заурядного. Он уже оценил его при предыдущих встречах и помнил, что мнение префекта нельзя изменить, но можно произвести на него впечатление. Каиафа также знал, что префект наслаждается своей властью и не подчиняется никому, кроме Цезаря Тиберия, наследника императора Августа.

За Гратом шел тот самый слуга, что встретил Каиафу и его свиту. Грат остановился на верхней ступени дворца, взглядываясь в бескрайние просторы Великого моря. Посмотрел на ожидающих его пятерых иудеев.

— Иосиф бар Каиафа, — произнес он на безукоризненном греческом, показывая свою образованность и знание языков. — Добро пожаловать в Кесарию.

Каиафа склонил голову и улыбнулся.

— Вы столь великодушны, ваше высокопревосходительство. Надеюсь, мы не оторвали вас от важных дел на благо императора и империи.

Префект ответил не сразу, всматриваясь в лица иудеев, темные, как у кочевников, в то время как его лицо, как и у всех римлян, отличалось бледностью.

Каиафа понял намек.

— Ваше высокопревосходительство, это Рабби Гамалиил, сын Шимона и внук Хиллела Великого.

Гамалиил слегка поклонился.

— Стратонова Башня, — начал он, намеренно называя так Кесарию, чтобы не упоминать римского императора, — столица, достойная того, чтобы ею правили именно вы, ваше высокопревосходительство.

Глаза Валерия Грата сузились, дрогнули уголки рта. Каиафа понял, что префект оценил умение Гамалиила подбирать выражения. Его слова можно было принять и за лесть и за оскорбление.

— Александр, казначей Храма, — продолжал Каиафа. — И Ионатан, сын Анны.

В глазах префекта мелькнуло понимание. Каиафа догадался, что Грат смотрит на Ионатана оценивающе — не только как на сына все еще влиятельного Анны, но и как на шурина Каиафы.

— И Исмаил, сын Фаби, его вы, вероятно, знаете, — закончил Каиафа.

На мгновение показалось, что Валерий Грат смущен. Исмаил был назначен первосвященником, как только Грат стал префектом, а спустя какие-то два месяца его сменил Елеазар, давший немало взяток префекту.

— Да, — сказал Грат, быстро придав лицу подобающее выражение.

Он посмотрел прямо в глаза бывшему первосвященнику. Тот был немолод, намного старше Каиафы.

— Я удивлен, увидев тебя здесь.

— Надеюсь, удивлены приятно, — ответил Исмаил. — Сочту за честь поздравить вас, ваше высокопревосходительство. Вы приняли мудрое решение, сделав это последнее назначение.

Грат опешил. Он не знал, что Измаил повторил заученную фразу, которую в свое время продиктовал ему Каиафа.

— Посмотрим. — Префект перевел взгляд на Каиафу. — Что привело вас в Кесарию?

— Ваше великодушие. — Каиафа ловко достал из складок одежды небольшой мешочек и протянул его префекту.

Слуга тотчас сделал шаг вперед, взял мешочек, развернул, осмотрел содержимое и показал его Грату.

— Я благодарен, ваше высокопревосходительство, что вы поверили в меня и в то, что я достоин служить моему народу, будучи первосвященником. Это лишь малая часть моей бесконечной благодарности... моей и моей семьи.

Упоминание о семье было преднамеренным. Грат знал, что Анна продолжает владеть большинством доходных статей на торговлю и обмен денег в Храме, и эти слова должны были убедить префекта в том, что он может и впредь рассчитывать на регулярные комиссионные со всех прибылей, пока Каиафа остается первосвященником.

Он сделал знак слуге, и тот скрылся во дворце, унося с собой мешочек.

— Ты и твои семья — люди мудрые, не стесняющиеся выразить благодарность, — сказал он Каиафе. — Пусть ваше пребывание в Кесарии будет приятным.

Но Каиафа пропустил мимо ушей эту попытку закончить разговор.

— Ваше высокопревосходительство, есть еще одно дело.

— Еще одно?

— Мелочь, которая вашему высокопревосходительству ничего не будет стоить. Со времен Ирода Великого, когда ваше высокопревосходительство столь отважно боролось с Квинтилием Варом, облачение первосвященника, как вы знаете, хранилось в крепости Антония.[13] Когда оно было необходимо для совершения ритуала, мы направляли официальный запрос командиру гарнизона, и, конечно же, ответ всегда был положительным. Так что не слишком большой переменной стало бы, если бы хранение облачения вновь было доверено управляющим Храма. Это укрепит влияние рода Каиафы, а моя семья воспримет такое решение как награду.

Грат внимательно посмотрел на Каиафу, пытаясь понять, что еще скрывается за этой просьбой.

— Как я уже сказал, — повторил Каиафа, — для вашего высокопревосходительства это суший пустяк.

— Едва ли достойный вашего внимания, — добавил Гамалиил.

— Мне хотелось бы всего лишь получить такой указ с подписью вашего высокопревосходительства, — сказал Каиафа.

Грат подумал, обернулся и позвал секретаря.

Израиль, шоссе 1

В такси Трейси наклонилась вперед и почувствовала, как ее влажная от пота блузка отлипает от спинки сиденья. Когда они выехали из международного аэропорта Бен-Гурион в Тель-Авиве, было жарко и душно, но вот машина свернула с современного четырехрядного хайвея, ведущего из Тель-Авива в Иерусалим, — и стало еще и пыльно. Дорога оказалась уже двухрядной, но, несмотря на асфальтовое покрытие, выхлопные газы и пыль из-под колес едущего впереди грузовика летели прямо в приоткрытое окно такси, смешиваясь с запахами, которыми был пропитан салон.

С тех пор как Трейси объяснила водителю, куда ей нужно ехать, они не обменялись ни единым словом. Трейси впервые оказалась в этой загадочной стране, причем совершенно одна. То, что она уже в Израиле, принесло облегчение, но опасения росли как снежный ком. Трейси смотрела на открывающиеся из окна виды — фермы, поля, торговые центры, жилые комплексы, памятники на местах боевых действий, пастухи со стадами овец, вооруженные солдаты на автобусных остановках — и ощущение одиночества и незащищенности не покидало ее. Что, если водитель ее неправильно понял? Что, если они едут не в Бейт-Гуврин? Он может отвезти ее куда угодно, а она этого даже не поймет... пока не будет слишком поздно. Трейси уже начала подумывать о том, чтобы попросить водителя остановить машину и выйти, но зачем? Разве стоять одной на обочине лучше?

Солнце начало клониться к закату, и водитель сделал очередной поворот. Трейси едва не заплакала от страха. Пейзаж за окном был уже не зеленым, а серо-коричневым. Местность казалась малонаселенной и глухой. Дело было к вечеру, и Трейси задумалась, что она будет делать, если стемнеет раньше, чем она доберется до места. Если вообще доберется. Наконец дорога пошла в гору, и Трейси увидела вдалеке беспорядочное скопление палаток вокруг невысокого холма. Похоже на лагерь археологов, такой, о которых рассказывал отец.

— Туда! — сказала Трейси водителю, показывая пальцем. — Вон туда.

Пришлось прикусить губу, чтобы не расплакаться.

Водитель помотал головой и затараторил, судя по всему, по-арабски, показывая вперед, на дорогу.

— Нет, — сказала она. — Вон туда.

— Бейт-Гуврин, — с нажимом сказал водитель. — Бейт-Гуврин.

— О! — воскликнула Трейси, сообразив, в чем проблема. — Да, там Бейт-Гуврин. А мне надо в Тель-Мареша.

Она показала пальцем в сторону.

— Туда, в Тель-Мареша.

Водитель нахмурился, будто возникли какие-то непредвиденные обстоятельства, но все-таки свернул на грунтовую дорогу, ведущую в Тель-Мареша.

— Сколько? — спросила она, когда машина остановилась.

Повернувшись, водитель что-то сказал с таким сильным акцентом, что Трейси ничего не поняла.

— Две сотни, — повторил он.

— Что? — Трейси показалось, что она ослышалась. — Так много?

— Две сотни шекелей, — уточнил водитель.

— А! — облегченно выдохнула Трейси, открывая рюкзачок. — Сколько это в долларах?

— Пятьдесят американских долларов, — ответил водитель не моргнув глазом.

«Пятьдесят долларов», — уныло подумала Трейси.

Вытащив из бумажника две двадцатки и десятку, она протянула их над грязной виниловой обивкой переднего сиденья. Водитель взял деньги, не промолвив ни слова и даже не улыбнувшись.

Трейси поволокла свой багаж в сторону палаток и грузовиков у холма Тель-Мареша. Вытерев слезы, подошла к первому встречному — женщине с черной от загара кожей и высокими скулами. Она сидела на земле под тентом, уперев локти в колени и положив голову на ладони.

— Привет, — дружелюбно поздоровалась Трейси. — Я ищу профессора Рэндала Баллока.

Женщина подняла на Трейси глаза, медленно покачала головой и что-то сказала на совершенно незнакомом языке. Затем показала в сторону пыльной дороги, идущей между палаток, и вернулась в прежнее положение.

Трейси еще немного постояла и пошла в указанном направлении. В конце концов она добралась до столов и скамеек под тентом (судя по всему, это место служило столовой) и увидела двух мужчин и женщину. Все они, в шортах и футболках, сидели за столом. Бросив сумки и чемоданы на землю, Трейси зашла под тент.

Все трое одновременно посмотрели на нее, один из мужчин вышел из-за стола.

— Я ищу отца, — сказала Трейси, внезапно залившись краской от смущения. — Профессора Рэндала Баллока.

Тот, что стоял, посмотрел на сидящих и шагнул к ней, вытирая руки о шорты.

— Я Игаль Хавнер, — низким звучным голосом сказал он, здороваясь с Трейси за руку. — Твой отец — мой друг.

Облегчение нахлынуло как волна, и Трейси почувствовала, как у нее задрожали губы и потекли слезы. Она это сделала.

— Я могу его увидеть?

Игаль Хавнер оглянулся на коллег.

— Сейчас его здесь нет.

18 год от Р. Х.

Иерусалим

Иосиф бар Каиафа вышел из Зала тесаных камней, места заседаний Синедриона в юго-западной части храмового комплекса. Он предстал перед Великим Синедрионом, и ему пришлось терпеливо отвечать на хитроумные вопросы членов Совета, решавших, достоин ли он стать первосвященником. Первый вопрос, как он и ожидал, касался его происхождения, и когда Каиафа ответил, что имена его предков записаны в анналах Ешаны в Зиппориме, других вопросов на эту тему не последовало.

Вторым предметом обсуждения, причем более длительного, стало его физическое здоровье. Каиафа был готов к этому. Ему задали десятки вопросов. Нет ли у него покалеченных конечностей, все ли они на месте? Растет ли у него борода? Их интересовало даже, не слишком ли длинен или короток его нос. Отвечая на этот вопрос (а он был готов к нему), Каиафа просто приложил к носу мизинец. Длина от переносицы до кончика как раз составляла длину мизинца, и это была правильная пропорция.

Были и другие вопросы. Не поклонялся ли он идолам? Не напивался ли допьяна? Не участвовал ли в похоронах близкого родственника? Есть ли у него полное облачение? Осуществляется ли за его ритуальным одеянием должный уход? И так далее и тому подобное.[14]

Наконец, когда все вопросы были заданы, члены Совета поднялись с мест.

— Благословен будь Бог, благословен будь Он, ибо не отыскать изъяна в сынах Аароновых. Благословен будь Он, кто избрал Аарона и сыновей его, чтобы предстоять Ему и служить Ему в Его Священном Храме, — пропели они молитву.

Храмовая стража торжественно отворила двери, и Каиафа, на котором была лишь простая белая туника до лодыжек, вышел на солнечный свет, и за ним последовали члены Совета. Он подошел к бронзовой купели у входа в Двор израильтян, омыл руки, взошел по ступеням к Святой Святым и преклонил колена перед толпой. Анна опустил палец в бронзовую чашу с благовонным маслом и начертал на лбу Каиафы знак, похожий на греческую букву Х. Отступил назад, поднял чашу и тонкой струйкой стал лить масло на склоненную голову Каиафы.

Каиафа встал. Масло стекало по волосам и бороде, капало на белую тунику. Один за другим члены Синедриона выходили вперед, держа в руках части «золотого» облачения первосвященника. В отличие от будничных одежд каждая его часть свидетельствовала о чистоте и величии. Сначала меил, темно-синее одеяние короче туники, расшитое золотыми цветами и синими, пурпурными и алыми кисточками в виде цветков граната. Затем эфод, жилет, вышитый золотыми, пурпурными, алыми и голубыми нитями. Третий член Совета возложил на голову Каиафы митру, похожий на тюрбан головной убор с золотой полосой и надписью «Святость Господу». Наконец вперед вышел Шимон, сын Хиллела, и надел на Каиафу зиз, золотой нагрудник, украшенный двенадцатью драгоценными камнями, символизирующими двенадцать колен Израилевых.

Каиафа в облачении первосвященника поднялся с колен. Чувства переполня-

ли его. До заката сегодняшнего дня предстояло сделать еще очень многое. Подношения, молитвы, возжигание благовоний, но мгновение, которого он так долго ждал, уже наступило. Он — кохен хагадолъ, миропомазанный первосвященник Израиля и богоизбранного народа.

Каиафа обвел взглядом сверкающие на солнце белые стены Храма, поднял глаза в ясное небо над горой Мориа. Здесь, на этой скале, вместо Исаака, сына Авраама, был принесен в жертву агнец. Здесь Давид решил построить Храм, и бесчисленные быки, козлы и овцы были принесены в жертву Яхве. И представил первосвященник, как Бог Авраама, Исаака и Иакова смотрит с небес и радуется тому, что видит. Смотрит на него, Каиафу.

18

Тель-Мареша

Чувство облегчения, охватившее Трейси несколько минут назад, исчезло без следа. Игаль Хавнер сказал, что ее путешествие не закончено. И это после перелета в Тель-Авив, который длился всю ночь, после толкотни у багажного терминала и на таможне, после того, как она все-таки добралась до места, где рассчитывала найти отца...

— Где он?

— Уехал сегодня рано утром на раскопки в Тальпиот, это на окраине Иерусалима, — объяснил Хавнер. — Недалеко отсюда.

И Трейси расплакалась. От страха и разочарования, охвативших ее после всех волнений, что пришлось пережить в последние два дня. Уверенная в себе студентка колледжа на Среднем Западе, где все было так привычно, вдруг почувствовала себя одинокой девятнадцатилетней девушкой, которая потерялась в чужой стране в поисках отца.

Хавнер заботливо усадил Трейси за стол, женщина пододвинула тарелку с едой и стакан воды.

— Я попробую дозвониться твоему отцу, — сказал Хавнер. — Мы совсем недавно разговаривали с ним по телефону.

— Нет, — сквозь слезы ответила Трейси. — Пожалуйста, не надо. Он выйдет из себя, и будет еще хуже.

— Но ведь он имеет право знать, где ты находишься?

Трейси покачала головой, дрожащей рукой поднесла ко рту стакан с водой и выпила его залпом.

— Не надо, — сказала она потупившись. — Он думает, что я в колледже. Мне надо с ним увидеться. Объяснить, что произошло. Это... не так просто.

Хавнер кивнул и встревоженно посмотрел на женщину.

— Ты можешь переночевать здесь, — сказал он.

— В моей палатке, — предложила женщина.

— А утром я отправляю твоему отцу оборудование, — сказал Хавнер. — И ты тоже сможешь поехать.

Трейси подняла голову. Хавнер и женщина приветливо улыбались.

— Наверное... так будет лучше всего.

— Ты сможешь отправиться сразу после завтрака.

— Хорошо, — кивнула Трейси.

— Ну вот. — Хавнер встал. — А теперь поешь, и Рахиль проводит тебя в палатку.

— Спасибо вам. — Трейси вытерла слезы.

— Был рад познакомиться с тобой, Трейси. Добро пожаловать в Эрец-Исраэль.

19

Южный Иерусалим, Тальпиот

Закат в Иерусалиме такой, какого не бывает больше нигде на Земле. Когда Рэнд вернулся к месту раскопок с едой и напитками из «Нью-Дели», солнце уже зашло. Люди из «Хеврат Кадиша», по всей вероятности, сидели в машинах. Вдалеке виднелись городские стены и Старый город, где магазины на ночь закрываются, массивные ворота захлопываются и на смену дневной жаре и пыли приходит ночная прохлада.

Забравшись на капот «фиата», Рэнд откинулся на лобовое стекло, вытянул ноги и жестом пригласил Мири Шарон присоединиться к нему. Когда девушка устроилась рядом, Рэнд открыл бумажные пакеты, и они перекусили сэндвичами с ягнятиной гриль и салатом из огурцов и помидоров.

— Вы знаете мальчика по имени Мансур? — спросила она.

— Мансур? Нет, а что?

— Он вас спрашивал. Когда вы уехали за едой.

Рэнд покачал головой.

— Он не сказал, что ему нужно?

Мири откусила от сэндвича, не торопясь с ответом.

— Он сказал, что вы спасли ему жизнь. Хотел поблагодарить.

Рэнд догадался, кто это был. Он рассказал ей про беспорядки, в самой гуще которых оказался сегодня утром, и про мальчика, которого едва не раздавили в толпе. Не упомянул только о перебранке с израильскими солдатами, просто сказал, что мальчика увезли на «скорой».

— Он как будто в порядке, — сказала Мири, с интересом глядя на Рэнда.

— Вот и хорошо, — ответил Рэнд. — Но как он узнал, что я здесь?

Мири пожала плечами и отвернулась.

— Спросил про американца на белой машине.

— Логично, — улыбнулся Рэнд. — Спасибо, что рассказали. Я рад, что с ним все в порядке.

Они закончили есть, но беседа продолжалась. Рассказали друг другу о себе. У Рэнда есть старший брат. Мири — единственная дочь Якова и Сильвии Шарон, евреев-сефардов, которые обосновались в Израиле в 1948 году, вскоре после войны за независимость. Рэнд вырос в сельской местности в Бруквилле, штат Канзас. Мири — в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива. Рэнд закончил университет в Чикаго. Мири показала на светящиеся огни своей альма-матер — Еврейского университета на горе Скопус, к северо-западу от того места, где они находились.

Рэнд рассказал и о смерти жены.

«Раньше, чем следовало бы, — подумал он, — хотя все равно пришлось бы рассказать, рано или поздно».

Нетвердым голосом он поведал Мири о том, что у него была жена и есть дочь. О том, что из него так и не вышло хорошего мужа и отца. О том, что привело его, растерявшегося мужчину сорока двух лет, сюда, в Израиль, в Иерусалим.

Мири слушала, не перебивая.

— Извините, — закончил Рэнд свой рассказ. — Я понимаю, что вы вовсе не просили меня все это рассказывать.

Какое-то время они сидели молча. Потом Мири собрала в пакет оставшийся после ужина мусор и соскользнула с капота. Протянула руку Рэнду, предлагая забрать у него упаковку от еды и банку из-под газировки.

— Нет, пожалуйста, позвольте мне, — возразил Рэнд и спрыгнул с капота, чтобы забрать у Мири бумажный пакет.

На мгновение их руки соприкоснулись, глаза встретились.

— Простите, что столько всего наговорил.

Рэнд отстранился.

— На самом деле я хотел побольше узнать о вас.

Мири покорно отдала пакет с мусором.

— В вашей стране женщины не привыкли убирать за собой? — спросила она.

Рэнду показалось, что в ее вопросе прозвучал не совсем уместный сарказм. Но он тут же вспомнил, как израильтяне называют тех, кто родился здесь, в Земле Обетованной. Таких, как Мири Шарон. Сабра. Кактус, с колючками снаружи и сладкой мякотью внутри. Рэнд улыбнулся. Похоже, Мири и есть сабра.

— Спокойной ночи, старший сержант Шарон.

— Шалом. — Она спокойно взглянула на него и зашагала к патрульной машине.

20

Тель-Мареша

Трейси Баллок, в шортах и футболке, завязанной узлом под грудью (по правде сказать, футболка была великовата), лежала на узкой деревянной раскладушке. Сон не шел. Чемоданы стояли в ногах, как часовые. Судя по дыханию Рахили, она давно уснула. Трейси устала на видавший виды брезент палатки и стерла пот со лба тыльной стороной ладони. Брезент над головой был такой тонкий, что, казалось, сквозь него просвечивают звезды.

Перспектива ночевать здесь, не повидав отца, не радовала. А ведь Трейси так надеялась встретиться с ним сегодня. К утру пройдут уже целые сутки, как она в Израиле. И все еще не нашла отца. Против своего обыкновения Трейси не стала спорить с Игалем Хавнером, когда он предложил переночевать в лагере. По крайней мере, ночью продолжать путешествие не стоит. Она даже похвалила себя за то, что смогла проделать такой путь. Прилетела в другое полушарие, наняла такси и почти отыскала отца, не зная ничего, кроме названия места, где идут раскопки.

«Наверное, мало кто способен на такое в девятнадцать лет», — подумала Трейси.

Она устала, а перед встречей с отцом неплохо бы отдохнуть.

Но заснуть не получалось. Не давал покоя вопрос, какой будет их встреча.

— Конечно, он будет рад увидеть тебя, — сказала Трейси вслух. — Он же твой отец.

Но здесь, в брезентовой палатке, это был пустой звук, и Трейси не смогла себя убедить в том, что сказала. Закрыв глаза, попыталась представить встречу с отцом. Как она засмеется от радости, швырнет чемоданы на землю и побе-

жит к нему. Бросится на шею, обнимет. Он, наверное, откроет рот от удивления и тоже крепко обнимет свою взрослую дочь. Наверное, даже заплачет от радости.

И тут Трейси словно услышала голос Рошель: «Эй, девочка, ты что, курила?» Трейси слабо улыбнулась. Скорее всего, отец будет удивлен, а потом раздосадован. Скажет: «Что ты здесь делаешь?» Или: «Почему ты не в колледже?» А может быть даже: «Что ты еще натворила?!»

«И если все так и будет, — подумала Трейси, — тогда я не знаю, что мне делать».

Если честно, она понятия не имеет, как отреагирует отец на ее появление. Потому что, откровенно говоря, она плохо знает своего отца.

21

18 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

— Ты видела? — спросил он Саломею.

Жена стояла в дверях, встречая его.

— Что именно? — Она надменно подняла бровь.

Пройдя мимо, Каиафа прошел в свои покои. Бережно снял длинную тунику и надел более короткую и легкую. Даже не оборачиваясь, он знал, что Саломея пошла следом и сейчас внимательно на него смотрит. Знал, что его обнаженное тело не производит на нее никакого впечатления и не вызывает желания. В свои тридцать два года Каиафа мог гордиться широкими плечами и атлетическим телосложением. Но два года назад у Саломеи был выкидыш, и с тех пор жена не испытывала к нему влечения.

— Теперь твой муж — миропомазанный первосвященник, — сказал Каиафа. — И я полагаю, ты захочешь разделить со мной радость, ведь это великая честь для твоей семьи и для всего рода.

— Было бы это честью.

— Было бы это честью? — переспросил Каиафа. — Или ты не считаешь за честь быть женой первосвященника, Кохена ха-Гадоля, и обрести двадцать четыре дара первосвященника? Пидьон габен, халла, биккурим — ты не желаешь всех этих благословений?

— Я уже имела все это как дочь Анны, — повела плечом Саломея. — Или ты забыл, как стал первосвященником?

Каиафа затянул пояс, вздохнул и покачал головой.

— Нет, Саломея, не забыл. Как я могу? Ты мне не позволишь.

— Нет. — В ее голосе звучала угроза. — Я не позволю тебе, Иосиф бар Каиафа, забыть это! Что такое род Каиафы в сравнении с родом Анны? Ничто. Ты не смог бы даже купить этот дом, если бы не деньги моего отца, не говоря уже о сане первосвященника! И что теперь?! У тебя есть дом, ты получил сан моего отца, ты даже стал избранным... а я осталась ни с чем!

— Говорю тебе, жена, мы оба еще молоды. И у нас еще будет сын.

Саломея испепелила его взглядом и выбежала из комнаты. Иосиф Каиафа смотрел ей вслед, испытывая уже привычную горечь. Они столько раз говорили об этом с Саломеей, что он заранее знал все, что она скажет.

Но у Иосифа бар Каиафы и его жены так было не всегда. Когда они обручились, Саломее нравился Иосиф, а он был просто очарован ею. Но после свадьбы

начались неприятности. Саломея хотела родить сына, чтобы не отстать от Мириам, дочери Шимона, и жены Ионатана, ее брата. Но каждая беременность заканчивалась выкидышем, а последний оказался очень болезненным — и физически, и морально... Она потеряла надежду выносить ребенка, а вместе с ней — любовь и уважение к супругу.

Это угнетало Каиафу, и не только потому, что он тоже хотел сына, но и потому, что понимал, что в словах Саломеи есть справедливость. Род Каиафы нельзя было сравнить с родом Анны. А если у них не будет сына, то ничего не изменится, ведь у Иосифа бар Каиафы нет ни братьев, ни дядьев. Если Саломея не родит сына, род Каиафы на нем и закончится.

22

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд проснулся засветло. Руки и ноги затекли: за ночь он так и не смог улечься в «фиате» поудобнее. Протискивая онемевшее тело в дверь и чувствуя себя бабочкой, вылезавшей из кокона, он скорее почувствовал, чем увидел, что Мири Шарон уже стоит на посту в привычной позе, положив руки на талию.

— Доброе утро, — с трудом разогнувшись, поприветствовал ее Рэнд.

— Вам вряд ли удалось хорошо выспаться, — улыбнулась Мири.

— Почему вы так думаете?

Рэнд бросил взгляд на машину, потом снова на Мири.

— А! — понял Рэнд ее намек. — Да нет, я неплохо выспался.

— Крепко спали всю ночь?

— Да.

— И было удобно?

— А где еще я мог лечь спать? — Рэнд развел руками.

Мири еще шире улыбнулась и пошла к своей машине. По дороге подобрала одеяло, лежавшее у входа в гробницу, где она и провела эту ночь. Скатала и убрала в багажник.

— Извините, — сказала Мири. — Мне надо было и вам предложить одеяло, у меня есть еще.

Рэнд молча смотрел на нее. Благодаря его появлению здесь Мири чувствует, что и ее присутствие обрело особую важность. Странно, но ему это приятно.

Очень скоро Рэнд снова спустился в гробницу. В предрассветных сумерках стал готовиться к тому, что из Тель-Мареша вот-вот привезут подъемник и осветители. Лазал вверх-вниз по лестнице, поднимая на поверхность мешки с мелкими предметами и перенося их в машину. Когда он оказался наверху в третий раз, из-за Моавских гор вышло солнце. Его лучи заставили оживиться людей в черных шляпах и костюмах. Сегодня они были настроены не благожелательнее, чем вчера. Шарон направилась к Рэнду, когда он понес бумажные мешки к «фиату».

— Они настаивают, чтобы я проверила мешки, которые вы вынесли из гробницы, — извиняющимся тоном сообщила Мириам. — Я должна убедиться, что в них нет человеческих останков.

Рэнд кивнул, подавив зевету.

— Конечно. Вам же больше нечего делать.

В центре пещеры Рэнд насчитал четыре оссуария. Два из них были разбиты. Он осмотрел их еще вчера, убедившись, что никаких надписей или изображений на их стенках нет, а содержимое давно похищено.

Но два других, как ни странно, были целы... И теперь пришло время открыть крышки и выяснить, что находится внутри.

23

Тель-Мареша

Игаль Хавнер познакомил Трейси с Карлосом. Он работал на раскопах и был родом из Турции.

— Карлос знает свое дело, — сказал Хавнер, кивая молодому человеку года на два старше Трейси.

Он очень загорел за четыре месяца раскопок под палящим солнцем. Подхватив багаж Трейси, Карлос забросил его в кузов «лендровера» с открытым верхом, куда уже погрузили оборудование. На вид этому оборудованию было столько же лет, сколько Трейси.

— А еще он хороший водитель. Так что, будем надеяться, доставит тебя до места в целости и сохранности.

— Будем надеяться? — переспросила Трейси.

Хавнер кивнул без тени улыбки.

— Он же из Турции.

Трейси переводила взгляд с Карлоса на Игаля Хавнера и обратно.

— И что это значит?

Карлос улыбнулся и тряхнул кудрявой, черной как смоль головой.

— Ничего, — ответил он. — Абсолютно ничего.

И сел за руль.

— Вам надо спешить, — сказал Хавнер, пожимая Трейси руку и помогая ей забраться в «лендровер». — Абир звонил.

Карлос кивнул и наклонился вперед, поворачивая ключ в замке зажигания. Мотор взревел, Хавнер хлопнул ладонью по борту машины, и Карлос нажал на педаль газа. Колеса «лендровера» закрутились, выбрасывая грязь и камни, и машина выехала из лагеря.

— Абир? — переспросила Трейси, одной рукой придерживая волосы, которые нещадно трепал ветер, а другой вцепившись в поручень. — Кто это, Абир?

— Друг.

— Ничего не понимаю. Что происходит? И почему нам надо спешить?

— Да ничего особенного.

— Тогда почему бы не сказать мне все? Если ничего особенного.

— Ты станешь беспокоиться, а беспокоиться на самом деле не о чем.

— Ты говоришь: «Ничего не происходит, ничего не происходит», а я верю тебе все меньше и меньше! Почему бы просто не объяснить, в чем дело, а уж я сама буду решать, беспокоиться мне или нет?

— Абир — друг, у которого есть связи среди военных, — пожал плечами Карлос.

— Понятно. Ну и?..

— Иногда он предупреждает нас, что будут перекрыты блокпосты на границах территорий, контролируемых палестинцами.

— Так. И что?

- Сегодня нам придется проехать через такую территорию.
 На этот раз Трейси промолчала.
- Абир сказал, что блокпост у Вифлеема скоро перекроют.
- Почему? — поинтересовалась Трейси.
- Возможно, угроза атаки террориста-смертника. Или какой-нибудь другой атаки.
- Если это опасно, почему бы нам не поехать другой дорогой?
- Не то чтобы очень опасно. Некоторые считают, что израильтяне перекрывают дороги только для того, чтобы досадить палестинцам.
- И что же нам делать? — спросила Трейси.
- Карлос пожал плечами.
- Надо успеть проехать блокпост до того, как его закроют.
- А мы успеем?
- Он покачал головой.
- Ты хочешь сказать, мы можем где-нибудь застрять? — забеспокоилась Трейси.
- Карлос широко улыбнулся.
- Ну, не то чтобы застрять. Задержаться.

24

Южный Иерусалим, Тальпиот

Два оссуария, на которые Рэнд возлагал столько надежд, оказались пусты.

Он аккуратно снял с обоих ящичков, вытесанных из известняка, идеально подогнанные крышки со скошенными углами, но внутри не оказалось ничего, кроме пыли.

«Что ж, — сказал Рэнд самому себе, — это упрощает дело».

Он, безусловно, знал, что за многие годы в окрестностях Иерусалима и в самом городе были найдены тысячи таких ящичков, и подавляющее большинство были похожи друг на друга как две капли воды. Ничего особенного. Ни надписей, ни орнаментов, ни костей внутри. Абсолютно ничего. Он также знал, что оссуарии можно задешево купить в магазине или на рынке, торгующем древностями. Так что с любой точки зрения — научной, коммерческой или какой-то еще — эти два оссуария никакой ценности не представляли.

Но Рэнд знал по опыту, что и в этом случае нельзя работать спустя рукава. Даже если это обычные оссуарии, их следует осторожно извлечь из гробницы и законсервировать. Интересно, сколько еще придется ждать, когда из Мареша привезут подъемник и осветители. Без подъемника достать оссуарии из гробницы, не повредив их при этом, невозможно. Поэтому Рэнд, пока было время, занялся двумя оссуариями в локуле южной стены.

Он оставил их напоследок. Рэнд сразу подумал, что именно в этих оссуариях что-нибудь обнаружит. Ящички стояли внутри локулы, единственные из всех в гробнице, а значит, остается шанс, что грабители до них не добрались. И крышки у них на месте, не разбиты и не сдвинуты.

— Вот где пригодятся осветители, — пробормотал Рэнд.

Солнце поднималось все выше, но время было еще раннее, и придется ждать почти до полудня, прежде чем солнце осветит внутреннее пространство гробницы. Рэнд медленно выдвинул из ниши один из оссуариев и, слегка

повернув его, чтобы получше ухватиться, поднял и перенес в центр гробницы. Ящик весил килограммов тридцать. Еще до того как опустить свою ношу на пол, Рэнд понял, чем этот оссуарий отличается от остальных. Внутри что-то еле слышно постукивало.

25

26 год от Р. Х.

*Иерусалим, Верхний город
Каиафа застонал, как от боли.*

— Конечно, ничего удивительного, — сказал он Рабби Гамалилу.

В силу многих причин выбор внука Хиллела Великого в качестве союзника был весьма странен для Каиафы. Прежде всего, он был фарисеем, а Каиафа — саддукеем. Фарисеи и саддукеи как главные религиозные и политические партии в Иудее обычно не ладили между собой. Фарисеи сохранили обычаи евреев в Пленении, превратив их в религию, в основе которой было изучение Торы. Саддукеи же издревле совершали жертвоприношения и службы в Храме, считая этот аспект веры краеугольным камнем иудаизма. Фарисеи почитали Писание и устные предания, передаваемые рабби. Саддукеи же признавали в качестве Торы лишь Пятикнижие Моисея. Фарисеи верили в ангелов и духов, а также в воскресение из мертвых. Саддукеи отрицали и то и другое. Фарисеи пользовались большей популярностью у евреев, а саддукеи имели больше влияния. Фарисеи были праведны, саддукеи — богаты.

Каиафа и Гамалил — один до мозга костей саддукей, другой фарисей — были не только союзники, но и друзья. Оба всем сердцем желали пришествия Мессии и верили, что Его пришествие можно ускорить, установив в Израиле праведную власть. Оба нуждались друг в друге. Первосвященнику Каиафе нужен был Гамалил: несмотря на его тридцать с небольшим, к нему относились как к Рабби с большой буквы с тех самых пор, как его отец возглавлял Синедрион. Гамалил тоже хотел заручиться поддержкой первосвященника: ему был необходим союзник в великом деле возвращения Синедриона и всего народа Израилева к добродетели, дабы все узрели славу Бога Израиля.

Они сидели во дворе роскошного дома Каиафы, в тени раскидистого оливкового дерева. Каиафа потирал виски.

— Валерий Грат непрерывно писал императору письма, умоляя позволить ему вернуться в Рим. Последние несколько лет он ни о чем другом не мог говорить.

Никто не удивился, когда до Иерусалима дошли слухи, что Валерий Грат, которого Каиафа так долго и старательно умасливал, отозван в Рим и уже назначен новый префект Иудеи. Тем не менее для первосвященника эти новости стали болезненным ударом. И теперь он обдумывал, как начать все заново и втереться в доверие к новому префекту.

— Восемь лет, — проскрежетал Каиафа.

— И все-таки мы должны быть ему благодарны. Он оставался префектом намного дольше, чем Анний Руф или Марк Амбивий.[15]

— Да, но ты знаешь, сколько сил я положил и сколько денег потратил, чтобы подобраться поближе к Грату. При его-то неумной алчности!

— Хм...

По части взяток и процентов с прибыли, отчисляемых римским префек-

там, они с Каиафой всегда расходились во мнениях.

— Ты что-нибудь знаешь о новом префекте? — осторожно спросил Гамалиил.

— Говорят, он из сословия всадников, из знатного рода, кажется Сеянов.[16] Его жена Клавдия Прокула — внучка Августа и дочь Клавдии, третьей жены Тиберия, — ответил Каиафа, не поднимая головы и не открывая глаз.

— Надо полагать, влиятельный человек, — усмехнулся Гамалиил.

Каиафа кивнул и стал массировать веки — с такой силой, словно хотел выдавить глаза.

— Говорят, она едет вместе с ним, — заметил он.

— Она тоже приедет сюда?

Жены римских чиновников редко соглашались променять роскошь и увеселения Рима на полную лишений и опасностей жизнь в провинции.

— Это ново. Не знаю, что и думать. То ли он имеет большое влияние на императора... то ли его жена слишком заинтересована в его карьере. Возможно, и то и другое.

Каиафа поднял голову, и взгляд у него был усталый.

— Гамалиил, друг мой, боюсь, впереди у нас тернистый путь.

Рабби встал.

— Тогда надо покупать новые сандалии, — сказал он.

Направился к двери, но остановился, не дойдя до нее.

— Как зовут нового префекта?

— Пилат, — отозвался Каиафа. — Понтий Пилат.[17]

26

Вифлеем

Они подъехали к блокпосту в Вифлееме, и Карлос сбавил скорость.

Всю дорогу от Тель-Мареша удалось преодолеть без происшествий. Когда подъехали к Вифлеему, Трейси улыбнулась Карлосу.

— Это совсем не то, чего я ждала.

— А чего ты ждала?

— О малый город Вифлеем, ты спал спокойным сном, — пропела она.

— Хорошо поешь.

Трейси с юмором закатила глаза.

— Я думала, Вифлеем окажется небольшой деревушкой, сам понимаешь.

— По-моему, его население — тысяч двадцать, — улыбнулся Карлос.

Она кивнула и стала смотреть в окно.

— Почти все магазины закрыты.

— С тех пор как Израиль построил стену, чтобы защититься от террористов, поток транспорта и туристов стал намного меньше. О-о! — Карлос нахмурился.

Трейси перевела взгляд на дорогу. Там была очередь из машин перед охраняемым блокпостом. Трейси увидела два металлических заграждения, и около каждого стояли вооруженные солдаты. Машина должна была остановиться у первого контрольно-пропускного пункта, потом медленно объехать бетонный заградительный блок посреди дороги и подъехать к следующему контрольно-пропускному пункту.

— Что происходит? — спросила Трейси.

Карлос смотрел вперед и ответил не сразу.

— Думаю, все в порядке.

У каждого контрольно-пропускного пункта стояли шестеро солдат, вооруженных автоматическими винтовками. По мере того как машины подъезжали, двое подходили к первой, двое — ко второй и двое — к третьей. Они просили открыть багажник, а водителей автобусов — высадить пассажиров. Грузовики отъезжали в сторону для более тщательного осмотра. Но в большинстве случаев после визуального контроля пассажиров и багажа машину пропускали.

— Похоже, его пока не закрыли. Машины проезжают.

— И сколько времени это займет?

— Не слишком много. — Карлос пожал плечами. — Держи наготове удостоверение личности.

— Удостоверение личности?

— Покажи им заграничный паспорт и визу.

— Паспорт у меня в сумке. — Трейси взялась за ручку двери.

— Стой! — Голос Карлоса прозвучал резко. — Не выходи из машины!

Трейси отдернула руку, словно ее укусила пчела, и изумленно уставилась на Карлоса.

Он перевел дух.

— Извини, не хотел тебя пугать. Но солдаты очень не любят, когда выходят из машины и пытаются что-то достать из багажника.

— А, понимаю. Они могут подумать, что я достаю что-то запрещенное... или прячу.

Карлос кивнул.

— Что же делать?

— Давай подождем. Когда солдат попросит у тебя удостоверение личности, объясни, что оно в сумке, тогда он подойдет к багажнику вместе с тобой.

Все произошло именно так, как сказал Карлос. У них быстро проверили документы, и они поехали дальше по трассе 60.

— Сколько еще осталось? — спросила Трейси.

— Пять минут.

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд делал все, чтобы рассмотреть оссуарий[18] при максимальном освещении. Развернул его под таким углом, чтобы на поверхность падали лучи солнца. На боковой стенке надпись — он нащупал ее пальцами. Встал на колени и наклонился, пытаясь разглядеть, что там написано, и одновременно стирая с надписи пыль.

Буквы шли в две линии, снизу к боковому краю длинной стенки оссуария, а не параллельно какой-либо из его сторон. Вероятно, надпись сделали уже после того, как оссуарий поместили в нишу, и человеку, ее нацарапавшему, пришлось просунуть руку внутрь, в узкое пространство между оссуарием и стенкой локулы.

«Вполне возможно, что так оно и было, — подумал Рэнд, — если судить по тому, как стоял оссуарий».

По всей видимости, писавший был правша. Если бы он писал по-английски, слева направо, то расположил бы надпись по диагонали сверху вниз, однако на древнееврейском и арамейском писали справа налево, поэтому надпись и идет снизу вверх.

Кроме этих догадок, у Рэнда больше ничего не было. Он не знал ни древнееврейского, ни арамейского. И сразу подумал о Шарон. Если надпись на древнееврейском, она сможет ее прочесть. Буквы процарапали в мягком известняке гвоздем или чем-то вроде этого — в XXI веке мы так же небрежно записываем шариковой ручкой на клочке бумаги номер телефона или адрес электронной почты. Оставалось надеяться, что надпись все-таки удастся прочесть и перевести.

Прихватив карандаш и планшет с бумагой, Рэнд старательно, насколько это было возможно в полумраке гробницы, перерисовал надпись с боковой стенки оссуария. Затем взобрался по лестнице, вылез наружу и, прищурившись на ярком утреннем солнце, стал искать глазами Мириам.

В эту минуту к ограждению из желтых лент подкатил покрытый пылью черный «лендровер». Машина остановилась позади «Хеврат Кадиша». Водителя Рэнд узнал сразу — это был Карлос из Тель-Мареша. Он помахал рукой и увидел, что к нему направляется Шарон.

— Это привезли оборудование! — крикнул он ей.

Дверца со стороны пассажирского сиденья открылась, и из машины кто-то вышел.

Южный Иерусалим, Тальпиот

Трейси не знала, что делать. Она видела, что отец заметил «лендрровер», проследив за его взглядом, и поняла, что он узнал Карлоса, когда тот вышел из машины. Сначала Трейси подумала, что ей лучше пока не выходить, но потом усилием воли заставила себя взяться за ручку двери.

«Как неловко получается», — подумала она.

И увидела, что отец смотрит на нее. Рэнд перевел взгляд на Карлоса, потом снова на дочь. Трейси попыталась улыбнуться.

«Надо просто подойти и обнять его», — сказала она себе.

Но ноги не слушались, и Трейси подумала, не сесть ли ей обратно в «лендрровер».

Отец медленно направился в ее сторону. По лицу трудно было понять, взволнован ли он.

«Нет, точно взволнован», — почувствовала Трейси.

Но было что-то еще, чего она не могла понять. Недовольство? Или разочарование? Но уж точно не радость, любовь или что-то в этом роде.

Она открыла рот, собираясь сказать: «Пап, привет!», но запнулась, и первым заговорил он.

— Что ты здесь делаешь?

Тон не был недовольным, но первые слова отца разочаровали Трейси.

— Привет, пап, — наконец выговорила она.

— Я не понимаю. Что ты здесь делаешь?

«Ясно, — подумала Трейси. — Ты не слишком рад меня видеть. Но не будешь же ты бесконечно повторять одно и то же».

— Я... в общем, хотела повидаться с тобой.

— А как же учеба? Как ты здесь оказалась? Что случилось?

Трейси, осмелев. — Ты не мог бы сказать хотя бы, что рад меня видеть? — поинтересовалась Трейси, осмелев. — Может, хочешь обнять меня и спросить, все ли у меня в порядке?

— Я рад тебя видеть, — запротестовал Рэнд. — Правда. Просто я несколько ошарашен...

— Ладно, проехали. Скажи мне, куда деть чемоданы, и я не буду путаться у тебя под ногами.

— Трейси, послушай, — начал Рэнд, протянув руки, но Трейси сделала шаг назад, подошла к «лендрроверу» и стала выгружать чемоданы, швыряя их на землю.

Рядом оказался Карлос.

— Тебе помочь? — спросил он тихо.

— Нет! — крикнула она.

И добавила уже спокойнее:

— Сама справлюсь.

— Я только хотел помочь.

Трейси прислонилась к машине.

— Наверно, все вещи нужно выгрузить? — не унимался Карлос.

— Я сама это сделаю.

Она взяла два чемодана, а две сумки остались в багажнике «лендрровера».

— Я вернусь за ними, — бросила она.

Карлос проигнорировал последнюю фразу, вытащил сумки из багажника и пошел за Трейси.

— Ты всегда такая упрямая?

— На себя посмотри, — огрызнулась Трейси.

Рэнд видел, как его дочь достает багаж из «лендровера», но все еще не понимал, что она здесь делает и как она сюда попала. Он стал быстро соображать. Ее приезд — это новые проблемы. Где ей остановиться? Сколько она собирается тут оставаться? И как он сможет ее устроить и заботиться о ней, одновременно занимаясь раскопками?

— Куда мне это нести? — спросила Трейси, которая уже стояла с ним рядом.

С самого начала разговора Рэнд не сошел с места.

— Сюда.

Продолжая держать в руке планшет, Рэнд подхватил у нее чемодан и направился к «фиату».

— Я приехал сюда вчера утром, — сказал он, оглянувшись через плечо. — У меня не было времени позаботиться о ночлеге. Положим твой багаж в машину, а потом поговорим насчет...

— Подожди, — перебила его Трейси возле машины. — Значит, мне негде остановиться?

Рэнд посмотрел на дочь, потом на Карлоса, потом на людей в черном и старшего сержанта Шарон, наблюдавшую за ними со своего поста у «Хеврат Кадиша». Снова перевел взгляд на Трейси.

«Хоть бы не все сразу», — подумал он, внезапно вспомнив слова Шарон.

«В Израиле все не так просто», — сказала она.

Теперь это звучало как пророчество.

26 год от Р. Х.

Иерусалим, Зал тесаных камней

— Тихо! — Каиафа ударил тяжелым посохом о каменный пол.

Синедрион собрался в срочном порядке, но присутствовали все до единого. И Гамалиил, и отец его Шимон, стареющий сын Хиллела Великого, и Ионатан, чье влияние растет день ото дня. И Александр, Никодим, Измаил, Елеазар.

— Это кощунство! — раздался громкий голос Иосифа Аримафейского.

— Позор! — слышались крики.

— Это оскорбление!

— Это подстрекательство!

Иосиф Вифанийский вышел вперед и разорвал на себе одежды до пояса.

— Идолопоклонство! — рявкнул он, и зал снова наполнился разъяренными криками.

Большинство членов Синедриона знали, что Понтий Пилат, новый префект Иудеи, приказал Августовой когорте заменить на зимний период когорту, расквартированную в Иерусалиме.[19] Со стороны это выглядело как обычная ротация войсковых подразделений. Прежний префект Валерий Грат тоже периодически переводил римские когорты из одной части Иудеи в другую, причем делал это с завидной регулярностью. Главной причиной таких перемещений было желание префекта как-то разнообразить провинциальное существование, тоскливое и однообразное. Но прибывшие вчера вечером войска вывесили в крепости Антония штандарты с профилем императора Тиберия — прямо напротив Храма, с его северной стороны.

Появление этих штандартов, на которых сверкал чеканный золотой профиль императора, стало настоящим потрясением для иудеев, которые с первыми лучами солнца пришли в Храм возносить молитвы и совершать жертвоприношения. У стен Храма сразу собралась толпа, и вот-вот могли начаться беспорядки. Рельефный портрет императора в виду Храма был воспринят как святотатство, ибо нарушал одну из заповедей: Господь запретил евреям создавать изваяния — не только идолов, но и самого Бога.

Каиафа ударил посохом об пол и поднял руку. Крики стихли. Сделав жест Анне, который не торопясь поднялся со своего места в первом ряду, Каиафа не сказал ни слова. В зале стало еще тише.

— Анна будет говорить, — провозгласил Каиафа.

Первые слова Анны прозвучали еле слышно.

«Он намеренно говорит так тихо», — понял Каиафа.

Первосвященник не однажды видел, как тесть понижал голос, чтобы быть услышанным.

— Пусть говорит! — раздался крик с задних рядов. — Я хочу слышать, что скажет Анна!

— Хотя у нас с его высокопревосходительством Валерием Гратом и были некоторые разногласия, — начал Анна, и в задних рядах понимающе засмеялись, — он все-таки смог понять и научился уважать те требования, которые предъявляет к нам наша вера. Он постоянно держал Августову когорту в Стратоновой Башне. Возможно, новый префект не столь хорошо знаком с нашими обычаями.

— Или он хочет, чтобы мы подняли восстание! — крикнул кто-то, и по залу прокатилось волнение.

— Дайте Анне закончить, — сказал Каиафа, поднимая руку. — Пусть говорит.

Анна устало кивнул зятю.

— В прошлые времена нам удавалось не допускать псов в дом Хашема, — сказал он, и в зале снова одобрительно засмеялись, понимая, что речь идет о римлянах. — Но если сейчас мы поступим неосторожно, то псы останутся здесь надолго и при этом будут рвать зубами и царапать когтями.

— Но мы не можем допустить, чтобы римский идол возвышался над городом! — крикнул Александр.

— Не можем, — подтвердил Каиафа, в то время как его тесть вернулся на свое место. — Но Анна прав. Мы не должны подтолкнуть префекта к решительным действиям. Возможно, он недостаточно осведомлен о нашей вере, а возможно, его цель — спровоцировать беспорядки, но если мы поднимем восстание, результат будет один и тот же. Мы не можем позволить этим штандартам остаться в городе, но и он не пожелает их убрать просто потому, что мы этого хотим.

— Почему? — выкрикнул кто-то.

— Потому что он префект Римской империи, причем недавно назначенный. Убрать штандарты — значит показать свою слабость, а он не может позволить себе показывать слабость. Да и то, почему мы, против этих штандартов — а мы против, потому что на них изображен император, — это еще одна причина, чтобы не убирать их, поскольку это будет оскорблением по отношению к Тиберию.

— Это оскорбление Хашему! — крикнул кто-то.

— Сорвать их! Сорвать! Мы будем биться! — раздались возмущенные голоса.

— Властители Израиля, послушайте, что я скажу! — снова взял слово Каиафа. — Мы будем сражаться и одержим победу. Но нашим оружием будут не мечи и копья! Нашим оружием станет молитва. Мы победим римлян добротелью. Мы поведем войну так, что Хашем станет помогать нам.

Южный Иерусалим, Тальпиот

У Рэнда голова шла кругом. Он напомнил себе: дать понять Трейси, что она для него важнее работы, можно было уже не раз, а он так и не сделал этого. Нельзя повторить ту же ошибку. Но в нескольких шагах был склеп с оссуариями, каждому из которых две тысячи лет. Может быть, это самые обычные захоронения, а может, ему удастся сделать открытие, которое потрясет весь мир. И выбор прост: или на его карьере археолога можно будет поставить крест, или его ждет невиданный успех.

Рэнд не мог сейчас все бросить и заниматься Трейси. Шарон ясно дала понять, что у него очень жесткий лимит времени, и неизвестно, что предпримет она или «Хеврат Кадиша», если на денек-другой забросить раскопки ради Трейси.

Рэнд поставил чемодан на землю рядом с «фиатом» и положил планшет на крышу машины.

— Трейси, — начал он, глубоко вдохнув и взяв ее за плечи. — Я тут в самом начале чего-то такого...

Она напряглась.

— Нет, подожди, — продолжал Рэнд. — Я рад тебя видеть. Правда рад. И я хочу...

Рэнд тщательно подбирал слова, но чувствовал, как Трейси отдаляется от него с каждым произнесенным словом.

— Я начну с самого начала. Я приехал сюда только вчера утром. Выяснилось, что для работы на этом раскопе есть всего несколько дней. Это усыпальница, которой, по всей видимости, две тысячи лет, и мне нужно успеть сделать описания находок, составить каталог и очистить все предметы в одиночку. Вчера я ел один раз, вечером, спал в машине, вернее, пытался заснуть, и понятия не имел, что ты едешь ко мне, поэтому не мог хоть как-то подготовиться к твоему приезду. Я могу это сделать, я хочу это сделать, и сделаю это сразу, как только...

— Меня выгнали, — буркнула Трейси.

— Что? — переспросил Рэнд, уронив руки.

Ее глаза наполнились слезами.

— Просто глупость. Это была идея Дженнифер, но я и Хизер пошли у нее на поводу.

Трейси рассказала Рэнду о вечеринке, о том, что написано в уставе колледжа об употреблении несовершеннолетними студентами алкогольных напитков, и о том, какой разразился скандал, когда к ним нагрянула полиция и об этом узнала администрация колледжа.

— Выгнали не только меня, но остальные смогли быстро связаться с родителями, и они все уладили.

— Так вот почему ты сюда приехала.

Трейси кивнула.

— Мамы... нет, и я просто не знала, куда деваться.

— Почему ты не позвонила?

Трейси вытерла слезы.

— Не знаю. Была уверена — ты скажешь, чтобы я не приезжала.

— Значит, — неторопливо начал он, — ты купила билет на самолет и полетела в Израиль?

Она снова кивнула.

— Я собрала кое-какие вещи, а остальное оставила в студенческом городке, в хранилище.

— Ты прилетела в Израиль — и поехала в Мареша?

— Ага. Я думала, ты там.

— Там и был до вчерашнего дня. Как же ты добралась туда из аэропорта?

Трейси застенчиво улыбнулась.

— На такси. Хотела арендовать машину, но не получилось, потому что мне всего девятнадцать, так что пришлось взять такси. Это стоило пятьдесят долларов.

Рэнд кивнул, и оба умолкли. Карлос так и остался стоять позади Трейси, а старший сержант Шарон не сводила глаз с «Хеврат Кадиша», не обращая внимания на их беседу.

— Значит так, — начал Рэнд. — Что же мне... что же нам делать?

— Не знаю, — пожалала плечами Трейси.

— Ну что ж. — Рэнд почесал затылок. — Спать в машине мы не сможем. Ночью я в этом убедился.

К ним подошла старший сержант Шарон. На плече у нее стволом вниз висел карабин.

— Это не мое дело, — сказала она, — но у меня есть предложение.

31

Южный Иерусалим, Тальпиот

Все посмотрели на Шарон.

— Вон тот холм, — сказала она, указывая на северо-запад, — называется Рамат-Рахель. Там есть кибуц, а при нем очень неплохой отель. И номер там стоит не слишком дорого.

— Спасибо, Шарон, — сказал Рэнд с облегчением. — Ой, Трейси, я тебя не познакомил! Это старший сержант Шарон из израильской полиции. Она приехала сюда еще раньше, чем я.

Рэнд обернулся к Мириам.

— Это Трейси, моя дочь.

Девушки пожали друг другу руки.

— Можешь звать меня Мири.

Рэнд познакомил Шарон с Карлосом и заговорил с ним.

— Если мы с Трейси поедem в гостиницу, чтобы оставить багаж, ты сможешь один установить оборудование в гробнице?

Карлос кивнул.

— Там все должно остаться на своих местах до моего возвращения, — добавил Рэнд, понизив голос.

— Конечно, — понял Карлос. — В любом случае, чтобы установить подъемник и осветители, понадобится время. А до вашего возвращения я ничего не буду трогать.

— Хорошо. — Рэнд обернулся к Шарон и забрал планшет с крыши «фиата». — Прежде чем мы уедем, скажите, вы можете это прочитать?

— Что это? — спросила Шарон, глядя на лист бумаги.

— Буквы, — ответил Рэнд. — Они нацарапаны на боковой стороне одного из оссуариев. Я думаю, это древнееврейский.

Шарон взяла в руки планшет и стала всматриваться в знаки.

— Я таких букв, пожалуй, никогда не видела, — сказала она и задумалась. — Нет, подождите. Вот это, должно быть, «коф»... или «мем». — Шарон назвала буквы древнееврейского алфавита. — А вот это «рейш», потом «йод» и...

Она подняла глаза.

— Что? — спросил Рэнд.

Карлос и Трейси внимательно смотрели на Шарон.

— Это что, шутка?

— Шутка? Нет. Почему?

— Эта надпись — она действительно есть на ящичке в гробнице?

— Да, конечно. А в чем дело?

— Ну, я не уверена, но если это написано на иврите, то первая строка — мое имя.

— Ваше имя? Что вы такое говорите?

Шарон вернула планшет, пожала плечами и ткнула пальцем в листок бумаги.

— Как вам сказать. Эта надпись такая... не знаю, как объяснить. Как будто это писал ребенок. Очень коряво, если откровенно.

— Ее нацарапали на известняке чем-то вроде гвоздя. Конечно, если бы это было напечатано на принтере...

— Ну что ж, тогда вполне вероятно, что это имя — Мириам. Весьма распространенное еврейское имя.

— Мириам, — эхом отозвался Рэнд.

— Круто, — добавила Трейси.

— А что насчет остальных букв? — Рэнд протянул планшет Мири. — Что там написано?

Она снова посмотрела на лист бумаги. Нахмурилась и покачала головой, задержав палец на последних знаках в верхней строке.

— Я не знаю. Какая-то бессмыслица.

Она внимательно рассматривала буквы.

— Возможно, вот это — тоже «мем», а вот это — «шин», но все остальное просто... какие-то каракули.

— Может быть, это другое имя. Так обычно бывает в надгробных надписях. Что-то вроде «Мириам, дочь такого-то...».

Шарон снова посмотрела на буквы и покачала головой.

— Извините, — сказала она, возвращая планшет Рэнду.

Тот взял его не сразу.

— Ничего, все равно спасибо. Вы мне очень помогли. Сам бы я и этого не

разобрал.

— Если бы я сама видела надпись, — сказала Шарон, — может быть, еще что-нибудь смогла прочитать.

— Точно, — обрадовался Рэнд.

— Я попробую, когда вы достанете их из гробницы.

«Конечно, она же не может покинуть свой пост», — догадался Рэнд и понимающе кивнул.

— Я еще не открывал этот оссуарий. А в локуле в южной стене остался еще один. — Он заговорил тише. — Если внутри что-нибудь важное, вероятно, я не сразу вытащу их на поверхность. Но когда я это сделаю, постараюсь дать вам возможность взглянуть на них.

Едва кивнув в ответ, Шарон бросила взгляд в сторону «Хеврат Кадиша». Мужчины в черном держали перед собой молитвенники и ритмично раскачивались взад вперед, как это делают во время молитвы ортодоксальные иудеи.

— Их терпения надолго не хватит, — сказала она.

— И что они сделают? — спросил Рэнд.

— Поставят меня в безвыходное положение.

— Как это?

— Когда они устанут ждать, они просто пойдут.

— Пойдут? Куда?

— Вперед, — ответила Шарон. — Прямоком в гробницу. Ринутся мне навстречу, и я буду вынуждена стрелять.

— И вы станете стрелять?

Ее мягкие женственные черты ожесточились.

— Они знают, что израильского полицейского, выстрелившего в ортодоксального иудея, который хочет исполнить халача,[20] ждет суровое наказание.

— И что это значит?

С лица Шарон сошла суровость, и она насмешливо улыбнулась.

— Это значит, что чем дольше они ждут, тем взрывоопаснее становится ситуация.

26 год от Р. Х.

Иерусалим, Зал тесаных камней

— Для начала, — заговорил Каиафа, и все, в том числе его тесть, который для многих оставался первосвященником, затаили дыхание, — мы должны отправить к префекту посланников, которые объяснят, какое унижение он заставил нас пережить. Безусловно, сделать это нужно, как того требует самая тонкая дипломатия. Он должен понять, что мы вовсе не являемся взбалмошным и неуживчивым народом.

— Кто возглавит посольство? — спросил кто-то.

— Конечно, Каиафа! — ответил другой голос. — Ведь он первосвященник.

— А что же Анна? Он должен присоединиться.

— Анна? Для него это слишком тяжелое путешествие! Ты хочешь убить его?

— Тогда Рабби, — сказал кто-то, имея в виду Гамалиила. — Как насчет него?

Каиафа многозначительно посмотрел на Гамалиила.

— Думаю, Рабби — отличная кандидатура для главы посольства.

— Но на дорогу до Стратоновой Башни уйдет несколько дней! — раздался возглас. — А что произойдет за это время здесь? Мы не можем допустить, чтобы штандарты остались в крепости!

— Люди не потерпят этого, — добавил Ионатан.

— Они уже готовы идти на штурм! — сказали из второго ряда.

Как только Каиафа заговорил, члены Совета взяли себя в руки: только шесть или семь человек не захотели садиться — остальные заняли свои места. Однако по опыту Каиафа знал, что обстановка может взорваться в любой момент. Таков уж характер его народа.

— Да, понимаю, — согласился Каиафа. — Но все мы также понимаем, что это самоубийство. И для тех, кто пойдет на штурм, и для всего народа. Так что нужно сказать всем, кто останется в Иерусалиме: пока посольство не вернется из Стратоновой Башни, отвращайте глаза свои, находясь вблизи крепости. А с настроенными слишком воинственно надо поступить так, чтобы бушующие страсти устремились в мирное русло.

— Что ты имеешь в виду? — спросил кто-то.

Каиафа улыбнулся.

— Завтра посольство отправится во дворец Понтия Пилата. Нужно дать понять самым беспокойным горожанам, что миролюбивое поведение — лучший способ убедить префекта.

— Ты хочешь отправить самых «беспокойных» с посольством и при этом рассчитываешь, что те, кто останется, будут вести себя миролюбиво? — раздался еще чей-то голос.

— Ты знаешь, что этого не будет! Найдутся те, кто захочет присоединиться к бунтовщикам, — добавил кто-то. — А если поползут слухи, толпа начнет расти — в этом можешь не сомневаться!

— Несомненно, — согласился Каиафа. — Но путешествие к Стратоновой Башне займет несколько дней, и большинство послов пойдут пешком. За это время их гнев поостынет.

— А если нет?

Гамалиил встал и заговорил — в первый раз с начала собрания.

— План Каиафы кажется мне дельным, — сказал он. — Так мы сможем добиться того, чтобы римляне убрали штандарты с идолами, и избежим кровопролития. А уж если кровопролитие неизбежно — не лучше ли будет, если оно произойдет за пределами Града Божия?

И тут, впервые за это утро, в Зале тесаных камней воцарилась тишина. Все семьдесят членов Великого Синедрона, властители еврейского народа, согласились с планом Каиафы.

33

Иерусалим, Рамат-Рахель

— Она симпатичная, — сказала Трейси.

Рэнд повернулся к дочери от стойки администратора в роскошном вестибюле отеля «Рамат-Рахель».

— Да, и вообще приятное место.

— Я не про нее, — тихо сказала Трейси, кивком показывая на женщину-администратора и продолжая рассматривать интерьер. — Я про полицейского.

— А! — Рэнд смутился.

— Ты, я вижу, времени даром не терял. — Трейси уставилась в потолок.

— Что ты имеешь в виду?

— Ладно, не хочешь — не говори. Как будто ты не заметил, какая она хорошенькая.

— Кто? Старший сержант Шарон?

— Ой, да ладно, — сказала Трейси не без сарказма. — В такой-то униформе, еще и в шортах...

Администратор вернула Рэнду кредитную карточку и вместе с ней вручила ключи от номера.

— Не говори глупостей.

— Хорошо, как скажешь.

По дороге в номер они прошли мимо дверей в большой обеденный зал. Пассажиры туристического автобуса выстроились в длинную очередь к кассе. В отеле был и спа-салон, и спортзал, а также бассейны и синагога.

— Мне надо побыстрее вернуться, — сказал Рэнд, когда они уже были в номере и наконец выпустили из рук чемоданы. — Хочешь, останься здесь и отдохни, а хочешь — поедем со мной на раскопки.

— Ты бы предпочел, чтобы я с тобой не поехала, — ответила Трейси, плюхнувшись на кровать.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что я мешаю тебе. — Она пожала плечами.

— Трейси, я понимаю, тебе пришлось долго сюда добираться и ты, конечно, устала. Но если ты поедешь со мной на раскопки, твоя помощь будет очень кстати.

— Ну, не знаю, — ответила она, прикусив губу.

Раздосадованный, Рэнд остановился в дверях. Еще вчера его одолевали мысли, как загладить свою вину перед дочерью. И вот не прошло и часа после скоропалительного приезда Трейси в Израиль, а он уже устал от того, что она ведет себя словно маленькая девочка.

«Ей всего девятнадцать, — напомнил себе Рэнд. — Да, но поступает она так, будто ей лет девять».

Трейси прекрасно слышала объяснения Шарон, почему надо закончить раскопки как можно быстрее, но сейчас она как будто нарочно тянет время.

«Дело не только в ней», — подумал Рэнд.

Он давно был погружен в свои мысли, но уже после приезда Трейси стал думать, что их отношения снова разладятся, причем по его вине. Это всего лишь вопрос времени. Рэнд предчувствовал, что уже в который раз причинит страдания единственному любимому человеку. Он загнан в угол. Если бы дочь прилетела на сорок восемь часов раньше, все могло быть совершенно иначе. Скорее всего, он уехал бы из Мареша, попросив отпуск у Игаля Хавнера, чтобы побыть с Трейси. Он показал бы ей потрясающие места, которых в Израиле немало. Масаду, Мертвое море, Бейт-Шеан, Галилейское море, Кесарию, не говоря уже об Иерусалиме. Они могли провести целую неделю на многолюдных узеньких улочках Старого города и нисколько не устать друг от друга.

Но Трейси свалилась как снег на голову не сорок восемь часов назад, а сегодня утром. И он не может просто взять и все бросить. Он уже достаточно сделал, чтобы поставить крест на карьере. А сейчас появился шанс: в этой гробнице наверняка есть что-то достойное внимания. И очень скоро Рэнд узнает, что именно. Может быть, это вернет ему самоуважение.

Однако закончить работу на раскопках и одновременно уделить дочери то внимание, которого она заслуживает и которого ей так не хватает, невозможно. Рэнд понял, что он в ловушке. Теперь ему придется разрываться между живым человеком — его дочерью — и давно умершими людьми, погребенными в этой усыпальнице.

Южный Иерусалим, Тальпиот

К тому времени, как Трейси и Рэнд вернулись в Тальпиот и привезли ланч на четверых из «Нью-Дели», Карлос уже установил в гробнице стойки с осветителями, подключил питание от переносного генератора и устроил небольшой помост с лебедкой. Этого было вполне достаточно, чтобы поднять на поверхность наиболее тяжелые предметы.

— Ты все сделал сам? — спросил Рэнд, пока они с Трейси распаковывали еду.

Карлос улыбнулся и кивнул. При этом он смотрел на Трейси.

— Это было несложно.

Рэнд похлопал его по плечу.

— Может быть; и тем не менее все сделано отлично!

Заглянув в гробницу, он щелкнул пальцами.

— Что-то не так? — спросил Карлос.

— Нет, просто я только что сообразил, что надо было попросить у Игаля и походный стол, — покачал головой Рэнд.

Карлос побежал к «лендроверу» и вытащил из багажника складной стол с ременной ручкой для переноса.

— Вы имели в виду что-то в этом роде?

Рэнд широко улыбнулся.

— А ты, случайно, кроликов из шляпы не вытаскиваешь?

Улыбка исчезла с лица Карлоса.

— Не понимаю, о чем вы.

— Это такой каламбур, Карлос, — сказала Трейси. — В том смысле, что ты фокусник, волшебник.

— А! Не знал.

— Ничего, теперь будешь знать. — Рэнд снова похлопал его по плечу. — Может, поставим стол и проверим, как работает подъемник?

Они установили стол в гробнице, залитой электрическим светом, и водрузили на него оссуарий,^[21] который Рэнд извлек из локулы в южной стене. При ярком освещении удалось разглядеть надпись на его стенке и сравнить ее с той, что в планшете.

— Вот эту линию надо было сделать длиннее, — показал он на вертикальную царапину в нижнем ряду букв. — А в остальном я срисовал правильно, если учесть, при каком освещении пришлось это делать.

— Что дальше? — спросила Трейси.

Рэнд посмотрел на южную стену.

— Думаю, нужно вытащить из локулы второй оссуарий и поставить на стол, а потом выбираться наружу.

Как только Рэнд взялся за второй оссуарий, что-то подсказало ему: этот ящик — особенный. Оссуарий поставили на стол, и Трейси с Карлосом, стоявшие от него по разные стороны, сразу заметили надписи по бокам. Буквы были начертаны и на передней стенке, которую также украшал сложный орнамент. Внутри узорного кольца — квадрат, образованный пальмовыми ветвями, а в нем — два цветочных венка. Куполообразная крышка оссуария оформлена бордюром из прямоугольников, который шел по периметру в два ряда.

Это была единственная украшенная крышка в этой гробнице.

— Да-а, — протянул Рэнд. — Впечатляет.

— И что тут написано? — спросила Трейси.

— Не знаю. — Он покачал головой. — Но уверен, что это можно узнать.

Рэнд стал тщательно перерисовывать надписи. Затем все выбрались наружу. Карлос явно не хотел пропустить ни одной мелочи. С опаской покосившись на людей в черном, он протянул планшет Мири Шарон.

— Это написано на другом оссуарии, с обеих сторон.

Мири принялась разглядывать надпись.

— Если это и еврейский, то не современный, — сказала она.

— Единственные буквы, которые я узнаю, — вот эти. — Она показала. — «Каф» и «коф».

— «Каф» и «коф»? — повторил Рэнд. — Звучит практически одинаково.

Мири пожала плечами.

— А вот это, возможно, «пех».

— И если вы угадали, как может звучать все слово?

— Не знаю.

— Никаких догадок? Скорее всего, это имя.

Она покачала головой и вздохнула.

— Я не знаю.

— Ничего.

— Извините. — Мири вернула планшет.

— Ничего страшного. Вы нам помогли. Все равно я собирался показать эти надписи лингвистам. Просто, спрашивая вас, надеялся получить информацию как можно быстрее.

— Вы уже заканчиваете? — спросила она.

Рэнд перешел на шепот.

— Мне надо открыть последние два оссуария. Все зависит от того, что внутри.

— Вам надо спешить. — Мири еле заметно кивнула в сторону «Хеврат Кадиса». — Думаю, к ним скоро скоро прибудет подкрепление.

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд вернулся в гробницу и снова стал исследовать кончиками пальцев процарапанные на оссуариях надписи.

— Как бы я хотел знать, что здесь написано...

— Я могу отвезти листы с копиями профессору Хавнеру, — предложил Карлос.

— Да, он знает древнееврейский, — согласился Рэнд.

— И арамейский, и греческий...

— Тебе все равно нужно возвращаться. Вряд ли Игаль хотел, чтобы ты остался здесь, у него и так людей не хватает.

— Это да. — Карлос отвел взгляд.

— Ладно, тогда...

— Стойте, — сказала Трейси. — Есть идея. Можно воспользоваться моим телефоном.

Трейси достала мобильник.

— Купила, когда прилетела в Тель-Авив. Он с камерой. Мы можем сфотографировать надписи и послать их мистеру Хавнеру.

— А для того чтобы их посмотреть, нужен такой же телефон, с камерой? — спросил Рэнд.

— Ага. Может быть, он у него есть. Тогда мы можем не отправлять Карлоса назад. Ты сам знаешь, что он нам нужен.

— Я позвоню профессору Хавнеру, — предложил Карлос.

Прежде чем Рэнд успел возразить, Карлос легко поднялся по лестнице и исчез в проломе. Рэнд посмотрел на Трейси.

— Что? — спросила она таким тоном, будто он обвинял ее в чем-то. — Я только хочу помочь.

Повисло неловкое молчание.

— Ты купила телефон в Тель-Авиве? — спросил Рэнд.

— Ага. Один парень в самолете сказал, что даже если мой американский телефон и будет здесь работать, все равно лучше купить другой — дешевле обойдется.[22] Роуминг, международные переговоры, сам понимаешь. А что?

— Ты не оставишь мне номер? На случай, если мне нужно будет тебе позвонить?

— В смысле, с одного конца пещеры в другой?

— Нет.

По взгляду Рэнда можно было понять, что он думал: «Не пытайся меня надуть».

— Ты понимаешь, о чем я.

— Ладно, конечно. — Трейси нажала несколько кнопок и протянула телефон отцу. — Вот.

Рэнд записал номер в мобильник.

Показался Карлос и так же быстро спустился по лестнице.

— Он сказал, что сможет получить фотографии и постарается помочь, если сможет.

Рэнд улыбнулся.

— Вот и хорошо. За дело.

Рэнд и Карлос стали разворачивать оссуарии к осветителям, а Трейси фотографировала их в разных ракурсах и с разного расстояния. Потом Карлос продиктовал ей номер Хавнера, она набрала его и поднялась наверх, где связь была более устойчивой.

Рэнд заговорил с Карлосом.

— Игаль сказал, чтобы ты вернулся в Мареша?

— Нет.

— Ты попросил разрешения остаться?

— Я объяснил, что здесь много работы.

— И он позволил тебе не возвращаться?

— Он сказал, что у них тоже много работы, — не сразу ответил Карлос.

Рэнд задумался.

— Карлос, ты очень помог мне, и я за это благодарен, — решительно сказал он. — Но я не хочу пользоваться добротой старого друга. Он и так слишком много для меня сделал. Одолжил оборудование, прислал со своей машиной дочь, одного из своих стажеров. Я отплачу ему плохой монетой, если согласишься, чтобы ты остался здесь, когда ты нужен там.

Карлос опустил глаза. Вернулась Трейси.

— Я отправила снимки.

— Хорошо, спасибо тебе, — отозвался Рэнд.

— Тогда мне надо ехать, — сообщил Карлос.

Рэнд и Трейси резко обернулись к нему.

— Что? — удивилась Трейси.

Карлос покраснел.

— Я нужен в Тель-Мареша.

— Но, — начала она, — я ведь именно для того отправляла снимки...

Трейси нахмурилась. У нее был такой вид, словно она собиралась заплакать.

— Я думала, мы отправляем снимки именно для того, чтобы ты остался здесь.

Карлос загадочно улыбнулся, и эта улыбка явно предназначалась Трейси. Он протянул Рэнду руку.

— Я хотел бы вернуться сюда за оборудованием, когда вы закончите.

— Конечно, — согласился Рэнд. — Мы не сможем впихнуть его в мой «фиат». Я... скажу старшему сержанту Шарон, что ты уезжаешь.

— Это и я могу сделать, — вызвалась Трейси.

И один за другим они стали подниматься по лестнице.

26 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Каиафа мерил шагами двор своего дома. Перед ним, в тени оливкового дерева, сидел Гамалиил.

— Это хороший план!

— Боюсь, слишком рискованный, — усомнился Каиафа.

— Ты же меня не просил, я сам вызвался.

— Да. Но, Гамалиил, друг мой, если народ потеряет тебя... если я потеряю тебя, это будет огромное несчастье.

— Не лучше ли смерть одного или даже сотен, чем гибель целого народа?

— Разве что рассуждать именно так, — согласился Каиафа, не останавливаясь.

Гамалиил улыбнулся.

— Да, именно так. И я согласен. Если мне суждено стать мучеником, я пойду на это, как агнец под нож. Я готов сыграть свою партию. Но твоя принадлежит тебе.

Во дворе показался слуга, юноша с черными вьющимися волосами. Он стоял, дожидаясь, пока Каиафа обратит на него внимание.

— Поклажа готова, лошади тоже.

— Спасибо, Малх. — Каиафа остановился. — Где ты достал лошадей?

— Взял взаймы у купца. Они вполне годятся, но не слишком хороши.

— А поклажа?

— Ваше превосходительство ничто не выдаст. Разве что достоинство и благородство.

Каиафа невесело улыбнулся.

— Благодарю тебя, Малх. Мы скоро отправимся.

Когда слуга ушел, Каиафа повернулся к Рабби.

— Мы совсем не знаем этого человека, Пилата. Он прибыл сюда всего пару месяцев назад. Как угадать, примет он меня или встретит так, как Аннон, сын Нааса, послов Давидовых?[23]

— Кто знает, — вздохнул, качая головой, Гамалиил.

— Именно так, мой мудрый друг. Кто знает, станет ли он вообще меня слушать? Можно ли его хоть как-то переубедить? И способен ли он рассуждать здраво, в конце концов?

Гамалиил приблизился и положил руки на плечи Каиафы.

— Бог Израилев, — сказал он. — Он знает. И так или иначе даст нам знать о том, что ему известно.

Южный Иерусалим, Тальпиот

— Спасибо, что привез меня сюда, — поблагодарила Трейси Карлоса.

Они только что сказали Мири Шарон, что Карлос уезжает с раскопок, и пошли к «лендрроверу», на котором приехали из Тель-Мареша сегодня утром.

— Рад был с тобой познакомиться, — с улыбкой ответил Карлос.

— Было бы здорово, если б ты остался и помог нам.

Карлос пожал плечами.

— Мне бы тоже этого хотелось. Но за последнюю неделю профессору Хавнеру пришлось отпустить двух сотрудников, так что ему приходится нелегко. Мне кажется, я и так уже слишком задержался.

Они посмотрели друг на друга, и Трейси вдруг стало неловко. Она хотела продолжить разговор, но не знала, что сказать.

— Может быть, я приеду, когда у меня будет выходной, — предложил Карлос.

Карлос открыл дверь «лендрровера».

— Это здорово! — воскликнула Трейси. — А когда у тебя выходной?

— Не знаю. Определенного дня нет, так что точно не знаю. Но обязательно узнаю и приеду повидаться с тобой... и с твоим отцом, конечно. Приеду и помогу вам.

Сквозь загорелую кожу на его щеках пробивался густой румянец.

— Эта идея мне нравится, — ответила Трейси, улыбаясь и убирая с лица растрепавшуюся на ветру прядь. — Думаю, она понравится и отцу.

Рэнд ждал, когда вернется Трейси. Когда она спустилась по лестнице в гробницу, выражение ее лица удивило Рэнда. Оно было радостное. Рэнд заметил, что между дочерью и Карлосом проскочила искорка взаимного интереса, и подумал, что, когда Карлос уедет, она загрустит. Но, как видно, этого не произошло, и Рэнд вздохнул с облегчением. На вопрос, как она простилась с Карлосом, Трейси ответила: «Замечательно».

— Не сможешь мне с этой крышкой? — спросил Рэнд, показывая на первый из двух оссуариев, которые он извлек из локулы в южной стене. — Думаю, пора открыть его и посмотреть, что внутри.

Трейси кивнула и поддела крышку пальцами.

— Поднимаем медленно, — скомандовал Рэнд, — а потом переносим влево от тебя и аккуратно кладем на пол. Готова?

Спустя мгновение они заглянули в ящик, который Рэнд назвал «оссуарием Мириам».

— Ого! — Трейси отпрянула. — Это действительно жутковато.

В оссуарии лежали кости.[24]

— Да, — согласился Рэнд. — Нужно убрать со стола второй оссуарий, чтобы положить туда кости и как следует рассмотреть.

— Ты станешь до них дотрагиваться?

Рэнд усмехнулся.

Они поставили на пол второй оссуарий, не снимая с него крышку, а затем Рэнд начал осторожно вынимать из первого ящика кости, пролежавшие в нем две тысячи лет, и раскладывать на столе.

Сначала он достал череп, который прекрасно сохранился. Однако Рэнд на-

хмурился и посмотрел на него сбоку.

— Что-то не так? — спросила Трейси.

Рэнд поднял череп на уровень глаз.

— В нем что-то есть.

Засунув пальцы внутрь, он достал из черепа монету.

— Трейси, не возьмешь мою фотокамеру? Надо было попросить тебя сфотографировать, как только мы сняли крышку.

Положив череп на место, Рэнд показал, в каком ракурсе сфотографировать то, что лежит внутри оссуария. Затем положил монету на ладонь, и Трейси сфотографировала сначала одну ее сторону, потом другую. На первой был изображен человек с зонтиком, а внизу полукругом шли латинские буквы. На другой — три снопа пшеницы или ячменя.

— Как монета оказалась внутри черепа? — спросила Трейси.

Рэнд задумчиво покачал головой.

— Хороший вопрос. Трудно сказать. Если бы мы вели раскопки в Греции, а не в Иудее, то для находки, относящейся к первому веку нашей эры, ответ был бы очевиден. Греки клали монету в рот умершего, чтобы тот в загробной жизни мог заплатить Харону, перевозившему души через реку Стикс.

— Да, надо было учить мифологию, — задумчиво прошептала Трейси.

— Но здесь, в иудейской гробнице периода Второго Храма, — продолжал Рэнд, — даже не знаю... Может, какое-то наложение иудейских и языческих погребальных обрядов?..

Положив монету на стол, он снова достал череп и повертел в руках.

— Похож на женский.

— Откуда ты знаешь?

Держа череп в одной руке, Рэнд стал объяснять.

— Совокупность признаков.

Он постарался логически выстроить наблюдения, которые позволили сделать этот вывод.

— Размер. У женщин, как ты могла бы догадаться, череп немного меньше и с более выпуклыми отдельными частями. Другой признак — мандибула, нижняя челюсть. У женщин она меньше, закругленнее, а у мужчин ближе к прямоугольной и массивнее.

Затем он показал на глазницы.

— Переход ото лба к глазницам у женщин гораздо резче, — Рэнд повернул череп так, чтобы Трейси видела его в профиль, — при том что надбровные дуги более выражены у мужчин. И многое другое.

Рэнд улыбнулся.

— Тебе и правда все это нравится. — Трейси не спрашивала, а констатировала факт.

Рэнд свесил голову набок и повел плечами.

— Да. Нравится.

— И ты специалист в своем деле.

— Был им. — Рэнд перевел глаза на череп.

Он чувствовал на себе изучающий взгляд дочери, пока вынимал из оссуария остальные кости. Разложил их на столе так, чтобы составить скелет. Прежде чем выложить тазовую кость, обратил на нее внимание Трейси, которая сфотографировала все, что он извлекал из ящика.

— А вот и четкое указание на то, что это женский скелет. Женская тазовая кость существенно отличается от мужской, потому что она должна позволить младенцу пройти через родовые пути. Отверстие внизу овальное, а не сердцевидное, лобковая дуга намного шире, а лонное сочленение более гибкое.

Положив на стол бедренные кости, Рэнд объяснил, что у женщин они короче и тоньше, чем у мужчин. Когда он расположил в соответствующем порядке последние, самые мелкие кости — пальцев рук и ног, из кармана послышался виброзвонок мобильного.

— У тебя звонки даже сюда проходят? — удивилась Трейси.

— Нет, это сообщение. Ты еще пофотографируй, а я выберусь наверх прочитать, хорошо?

Поднимаясь по лестнице, он одновременно нажимал кнопки телефона. Пришло голосовое сообщение от Игаля Хавнера.

«Рэнд, друг мой. Я получил фотографии и распечатал их. Черно-белые, но качество отличное. Мне удалось прочесть и приблизительно перевести надписи, поэтому позвони мне, как только получишь сообщение. И не забудь при этом сесть».

38

Южный Иерусалим, Тальпиот

— Я сел, — сказал Рэнд, поздоровавшись с Хавнером, хотя на самом деле он всего лишь прислонился к капоту «фиата».

— Уточни, пожалуйста: это надписи с двух оссуариев? — Хавнер сразу приступил к делу. — Я должен быть уверен.

— Да, надпись из двух строк — с одного оссуария, а две другие — со второго, с обеих сторон. И он куда богаче.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что это лучший образчик резьбы по камню, который я когда-либо видел. — Рэнд описал орнаменты на втором оссуарии.

— Понятно.

— Это имеет какое-то значение?

— Решешь сам, когда я расскажу тебе, что там написано.

— Я весь внимание.

— Надписи на арамейском, — начал Хавнер.

— Арамейском?

— Да, без сомнения. С виду похоже на древнееврейский, который очень отличается от современного языка. Но это был разговорный язык Израиля в начале новой эры.

— Да-да, — терпеливо сказал Рэнд.

Все это он прекрасно знал, но не хотел перебивать Хавнера.

— Один из ранних вариантов написания. Я почти уверен, что это первый век.

— Отлично. И что там написано?

— Я не палеограф...

— И все-таки.

— Моя транслитерация не может быть признана окончательной...

— Я понимаю.

— Думаю, лучше сначала сказать, что написано на первом оссуарии. «Ми-

риам берет Шимон». Мириам, дочь Шимона.

— Мириам, — как эхо, повторил Рэнд.

— Да, дочь Шимона.

— Подожди минутку, Игаль. — Рэнд прикрыл ладонью трубку и жестом по-дозвал Мири. — Вы были правы. Там действительно написано «Мириам».

Мири польщенно улыбнулась.

— Можно попросить вас об одолжении? Вы не попросите мою дочь принести планшет?

Она кивнула и направилась к гробнице.

— Да, — сказал Рэнд в трубку. — Итак, Мириам, дочь Шимона. Это первая надпись.

— Правильно.

— А две другие?

— Возможно, две другие идентичны.

— Ты так думаешь?

— Да. Правда, в их написании есть различия.

— Тогда они не идентичны.

— Это одни и те же слова, просто буквы написаны немного иначе.

— Немного иначе, — шевелил губами Рэнд.

— Ты говоришь, эти надписи были на боковых стенках оссуария? По фотографиям я этого не понял, поскольку снято крупным планом. Но если это так, то одна надпись должна быть на короткой стороне, а вторая — на длинной. Возможно, обращенной к стене... Я прав?

— Именно так, — подтвердил Рэнд.

— Так я и думал. Это и объясняет разницу в написании.

Из гробницы выбралась Трейси с планшетом в руках, отдала его Рэнду. Мири снова заняла свой пост, остановившись в каких-то двух метрах от них.

— Записывай, — сказал Рэнд. — Минутку, Игаль. Дочь записывает. Пиши: «Мириам, дочь Шимона».

Имя Шимон он произнес по буквам.

— Да, Игаль. Рассказывай дальше.

— Значит, дочка добралась благополучно?

— Да, спасибо тебе огромное. Отлично доехала. И спасибо, что послал Карлоса. Кстати, он уже едет обратно.

— Вот и славно.

— Итак, что со второй надписью?

— Судя по всему, это родовое имя, — ответил Хавнер. — И непростое.

— То есть?

— Если я прочитал правильно, родовое имя звучит как Ка-и-а-фа.

— Каиафа.

— Да. А полностью, если вынести за скобки варианты написания, — Иосиф бар Каиафа.

— Подожди.

Рэнд забрал у Трейси планшет и сам записал имя, плечом прижимая к уху мобильник.

— Иосиф бар Каиафа.

— Правильно, — сказал Хавнер. — Иосиф из рода... Каиафы.

— Каиафа, — повторил Рэнд. — Знакомое имя.

— Еще бы. Это имя священника, упомянутого еврейским историком Иосифом Флавием. «Иосиф, которого звали Каиафой».

— Почему-то я не соотнес того Каиафу с этим.

— Подсказываю дальше, — продолжал Хавнер. — Каиафа не просто священник. Он первосвященник, возглавивший судилище над Иисусом.

39

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд дал отбой. Имя Каиафы заставило его мысленно вернуться на много лет назад. Конечно же, он знал историю об Иисусе, осужденном правителями Иудеи и принявшем смерть на кресте. Впервые он услышал ее от матери еще до того, как пойти в школу.

Он вырос в сельской местности, в Бруквилле, штат Канзас. Население городка — около семисот человек, а коров гораздо больше, чем людей. Мать каждое воскресенье водила его в церковь и воскресную школу. Церковь была деревянная, с колокольней, выкрашенная в белый цвет. Отец оставался дома, и Рэнду это казалось вполне естественным, хотя отцы других детей приходили с женами и детьми и терпеливо выстаивали в жаре и духоте длинную мессу. У отца всегда был какой-то отсутствующий вид, как будто его здесь не было, даже если он находился в соседней комнате. Рэнд не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь отец хоть как-то проявил заботу о нем и отцовскую любовь. Целыми неделями он мог не сказать сыну ни единого слова.

Когда Рэнд стал подростком, он перестал ходить в церковь, хотя и очень любил свою мать. Но никакие слова и умоляющие взгляды не могли его переубедить.

После женитьбы в двадцать лет на Джой Стивенсон, сокурснице по Канзасскому университету, он несколько раз был в церкви. Но потом безразличие и даже неприязнь к христианской религии вернулись. Когда молодая жена заявила о своем желании утвердиться в вере в церкви студенческого городка Университета Чикаго, куда Рэнд перевелся на старших курсах, он честно предупредил ее, что не собирается ничего менять.

— Я устраиваю себя такой, какой я есть, — сказал он Джой.

«Рассказы об Иисусе и распятии — всего лишь рассказы, — говорил он себе. — Они не имеют никакого отношения ко мне и моей жизни».

Но сейчас в нескольких метрах от Рэнда была древняя усыпальница с именем Каиафы. Первосвященника, возглавившего суд над Иисусом. Неужели это тот самый Каиафа? Или в Иудее был еще один Иосиф бар Каиафа? А если кости в гробнице принадлежат человеку, отправившему на смерть Иисуса Христа?

— Пап, с тобой все в порядке?

Рэнд кивнул, задержав дыхание. Все еще сжимая в руке планшет, он подошел к Мири Шарон.

— Как у нас дела?

Она не сводила глаз с «Хеврат Кадиша» и дороги у них за спиной.

— С утра приехали еще трое. Думаю, они ждут, когда подъедут остальные.

— Если я найду кости, какой должна быть процедура передачи останков этим ребятам?

— Если?

— Именно так.

По ее лицу скользнула улыбка.

— В этом случае выбор у вас небольшой. Вы можете вынести кости на поверхность в том же ящике, где они были, и «Хеврат Кадиша» переложат их в специальный мешок и увезут отсюда. Вы также можете позвать несколько человек с собой в гробницу, и они сами заберут кости оттуда, где вы их нашли. Или просто пустите их в гробницу после того, как заберете оттуда все, кроме человеческих останков.

— Думаю, я предпочел бы отдать им кости прямо в оссуариях, — сказал Рэнд.

— Если вы найдете кости, — с нажимом на «если» сказала Мири.

— Точно, — согласился Рэнд. — Если найду хоть какие-то.

Они с Трейси вернулись в гробницу.

— Нам надо работать быстро, но аккуратно, — скомандовал Рэнд.

— Что мне делать?

— Продолжай фотографировать.

— А ты не хочешь рассказать, что значат эти надписи?

Рэнд не ожидал такого вопроса.

— Да, конечно.

Он стал осторожно складывать кости в оссуарий Мириам.

— Эти кости, возможно, принадлежат некоей Мириам, дочери Шимона, или Симона, как мы теперь произносим это имя.

— Вот как. И кто же она?

— Не знаю. — Рэнд покачал головой. — Судя по всему, кости полностью выросшие, эпифизы длинных костей срослись с диафизами,[25] — добавил он, показывая на бедренные кости. — Спаек нет, поэтому можно сделать вывод, что она умерла взрослой.

— Придется поверить тебе на слово, потому что я все равно ничего не поняла. Сколько ей было лет?

— Не знаю. Будем надеяться, что специалист по остеoarхеологии сможет сделать более конкретные выводы по фотографиям.

— Значит, это все, что нам известно?

— Все, не считая того, что эта женщина, по-видимому, принадлежала к роду Каиафы.

— Каиафы?

Рэнд усмехнулся.

— Да. И в этом все дело. Хавнер считает, что на втором оссуарии написано: «Иосиф из рода Каиафы».

— Понятно. И кто это?

— Подожди, помоги-ка мне поставить эту крышку обратно, — вместо ответа сказал Рэнд, закончивший складывать кости в оссуарий.

— Так вот, это, возможно, тот самый человек, который был первосвященником в Иерусалиме в то самое время, когда распяли Иисуса Христа.

— Иисуса Христа?!

— Да. Ни больше ни меньше.

26 год от Р. Х. Кесария Палестинская

Каиафа стоял перед римским префектом.

Вчера вечером он в сопровождении Малха достиг Кесарии, преодолев около восьмидесяти миль.[26] Путешествие было изнурительное, и, хотя они остановились в лучшем месте из всех, какие только можно было найти, у Иохана на Слепого, на берегу моря, Каиафа почти не отдохнул. Он предчувствовал, что после аудиенции у префекта перестанет быть Кохеном ха-Гадолем, первосвященником иудеев. Возможно, не пройдет и недели, как его план провалится. Погибнет Гамалиил... и многие другие.

Пилат восседал на беломраморном возвышении в зале для приемов. Это был павильон во дворе дворца, украшенный изысканными статуями и цветущими растениями. Снаружи задувал свежий морской бриз, спасая от жары префекта, представителя судебной, исполнительной и законодательной власти цезаря в Иудее, Самарии и Галилее.

Каиафа дал знак Малху, чтобы тот оставался на месте, и приблизился к префекту. На Пилате была белая туника патриция с вертикальными красными полосами, поверх нее — пурпурная накидка с золотой отделкой, символ власти римского префекта, на шее, на золотой цепочке, висел медальон с профилем Тиберия. Голову Пилата венчал золотой лавровый венок.

— Ваше высокопревосходительство, — склонил голову Каиафа.

— Приветствую тебя, благородный рабби, — ответил Пилат благосклонным кивком.

Каиафа собрался было поправить префекта — он не рабби, а первосвященник, но промолчал.

— От имени жителей Иерусалима и всего еврейского народа желаю вам всех благ и надеюсь всегда находить вас в добром здравии и благополучии.

Пилат провел языком между верхней губой и зубами и громко цыкнул, словно только что отошел от стола и кусочки пицци застряли у него между зубов.

— Премного благодарен.

— Меня привел к вам вопрос... деликатного свойства.

— Имеет ли отношение этот вопрос деликатного свойства к той толпе евреев, которая заполнила виа Марис?

— Да, ваше высокопревосходительство, — ответил Каиафа. — Самое непосредственное.

— Говори. — И Пилат сопроводил это слово повелительным жестом.

— Мой визит к вам — тайный, — доверительно сообщил Каиафа. — Я надеюсь сослужить хорошую службу вашему высокопревосходительству... и моему народу.

Вошел слуга, неся поднос с финиками и другими фруктами. Пилат взял золотисто-оранжевый абрикос и знаком велел слуге отойти подальше.

Каиафа снова заговорил — медленно, осторожно выбирая слова.

— Посольство Синедриона направляется сюда, чтобы вручить вам прошение об отзыве Августовой когорты из крепости Антония.

Пилат сел поудобнее и наклонился к Каиафе.

— По какой причине?

— Штандарты Августовой когорты украшает портрет императора.

— Это мне известно. — Префект откинулся на спинку кресла, надкусил брызжущий соком абрикос, и по подбородку потекла тоненькая струйка. — Отвагой и преданностью императору эти воины заслужили право носить такой знак.

— Да, и тем не менее посольство будет просить вас убрать их из крепости.

— И получит отказ. — Пилат пожал плечами и снова взялся за абрикос.

— Безусловно. Именно поэтому я и прибыл сюда.

— Чтобы услышать мой отказ?

— Чтобы предотвратить кровопролитие.

Пилат вздохнул.

— Ты утомляешь меня, рабби, — сказал он, доедая фрукт, позвал слугу, положил на поднос косточку и вытер руки услужливо поданным полотенцем.

Слуга удалился.

— Ваше высокопревосходительство, мы, евреи, живем по Закону Божию, а он запрещает нам создавать изваяния. В Иерусалиме десятки тысяч евреев, и они скорее умрут, чем нарушат Закон.

— Значит, они умрут, — сказал Пилат так же буднично, как ел абрикос.

— За ними пойдут другие, — настаивал Каиафа.

— Значит, умрут и они! — Пилат начал терять терпение.

— Ваше высокопревосходительство, я здесь не для того, чтобы перечить вам. Но я не хочу кровопролития — ни для евреев, ни для римлян.

Каиафа прочистил голос. Но заговорил совсем тихо.

— Императорские когорты в Иудее хорошо вооружены и обучены. И тем не менее это всего лишь вспомогательные силы, так что если собрать их воедино, вряд ли наберется две тысячи солдат. А так как император призвал префекта Сирии Луция Ламию в Рим, подкрепление из Сирии прибудет слишком поздно...

— Ты мне угрожаешь?! — Пилат встал.

— Нет, ваше высокопревосходительство, уверяю вас. Если бы возмущенная толпа, что сейчас заполнила виа Марис, осталась в Иерусалиме, сейчас уже начался бы штурм крепости Антония, в которой только пятьсот солдат. Именно поэтому я и отправил этих людей за пределы Иерусалима.

— Значит, вместо крепости Антония ты хочешь взять штурмом мой дворец?

— Нет! — резко ответил Каиафа, непроизвольно бросив взгляд на часовых по обе стороны помоста. — Это никоим образом не входит в мои планы. Ваше высокопревосходительство понимает, что толпа, которая идет из Иерусалима пешком, следуя за посольством Синедриона, вполне успеет немного остыть к концу пути. Конечно, они все еще будут возбуждены, но станут сговорчивее. А так как они уже терпели несколько дней, то потерпят еще, ожидая решения вашего высокопревосходительства.

— Пойдут ли они так же спокойно обратно в Иерусалим, если услышат, что Августова когорта с ее штандартами останется в городе?

Каиафа склонил голову. Если его не направляет промысел Божий, несчастья не миновать.

— Не пойдут, — прямо ответил он. — Но, — и Каиафа сделал примиритель-

ный жест, — именно поэтому я и поспешил к вашему высокопревосходительству за помощью. Только мудрость вашего высокопревосходительства может предотвратить кровопролитие... через какие-то несколько месяцев после вашего прибытия в Иудею.

И Каиафа пристально посмотрел на префекта. Последняя фраза попала в цель. Для репутации префекта и его положения при дворе императора массовое восстание вскоре после вступления в должность станет жестоким ударом. Безусловно, рано или поздно Рим подавит восстание и пакс романа[27] будет восстановлен, но последствий бунта не избежать. Были случаи, когда префектов отзывали и за меньшие промахи, и Пилату это известно.

А теперь ему известно, что об этом знает и Каиафа.

41

Южный Иерусалим, Тальпиот

Несмотря на то что гробница была ярко освещена, у Трейси по коже побежали мурашки.

«Могла бы и сама вспомнить такое имя, как Каиафа, не спрашивая у отца».

Теперь она вспомнила. Конечно. Самые ранние воспоминания детства. Свернувшись клубочком, она устроилась на коленях у матери, и та читает ей истории из Библии. Маленькой девочкой Трейси очень любила их, особенно про Руфь и Эсфирь, про Даниила в логове льва. Но больше всего ей нравились истории об Иисусе, добром наставнике и чудотворце, который въехал в Иерусалим в Вербное воскресенье, зная, что в конце недели его ждет смерть. Как ни странно, ей нравились и печальные истории — о Тайной вечере и предательстве, о трех судилищах — в Синедрионе, у Пилата и у Ирода. И даже изнурительный путь на Голгофу и мученическая смерть Творца между двух распятых преступников.

Уже тогда ей казалось, что с ней что-то не так. Другие дети на Пасху бурно радовались крашеным яйцам, нарядным скатертям, корзинам с едой и живым картинам. Трейси же считала Пасху чем-то вроде восклицательного знака в конце истории. Он уместен лишь в том случае, когда весь ход повествования подводит читателя к кульминации. Конечно, в детстве она не могла выразить свою мысль словами, но чувствовала это всегда, сколько себя помнила.

В средних и старших классах Трейси стала играть в оркестре на тромбоне. Похожее чувство возникало у нее каждый раз, когда требовалось крещендо или форте, причем для нее было важно, как именно надо сыграть — крещендо мольто или крещендо поко а поко.[28] Трейси была убеждена, что сила кульминации зависит от того, какими средствами она достигнута. К этому времени истории об Иисусе и его беззаветной жертвенной любви отошли на задний план, уступив место более насущным вещам. Трейси хотелось нравиться мальчикам, пользоваться авторитетом среди девочек и стать кем угодно, только не одним из фанатичных проповедников христианства, помешанных на Иисусе, которые еще и гордятся тем, что выглядят нелепо. Не то чтобы она утратила веру — просто забыла о ней.

Но сейчас... Обогнуть половину земного шара, чтобы повидаться с отцом, и вдруг наткнуться на усыпальницу человека, который играл в этих историях, которые она так любила слушать в детстве, одну из главных ролей... Трейси просто не знала, что думать. У нее перехватывало дыхание.

Отец прервал ее воспоминания. Он попросил Трейси взяться за край оссуария Мириам, чтобы поставить его на пол. Затем они подняли на стол другой ящик — тот самый, в котором, возможно, покоились кости Каиафы.

— Ну что? — спросил Рэнд. — Давай откроем?

Крышка этого оссуария, конечно, была богаче украшена, но и выше, шире. Ее края нависали над стенками ящика по всему периметру, а каменотес так плотно ее приладил, что Трейси не сразу смогла просунуть пальцы под нижний ободок и нащупать точку опоры. Но как только ей это удалось, она почувствовала, насколько эта крышка тяжелее предыдущей.

Когда они наконец открыли оссуарий, Трейси, непроизвольно затаив дыхание, заглянула внутрь. И первое, что она увидела, — череп.

42

Южный Иерусалим, Тальпиот

Рэнд извлек череп на свет божий медленно, не без почтения. Повернул из стороны в сторону, оценил его параметры, о которых недавно рассказывал Трейси.

— Ну что? — спросила она.

— Череп, — без тени иронии ответил Рэнд.

— Давай без дураков. Мужской?

— Похоже на то. Большой, округлый, выраженные надбровные дуги. Почти прямоугольная челюсть. Я бы сказал, мужской череп.

— Значит, это может быть он?

Рэнд показал на зубы.

— Взрослый человек, даже пожилой.

— То есть старый?

Рэнд промолчал. Положив череп на стол, он повернулся к оссуарию, чтобы достать оставшиеся кости. Аккуратно вынул тазовую кость и внимательно рассмотрел.

— Судя по вертлужной впадине и лонному сочленению...

Он нахмурился.

— Вот почему мне нужен остеoarхеолог. Надя гораздо лучше меня сделала бы осмотр на месте.

— Ты не можешь определить, сколько ему было лет?

— С уверенностью — нет. — Рэнд прикусил губу и поднял на нее глаза. — Вот почему твои фотографии приобретают решающее значение. То есть я, конечно, думаю, что наш подопечный был пожилой человек, лет пятидесяти или больше, но точнее сказать не могу. Это только предположение.

— Но это все равно может быть он. — Трейси стояла на своем.

Рэнд положил тазовую кость на стол.

— Давай не будем делать преждевременных выводов.

Одну за другой он доставал из оссуария разные кости.

— Но пока все не так уж плохо. Ты сказал, это точно мужчина и, вероятно, старый. Так что это может быть он.

Рэнд оперся на края оссуария и посмотрел на нее.

— Возможно. Но я видел слишком много людей, сделавших поспешные выводы, когда для этого не было достаточных оснований. Я не хочу повторить их ошибки. Все это может оказаться очень важным, Трейси, а если так, нельзя

пороть горячку. Мы просто не имеем права отнестись к этой находке небрежно...

Кто-то позвал Рэнда сверху. Это была Мири Шарон, и в ее голосе звучала тревога.

— Да? — отозвался он, подойдя к лестнице.

— Профессор Баллок, вы можете подняться сюда ненадолго?

Рэнд оглянулся на Трейси. Интонация Шарон ему не понравилась.

— Фотографируй все, что можно, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Еще не выбравшись наверх, Рэнд услышал голоса. Озлобленные, выкрикивающие проклятья. Люди в черном снова изрыгали ругательства и трясли кулаками.

Наверху его ждала Мири с карабином в руках.

— Сколько вам еще осталось? — спросила она, прежде чем Рэнд успел распрямиться, выбираясь из гробницы.

— А что происходит?

— Когда вы закончите? — Голос Мири прозвучал резко, а глаза сверкнули.

— Не знаю. Что происходит?

— Они больше не будут ждать.

— Вы хотите сказать, нужно закончить сегодня? Я только что открыл последний оссуарий.

Мири многозначительно посмотрела на солнце, которое клонилось к закату.

— Они не станут ждать весь Шаббат.

— Что?

— Наступает Шаббат. Суббота. Им нельзя оставаться здесь во время Шаббата, и они не останутся.

— Так это хорошо. Солнце сядет, и они уедут.

— Вы не поняли. Они просто так не уйдут. Они уверены, что в гробнице кости, и хотят забрать их до наступления Шаббата.

— И что это значит? Я должен закончить раньше, чем они направятся в храм?

В двух шагах от них упал камень. Шарон крикнула что-то — Рэнд не понял. Но толпа не утихомирилась — они стали орать еще громче.

— Вы действительно думаете, что они снесут ограждение?

— А вы как думаете? — Взгляд Мири был жестким.

— Послушайте, — начал Рэнд, отвернувшись от «Хеврат Кадиша» и понизив голос. — У меня есть кости, и я собираюсь отдать их. Но мне нужно время. Я только что открыл оссуарий, который может оказаться самым важным в этой гробнице. У меня не было времени осмотреть кости из него и сфотографировать. Вы можете что-нибудь сделать?

Рядом упал еще один камень. И еще один. Либо они не умели бросать камни, либо не хотели никого ранить. Рэнд решил, что второе предпочтительнее.

Мири сжала карабин и глянула исподлобья на людей в черном. Посмотрела, который час.

— Закат через два часа. Но они не будут ждать заката.

— А сколько они будут ждать?

— Ну...

Мири покачала головой. Ее ответ можно было понять и как «кто знает!», и

как «какая разница?». Но Рэнд понял, что она хотела сказать.

— Что, если я вынесу первый оссуарий прямо сейчас? Это поможет выиграть время?

— Я могу сказать им, что вы вынесете все человеческие останки в течение получаса, — предложила Мири. — Вас это устроит?

— Сколько им нужно времени, чтобы сделать все, что полагается?

— Ну... Думаю, не больше пятнадцати минут.

— Значит, у меня не больше часа. Это максимум.

— Что вы успеете за это время?

— Не слишком многое.

43

Южный Иерусалим, Тальпиот

Поблагодарив Мири за помощь, Рэнд пошел к гробнице, а она повернулась к пикетчикам. Торопливо спустившись по лестнице, Рэнд в общих чертах обрисовал ситуацию Трейси. Они не стали медлить и втащили оссуарий Мириам на подъемник.

Как только оссуарий оказался на поверхности, крикуны успокоились. Рэнд и Трейси поставили его рядом с желтой лентой, прямо напротив толпы. Рэнд повернулся к Мири.

— Они не должны его повредить.

— Я прослежу, — кивнула она.

Когда Рэнд и Трейси были уже у входа в гробницу, люди в черном окружили оссуарий и, судя по всему, стали готовиться к религиозному обряду. Спустившись в гробницу, Рэнд начал доставать кости из другого оссуария и раскладывать их на столе.

Хотя он и старался работать как можно быстрее, время от времени все-таки успевал делать заметки на листах бумаги и скреплять их в планшете. Трейси занималась съемкой. Вдруг, вынув из оссуария бедренные и берцовые кости, Рэнд замер.

— Что такое? — Трейси опустила фотоаппарат.

Было заметно, что отца что-то потрясло. Он осторожно опустил на стол берцовую кость. Трейси обратила внимание, что положил он ее совсем не туда, где она должна находиться в составе скелета, между бедренной костью и костями стопы, а просто рядом с другими останками.

— Что? — спросила она.

Правой рукой Рэнд уже потянулся внутрь оссуария, но передумал и посмотрел на дочь.

— Сфотографируй это.

Оссуарий казался абсолютно пустым.

— Что именно?

Обойдя стол, Рэнд стал рядом с ней и показал в угол ящика.

— Вон там. Снимай.

Теперь Трейси увидела. Продолговатый запыленный предмет. Нечто цилиндрическое, обернутое очень старой кожей. На коже ложбинки, судя по всему, в тех местах, где этот сверток когда-то был стянут веревкой, от которой теперь остались лишь полуистлевшие волокна.

— Что это?

— Не знаю. — Рэнд смотрел на загадочный предмет, словно тот в любую минуту мог исчезнуть или сдвинуться с места. — Может быть, свиток?

44

26 год от Р. Х.
Кесария Палестинская

В воздухе повисло напряженное молчание. Каиафа выждал паузу и заговорил.

— Мне известно, что у вашего высокопревосходительства репутация человека искусного и проникательного, который прибыл в Иудею, чтобы поддерживать мир и справедливость в провинции.

Надменно взглянув на Каиафу, Пилат сел.

— Будем надеяться, что мыслишь ты так же глубоко, как складно говоришь.

Каиафа понимающе улыбнулся.

— Благодарю, ваше высокопревосходительство. Я знаю, что приказ просто убрать штандарты Августовой когорты не может быть приемлемым решением.

Префект наклонил голову, словно пытаясь разглядеть говорящего с ним еврея под другим углом.

— Это было бы оскорблением не только когорты, но и самого императора.

Каиафа согласно кивнул.

— Да. И безусловно, вновь назначенный префект столь беспокойной провинции, как Иудея, не может даже в самой незначительной степени дать понять, что он идет на уступки или готов отменить принятое им решение.

— Продолжай, — буркнул Пилат, прищурившись.

— Следовательно, когда прибудет делегация из Иерусалима, выше высокопревосходительство, разумеется, отклонит их просьбу.

Пилат медленно кивнул. Он был явно заинтересован.

— Но эти люди не отступят. Они не могут терпеть присутствия изваяния, будь то человек или животное, в городе Господа нашего. Они не могут допустить даже мысли об этом.

— Никто не требует от них поклоняться этим образом! — внезапно возразил Пилат.

— Много веков назад мой народ стоял лагерем в пустыне Фаран. И лагерь наводнили ядовитые змеи. Многих они ужалили, многие умерли, и тогда пророк Моисей, по наставлению Господа, отлил из бронзы изображение змеи и водрузил его на шесте меж палаток народа Израилева — так, чтобы все могли видеть его. И всякий, увидевший его, чудесным образом исцелялся после смертельного укуса, и мор закончился. Столетия спустя один из царей Израилевых, праведный Езекия, должен был уничтожить эту бронзовую змею, ибо нашлись люди, которые стали ей поклоняться.[29]

Сделав паузу, Каиафа посмотрел префекту в глаза, но не увидел в них понимания.

— Вы видите, ваше высокопревосходительство, — продолжал он, — что у нас, евреев, есть причина, по которой мы с величайшей осторожностью должны относиться к изваяниям. В природе человеческой обращать образ в идол. Вот почему в последние дни Ирода Великого, когда он повелел воздвигнуть над

входом в Храм золотого орла, наши богословы низвергли это изваяние, рискуя жизнью.[30]

— И что же заставляет евреев так поступать?

— Мы любим мир, — ответил Каиафа. — Но Господа мы любим больше.

Нахмурившись, Пилат бросил на первосвященника тяжелый взгляд.

— Следовательно, — продолжал Каиафа, — посольство, как и следовавшие за ним из Иерусалима толпы людей, будет требовать, чтобы штандарты были сняты.

— Тогда наш разговор — пустая трата времени! — Пилат сорвался на крик.

— Простите меня, ваше высокопревосходительство, но я не закончил. Когда посольство изложит свою просьбу, ваше высокопревосходительство может сказать, что вы примете решение и огласите его в театре. — И Каиафа движением головы указал направление — направо, недалеко от внутреннего двора, где они беседовали, находился театр.

— Почему в театре?

— Тогда толпу, даже многотысячную, а я подозреваю, что именно так и будет, легко и беспрепятственно возьмут в кольцо солдаты, вашего высокопревосходительства.

Пилат слушал напряженно и внимательно.

— Когда вы объявите, что штандарты не будут убраны, возмущение толпы, вырвется наружу. Они будут требовать, чтобы вы изменили решение. И пойдут до конца.

На лице префекта мелькнуло удивление, смешанное с уважением.

— Когда накал страстей достигнет апогея, ваше высокопревосходительство предложит женщинам и детям покинуть театр. Кто-то уйдет, но большинство останется. Безусловно, всем будет понятно, что евреям можно либо смириться с вашим решением... либо умереть. Затем вы прикажете солдатам обнажить мечи и ждать команды.

— Ты безумен, — с долей восхищения в голосе сказал Пилат.

— В этот момент кто-нибудь, возможно даже сам Гамалиил, выйдет вперед и скажет, что желает умереть первым. За ним последуют остальные.

— Ты предлагаешь мне без сожаления уничтожить тысячи граждан Римской империи?

— Нет, вовсе нет, ваше высокопревосходительство, — возразил Каиафа, качая головой. — В этот момент вы, возможно, решите объявить, что вас трогает преданность евреев их богу и что вы решили их пощадить. Профиль императора останется на штандартах Августовой когорты, ибо вы, не станете лишать ее этой чести, но вы, переводите Августову когорту в Кесарию, дабы портрет императора на ее штандартах радовал глаз префекта.[31]

Пилат изучающе рассматривал первосвященника. Глаза его снова сузились.

— Что заставляет тебя думать, что я не отдам приказ убить всех, кто придет в театр?

— Репутация вашего высокопревосходительства — мудрого судьи и искусного правителя, — отвечал Каиафа, хотя никогда ничего подобного не слышал о Пилате. — Репутация, которая только укрепится, когда вы выйдете победителем из столь сложной ситуации... и под вашей властью в провинции воцарится мир.

Рукой с ухоженными ногтями префект потер чисто выбритый подбородок,

продолжая разглядывать первосвященника. Потом снова провел языком между верхней губой и зубами.

— Тебе, конечно, известно, что римский префект всегда поступает таким образом, чтобы принести как можно больше пользы императору и империи, — сказал он.

— Разумеется, — отвечал Каиафа.

— Это все.

Слегка поклонившись, Каиафа покинул зал для приемов, беззвучно моля Бога о том, чтобы не получилось так, что он только что отдал свой народ, а с ним и Гамалиила, в руки палача.

45

Южный Иерусалим, Тальпиот

— Свиток? — переспросила Трейси.

Рэнд кивнул, продолжая рассматривать странный предмет. Двигаясь медленно, будто сверток в оссуарии был чем-то вроде свившейся в кольцо змеи, которую ни в коем случае нельзя побеспокоить, он протянул руку и взял с планшета карандаш. Используя его как зонд, Рэнд осторожно коснулся свитка и отогнул в сторону кусок кожи, за которым открылся хрупкий пожелтевший папирус.

Рэнд понимал, насколько это необычная находка. При раскопках гробниц всегда находят множество всевозможных предметов: горшки, кружки, глиняные светильники, вазы, таблички для письма, резные изображения, ткани (одежду или саваны) и тому подобное. Многие из перечисленного обнаруживают и в оссуариях, вместе с украшениями и монетами (в оссуарии Мириам ему только что попала монета Ирода Антипы). Но, насколько он помнил, в тысячах оссуариев, перечисленных в «Ливанском каталоге иудейских оссуариев», [32] ни разу не был обнаружен свиток.

Иудейские традиции погребения во времена Второго Храма были абсолютно утилитарны и четко регламентированы. Подавляющее большинство надписей выполняли строго определенным образом. Указывали имя умершего, принадлежность к роду по отцовской линии, титул или прозвище, полученное благодаря какой-то характерной особенности (например, Йоханан Прокаженный или Езер Книжник). Иногда встречалось наложение иудейских и языческих погребальных обрядов — как эта монета в оссуарии Мириам. Попадалось и смешение иудейских и христианских обычаев.

Но в любом случае присутствовала определенная логика. В египетские гробницы помещали светильники, которые должны были освещать дорогу в загробное царство. Викинги снабжали своих покойников оружием, едой и питьем, чтобы те могли совершить путешествие в мир иной.

Но свиток? Свитки или их фрагменты обычно находили в развалинах монастырей и библиотек, иногда жилых домов. Свиток был найден под полом синагоги в Масаде, там, где закончилось Великое восстание иудеев против Рима и где почти тысяча человек предпочли покончить с собой, нежели сдать в плен римлянам. Конечно же, свитки находили в пещерах. Например, знаменитые Свитки Мертвого моря, целая библиотека, спрятанная в лабиринте пещер неподалеку от Кумрана, там, где в древности селились еврей-отшельники. Как Рэнд ни старался, он не мог припомнить ни одного случая, чтобы свит-

ки обнаруживали в иудейских гробницах. Египетских, китайских — сколько угодно. Не говоря уже о том, что свиток был внутри оссуария.

В чем же причина? Зачем иудейской семье — а возможно, и семье Каиафы, первосвященника Иудеи, хотя говорить об этом рано — класть в оссуарий свиток? Оказался ли этот свиток в гробнице вместе с телом при первоначальном похоронном обряде, когда покойника, завернутого в саван, поместили в локулу? А потом, когда плоть разложилась, его переложили в оссуарий вместе с костями? Или свиток попал в него позднее, при захоронении оссуария?

И что там, на этом свитке? Возможно, часть Писания, как на свитке великого Исаяи, что был найден в числе прочих у Мертвого моря. Или это нечто, обладавшее исключительной ценностью для умершего? Или связанное с особенностями похоронного обряда? Или имеющее отношение к обстоятельствам смерти покойного?

Рэнд покачал головой. Это больше подходит для романа Агаты Кристи, а не для журнала «Ближневосточная археология». Само наличие свитка в гробнице в Тальпиоте вызывало множество вопросов. Интереснейших вопросов. Ведь большая часть археологических находок представляет собой обычные предметы, вроде разбитой кружки или зазубренного наконечника стрелы. Иногда несколько таких простых находок собирают воедино, подобно бусинам из ожерелья, и тогда они вносят свой вклад в мировую копилку знаний о древних цивилизациях и культурах. Но значительно чаще их ценность примерно такая же, как у мелкой монеты, подобранной на тротуаре. А свитки находят не каждый день. Папирус и пергамент быстро ветшают и портятся даже в сухом климате, не говоря о том, что в I–II веках н. э. свитки стали уступать место манускриптам — скрепленным листам, прототипу современной книги. Если имя Каиафы позволило Рэнду предположить, что в его руках значительная археологическая находка, то теперь ставки были еще выше. А то, в каком темпе ему приходилось работать, переходило всякие границы.

— Пап!

Голос Трейси вернул Рэнда к реальности. В лице дочери сквозило нетерпение.

— Женщина-полицейский. Она тебя зовет.

Южный Иерусалим, Тальпиот

— Они закончат с минуты на минуту, — сообщила Мири Шарон.

Трейси осталась в гробнице, продолжая фотографировать оссуарий, свиток и скелет.

— Ладно, — ответил Рэнд, засовывая руки в карманы. — И что потом?

— Именно об этом я и хотела вас спросить.

Рэнд ошеломленно посмотрел на Мири.

— Не понимаю, о чем вы.

— Вы успеете закончить к тому времени, как закончат они?

Вынув руку из кармана, Рэнд провел ладонью по лбу.

— А у меня есть выбор?

Мири поправила карабин на плече, чтобы он висел стволом вниз.

— Я не люблю создавать проблемы, профессор Баллок. Но выбора у меня нет. Приближается Шаббат, и эти люди... они ждут с того самого момента, как вы приехали. С каждой минутой у меня остается все меньше шансов обеспечить безопасность объекта и вашу личную безопасность.

Мири вздохнула.

— Я хочу помочь вам чем только смогу, но вынуждена настаивать, чтобы все человеческие останки, которые вы нашли, были немедленно переданы «Хеврат Кадиша».

Рэнд потер заросшие щетиной щеки и устало посмотрел на нее.

— На столе в пещере разложен скелет мужчины. Последний оссуарий открыт, и его нельзя перемещать — даже прикоснуться к нему. Я не могу переложить кости в оссуарий и отдать их в таком виде, так что если вы предложите им спуститься в гробницу и забрать кости со стола самостоятельно, это будет наилучшее решение.

— Спасибо. — Мири почтительно кивнула. — Я сейчас им это скажу.

Снова засунув руки в карманы, Рэнд развернулся в сторону гробницы.

— Профессор Баллок, — окликнула Мири.

Он обернулся.

— Когда они уедут, я останусь, чтобы помочь вам.

— На самом деле в этом нет необходимости.

Невесело улыбнувшись, она повернулась к «Хеврат Кадиша».

И тут до Рэнда дошло, что когда гробница опустеет и раскопки подойдут к концу, закончится и дежурство старшего сержанта Шарон. Она, наверное, поедет домой, а они с Трейси вернутся в отель «Рамат-Рахель».

Конечно, именно так все и будет.

Именно так.

«А ты думал, как-то по-другому?» — задал он вопрос самому себе.

26 год от Р. Х. Лидда

Возвращение из Кесарии в Иерусалим для Каиафы превратилось в подлинное мучение. Он ничего не говорил, лишь коротко отдавал приказы или о чем-нибудь спрашивал слугу, верного Малха. Временами его начинала бить дрожь. Когда они достигли Лидды, он уже боялся, что грудь разорвется от бешеного биения сердца.

Постоялый двор у пересечения виа Марис, Морской дороги, и дороги в Еммаус казался самым подходящим местом для отдыха на пути между Иоппой и Иерусалимом. Но здесь было множество путников: зловонные караванщики, шумные римские солдаты, чиновники, пронырливые торговцы из Египта и евреи из прибрежных городов — Аполлонии, Иоппы и Ашдода. Одни направлялись в иерусалимский Храм, другие возвращались обратно. А с ними — многочисленные лошади и ослы. А также куры, овцы и козы, которых здесь держали, и тучи мух. Смешение языков: латыни, греческого, египетского и арамейского, а иногда и других. Мешанина из запахов еды, которую готовили сразу на нескольких очагах. От всего этого может стать дурно даже человеку, который прекрасно себя чувствует. А Каиафа чувствовал себя далеко не прекрасно.

Знакомая боль не давала ему покоя с самой аудиенции у префекта. Как обычно, все началось с тупой боли, едва заметной на фоне усталости и беспокойства, оставшихся после всего, что ему пришлось сделать. Или не сделать. Беда казалась почти неминуемой. Когда он и Малх покинули снятое в Аполлонии жилье, на смену беспокойству пришла нескончаемая пульсирующая боль в висках и за правым глазом. Непрерывная тошнота, которая дважды за сегодняшний день заставила сделать остановку в пути.

— Скоро Шаббат, — прошептал Малх, помогая первосвященнику устроиться на кровати под навесом. — Вы сможете как следует отдохнуть.

— Отдохнуть? — пробормотал Каиафа.

Пот стекал по его лицу, каплями повисая на верхней губе.

— Разве я смогу отдохнуть? Тем более здесь.

— Я принесу вам воды из колодца.

— Не оставляй меня, Малх! Я не хочу пить. Остайся, — попросил Каиафа, прижимая пальцами веки.

Но Малх быстро вернулся и принес булькающий бурдюк из козловой кожи. Каиафа открыл глаза — ненадолго, только чтобы увидеть, как Малх намочил в воде платок. Слегка отжав, он накрыл им глаза и лоб первосвященника.

— Вы должны отдохнуть. Путь был очень тяжелый.

— Дорога здесь ни при чем, — ответил Каиафа. — Я боюсь, Малх. За Гамалиила. За мой народ. За страну.

Он громко застонал, будто стоны могли облегчить терзающую его боль.

— Что, если у нас ничего не выйдет? Если я отправил их напрямик в Шеол?
[33] Что мне делать тогда?

Мысль о том, что придется провести Шаббат в этом шумном и зловонном караван-сараяе в каких-то тридцати милях[34] от дома, ужасала Каиафу. Но еще хуже было то, что пройдут дни, а он так и не будет знать, принесла ли его стратегия плоды, на которые он рассчитывал. Оставалось ждать ве-

сточки от Гамалиила и остальных.

Что будет, если Пилат просто тянул время или лицемерил? Что, если он не захочет принять Гамалиила и его посольство? Или толпа откажется последовать за Гамалиилом и бросится на солдат? Что, если...

О чем он думал? И как Гамалиил мог совершить такую глупость — согласиться на его план. Даже после того как Каиафа попытался разубедить его и объяснить, на какой риск он идет? Слишком много «если». Им не следовало так поступать.

Приподнявшись на локтях, Каиафа чувствовал, что не может дышать. Воздух не проникал в легкие. Он умрет здесь, на этом жалком постоялом дворе.

48

Южный Иерусалим, Тальпиот

Картина была поистине сюрреалистическая.

Трейси наблюдала ее сверху, вместе с отцом. Мужчины в черных шляпах сгрудились вокруг складного стола, на котором лежал скелет, извлеченный из последнего оссуария. Двое, самые старшие, стояли рядом с Трейси, у входа в склеп. Видимо, им было не под силу спуститься по лестнице.

Шляпы начали раскачиваться взад-вперед, кто-то запел молитву — слова Трейси не понимала. Остальные время от времени хором произносили: «Амен».

Когда начался обряд, Трейси сделала несколько шагов назад, в сторону Мири, остановившейся неподалеку.

— Вы знаете, что они поют?

— Это называется кадиш. Еврейский похоронный обряд.

— И что это означает? Что они говорят?

Мири на мгновение задумалась. Трейси не поняла, вслушивается она в слова или вспоминает.

— Начинается так: «Да возвысится и освятится Его великое Имя в мире, сотворенном по воле Его; и да установит Он царскую власть свою; и да взрастит Он спасение... при жизни вашей, в дни ваши и при жизни всего дома Израиля, вскорости, в ближайшее время».

— А что они говорят все вместе?

— Есть две части, которые произносят хором. Первая — «Йеэй шмэй раба мэворах леолам улеольмэй ольмая». Это означает «Да будет великое Имя Его благословенно вечно, во веки веков». Вторая намного короче. Просто «Брих У». Означает «Благословен Он».

— Ничего себе, сколько вы знаете, — улыбнулась Трейси.

— Я еврейка. — Мири пожалала плечами.

— А это знают все евреи?

— Не знаю. Если живут в Израиле, может быть. Если в Иерусалиме — наверняка.

Трейси кивнула. Отсюда она не видела людей в гробнице, но прекрасно слышала.

— Долго они там пробудут?

— Думаю, еще минут двадцать.

— А потом уйдут?

— Они заберут кости, которые нашел твой отец, поместят их в кедровые гробы и похоронят на каком-нибудь еврейском кладбище.

— Несмотря на то, что прошло столько лет?

— Почитание умерших очень важно для верующих евреев.

— А что значит «верующие евреи»? — спросила Трейси. — Я думала, еврей — это и есть вероисповедание.

— Для кого-то да. Но это и национальная принадлежность, не всегда религия.

— А вы верующая?

Мири подумала и стала объяснять. Как и большинство евреев, родившихся в Израиле, она не может назвать себя верующей иудейкой. Ее родители, Якоб и Сильвия Шарон, приехали в Израиль, увидев в этом новом государстве пристанище для всех евреев, а не исполнение пророчества, как считают хасиды. На самом деле с возрастом она пришла к выводу, что верующие евреи представляют для государства Израиль опасность не меньшую, чем арабы.

— Современный Израиль балансирует, словно на канате. Государство вынуждено оставаться в положении меж двух огней — ислама и христианства. Я тоже вынуждена балансировать, поскольку я израильтянка, но не скажу, что мне это нравится.

— Значит, вы не религиозны, — заключила Трейси.

Мири печально улыбнулась.

— Я не фанатик религии — любой, будь то иудаизм, ислам или христианство. Но иногда мне хочется думать, что мои верующие друзья действительно что-то нашли в этом — некую связь, отношения, единство... с чем-то, что выше, чем они сами. Или, может быть, с кем-то.

Мири бросила взгляд на вход в гробницу.

— Они заканчивают.

Южный Иерусалим, Тальпиот

Солнце клонилось к закату. «Хеврат Кадиша» выбирались из гробницы и с достоинством, но поторапливаясь, шли к машинам, унося с собой кости «Каиафы». Рэнд позвал Трейси и спустился в гробницу.

— На то, чтобы все упаковать, много времени не уйдет, — сказал он. — Самое сложное — разобрать подмости и подъемник, но когда мы это сделаем, то сможем наконец поесть и поспать по-человечески.

— А куда ты все это уберешь? — спросила Трейси.

Рэнд задумался.

— Не знаю. Подмости можно будет сложить и оставить где-нибудь здесь, но оссуарий и остальные находки бросать нельзя.

Глянув на малогабаритный «фиат», Рэнд подумал, что от него толку не много.

— Полагаю, нам придется взять все это с собой в номер.

— Даже свиток? — спросила Трейси.

— Не знаю, что нам еще остается. — Рэнд пожал плечами. — Особенно если учесть, что с закатом начнется Шаббат.

— А что, это все ценное? Разве ты не должен это кому-нибудь отдать?

Рэнд опять пожал плечами.

— Я единственный археолог на этих раскопках. На мне лежит ответственность за то, чтобы все описать и исследовать. А уж потом израильский Департамент древностей будет решать, что с этим делать. Но сейчас именно я обязан все упаковать и позаботиться о сохранности находок.

— Значит, нам надо просто все упаковать и ехать в отель?

— Ну да.

— Мы сможем поплавать, — обрадовалась Трейси. — Или посмотреть телевизор в номере.

— Конечно.

Рэнд показал, какой оссуарий надо взять, и они понесли его к подъемнику.

— Я смогу загрузить в компьютер твои фотографии и начать составлять каталог из моих заметок. Кроме того, надо будет как можно скорее отправить на экспертизу снимки костей, а потом написать заключение.

Улыбка исчезла с лица Трейси.

— М-да. Это воодушевляет.

Сложив стол, Рэнд поставил его на подъемник рядом с оссуарием.

— Да уж, дел у нас немало.

Ему пришлось три раза съездить в гостиницу на «фиате», но когда на небе зажглись первые звезды, они уже перевезли все оссуарии, другие находки и оборудование, кроме помоста и подъемника. Их нужно было вернуть Игалю Хавнеру в Тель-Мареша, и чем скорее, тем лучше. Рэнд уже отвез в отель Трейси, оставив на последний рейс оссуарий Каиафы со свитком внутри.

— Спасибо вам, — сказал он Мириам Шарон, пожимая ей руку.

— Я сделала все, что было в моих силах, — ответила она, освобождаясь от рукопожатия. — Когда «Хеврат Кадиша» стало известно, что обнаружена гробница... выбор был невелик.

— Понимаю, — сказал Рэнд. — Стыд и позор. С точки зрения археологии, ко-

нечно.

Они стояли, ощущая неловкость ситуации, потом она печально улыбнулась на прощание и направилась к патрульной машине.

— Я не... — начал было Рэнд. — Я не знаю, как с вами можно связаться.

— Зачем вам со мной связываться? — Она уже открывала дверь машины.

— Не знаю, просто подумал, может, что-нибудь понадобится. В связи с раскопками.

— Раскопки закончены.

Ее темно-карие глаза внимательно смотрели на Рэнда.

50

26 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Лежа в полутьме спальни, он услышал какое-то движение снаружи. Кто-то разговаривал. Спорил. Не открывая глаз и не поднимаясь с матраса, он прислушался.

Малх. Протестует, возражает. Другой голос, более спокойный, человека постарше. Может быть, этот голос звучит у него в голове? И другой тоже? Последние два дня он уже ни в чем не уверен. Правда, ему казалось, что с тех пор как он возвратился из Кесарии, прошло больше времени, и верный слуга уложил его в кровать, на мягкие подушки, в его собственном доме. Но бред, начавшийся в Лидде, одолевал его, и он не мог вспомнить, как Малх вез его последние тридцать миль пути, остававшихся до Иерусалима. Нанял помощников? Или взял взаймы повозку? Нет, Каиафа вспомнил, что ехал верхом, по крайней мере часть дороги. Но как же Малху удалось доставить его домой невредимого после Шаббата, когда он метался в бреду на убогом постоялом дворе в Лидде? Каиафа не мог этого даже предположить, не то что вспомнить.

Голоса стали громче, они приближались. Внезапно дверь в комнату открылась, и в проем хлынул свет. Этот проклятый свет, причиняющий столько боли. Прикрыв закрытые глаза руками, Каиафа застонал.

— Закрой дверь! — крикнул он в перерыве между стонами. — Уходи! Кто бы ты ни был, уходи!

Он услышал шорох сзади, а затем тишина и спокойствие снова воцарились в комнате и стало темно. Каиафа прислушался. Дверь закрылась, но кто-то остался внутри.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Пожалуйста, уходи.

Он услышал звук. Еле слышный шепот. Руки, которыми он закрывал глаза, обмякли, и он медленно опустил их на грудь.

Внезапно он все понял и открыл глаза. Рядом с ним стоял на коленях человек. Он протягивал к нему руки и медленно раскачивался вперед-назад. Молился. Каиафа ни за что не расслышал бы слов молитвы, если бы не знал ее наизусть. Он и сам многократно произносил эту молитву.

— Барух атах Хашем, рофех ха-холим. Благословен будь Ты, источник всякого исцеления.

Снова и снова. Кисти таллиса[35] раскачивались в такт молитве.

— Эль на рефа на лах. Прошу, Боже, исцели.

Каиафа приподнялся на локте.

— Гамалиил! — крикнул он. — Гамалиил, это ты?

Человек поднял голову. Это был Гамалиил.

Каиафа распахнул объятия — так больной старик встречал бы любимого внука, лежа в постели. Гамалиил взял его за запястья.

— Ты жив! — только и сказал Каиафа.

Нахлынула волна облегчения. Уронив голову на грудь, Каиафа тихо заплакал.

Когда ему удалось наконец унять слезы, Каиафа собрался с силами и постарался принять вид, достойный первосвященника.

— Прости меня, друг мой. Тяжело мне пришлось. Я ничего не делал — только лежал на кровати и молился. И Хашем услышал мои молитвы, ибо ты здесь! Я так боялся за тебя и за остальных.

Гамалиил положил руку на его плечо.

— Твои молитвы и правда были услышаны.

— Что с остальными? С теми, кто был с тобой?

— С ними все хорошо, — успокоил его Гамалиил.

Каиафа шумно вздохнул и закрыл глаза.

— Значит, префект вас принял?

Он снова поднял веки, чтобы видеть друга.

— Префект тянул время пару дней, — отвечал фарисей. — Но в остальном он исполнил твой план до последней буквы. Штандарты Августовой когорты больше не возвышаются над Святым городом. А ты, друг мой, приобрел дружеское расположение префекта Понтия Пилата.

— Ха! — воскликнул Каиафа, сдержав готовый вырваться горький смех. — Нет, только не дружеское расположение, — поправил он Гамалиила. — Никакой дружбы, в этом мы можем не сомневаться. Терпимость, готовность пойти на сделку — может быть. Будем надеяться, друг мой, будем надеяться!

И тут первосвященник позволил себе расслабиться. Откинувшись на постель, Каиафа разразился нервным смехом, приступы которого одолевали его, становясь все слабее, пока первосвященника не сморил крепкий сон.

«Рамат-Рахель»

Трейси встала под душ, и на лицо упала сплошная завеса из волос и водяных струй. Вода была горячая, может быть, даже слишком горячая, но ей это нравилось. Трейси любила горячий душ и, принимая его, обычно размышляла. Хотя напор воды был не такой сильный, как хотелось бы, но после богатого событиями дня душ все равно был очень кстати.

Трейси с трудом могла осознать, что уехала из Тель-Мареша всего лишь сегодня утром. С тех пор произошло так много событий... но на самом деле все осталось по-прежнему. Она постаралась провести весь день рядом с отцом — в гробнице, с одним перерывом на ланч. Но что толку. Да, они сказали друг другу немало слов. Только вот сделать всю работу в гробнице пришлось очень быстро, а потом еще успеть отдать кости этим странным людям в черном, так что все разговоры были об этом.

О чем он думает? Изменил ли хоть что-нибудь ее приезд? День прошел неплохо, но она до сих пор не уверена, что отец рад ее видеть. Он говорил только о работе, которую надо сделать, а то обстоятельство, что она рядом, не вызывало у него ни малейшего интереса.

Трейси выключила воду и подождала, пока капли воды скатятся по телу. Потом откинула занавеску и потянулась за полотенцем.

«Это была ошибка, — сказала она себе. — Круто, конечно, и даже здорово — в одиночку прилететь из Штатов в Израиль, чтобы повидаться с отцом. И вот ты его нашла. Ты здесь. Ты это сделала. И что? Что, ты думала, случится, когда приедешь сюда? Что он обнимет тебя, поднимет на руки и закружит, чтобы ты почувствовала себя маленькой девочкой? Или все бросит ради того, чтобы провести время с тобой? Обратит на тебя внимание? Попытается тебя понять?»

Высушив волосы, Трейси завернулась в полотенце. Вода по-прежнему капала с тела. Заглянув в комнату, она увидела, что отец все еще не вернулся из последней поездки к гробнице, поэтому вышла из ванной и босиком пошла к чемоданам. Быстро оделась, натянув джинсы и футболку. Отца все не было. Трейси потянулась за пультом, включила телевизор и устроилась на краешке кровати, заложив нога за ногу.

Телевизор включился на канале, по которому шли новости на английском. Следующим был новостной канал, как она поняла, на иврите. Дальше — канал документальных фильмов. На следующем канале шел старый черно-белый фильм с субтитрами на еврейском.

«Похоже на мыльную оперу, а актеры говорят на испанском», — удивилась Трейси.

На следующем канале была реклама, потом начался полицейский сериал, действие происходило в Нью-Йорке. И все. Снова канал, который она нашла первым. Оказалось, «Си-эн-эн интернешнл».

Выключив телевизор, Трейси посмотрела вокруг. Достала из кармана джинсов мобильник.захотелось позвонить Рошель — Трейси вдруг поняла, что соскучилась по друзьям.

«Наверное, это будет слишком дорого».

И она не стала звонить.

Засунув мобильник в карман, вернулась в ванную, затянула волосы в хвост, взяла ключ от номера и вышла в коридор. Подойдя к лифтам, увидела, что кнопка вызова уже светится, и решила подождать.

Глядя на индикатор этажей, Трейси поняла, что лифт едет к ней, но при этом останавливается на каждом этаже. Когда двери открылись, она вошла в кабину, автоматически ткнула кнопку первого этажа... но та уже горела! И все остальные — тоже.

«Противная мелюзга», — подумала она со стоном.

Лифт привез Трейси на первый этаж, она вышла и свернула в сторону главного вестибюля. Были слышны голоса, в основном мужские. По мере приближения к вестибюлю они становились громче. Трейси поняла, откуда это: из большого обеденного зала, мимо которого она сегодня проходила уже несколько раз. Но теперь решила зайти.

То, что Трейси увидела, заставило ее вытаращить глаза. Помещение заполнили люди, сидевшие за длинными столами плечом к плечу. Мужчины в черных костюмах, женщины в платьях. Между столами ходили и бегали туда-сюда дети, одетые так, словно их собирались вести в церковь. Большинство взрослых, по крайней мере почти все мужчины, пели. Громко и с воодушевлением. Некоторые запрокидывали головы и так истоиво разевали рты, что под потолком отзывалось эхо. Другие стучали в такт напеву по столу — кулаком или кружкой. В углу трое мужчин водили хоровод, взявшись за плечи.

*Хиней ма тов ума най ым, хиней тов ума най ым,
Шевет ахим гам яхад, шевет ахим гам яхад,
Хиней ма тов ума най ым, хиней тов ума най ым,
Хиней ма то, хиней ма тов, лай-лай-лай, лай-лай-лай.[36]*

Они все пели и пели, то громче, то тише. Время от времени кто-нибудь вставал и подходил к ребенку, увещевая его, если тот вел себя слишком буйно. Кто-то просто стоял и слушал. Когда пение закончилось, все начали громко разговаривать, пока человек, сидевший во главе стола, не стукнул кружкой. Почти все умолкли и посмотрели в его сторону. Он что-то скороговоркой произнес на иврите. Кто-то снова запел, и все подхватили.

Трейси будто приросла к полу, стоя поодаль и наблюдая. Краем глаза она увидела, как от толпы отделился человек, одетый в черный костюм и белую рубашку. Трейси повернулась в его сторону. Это был молодой парень, похоже ее ровесник. А может быть, и нет. Борода делала его старше, но она была редкая, поэтому он мог казаться и моложе своих лет.

Молодой человек подошел прямо к ней.

— Ты американка? — спросил он с сильным акцентом, но Трейси без труда поняла его.

Она посмотрела на свою одежду, раздумывая, почему он решил, что она из Америки, но вспомнила, что после душа надела плотную футболку без рисунка.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу, — улыбнулся юноша.

«А он симпатичный», — подумала Трейси и посмотрела в зал.

— Что тут происходит?

— В смысле?

— Что они делают?

Юноша перестал улыбаться.

— А, так ты не еврейка!

— Нет, а что?

— Это Шаббат. Суббота, — ответил юноша, как ей показалось, разочарованно.

— Это что-то вроде церковной службы?..

— Нет, это трапеза, — ответил юноша, но его лицо застыло, словно маска.

В зале покончили с ужином, но никто никуда не спешил. Маленький мальчик побежал в сторону Трейси. Обернулся, чтобы поддразнить трех догонявших его приятелей, и врезался в ее ноги. Трейси едва успела подхватить его, чтобы не дать упасть. Мальчик посмотрел на нее и молча убежал. Трейси обернулась к молодому человеку, но тот уже куда-то ушел. Оглянувшись, она увидела, что он вернулся на свое место.

Пение снова прервалось, и заговорил человек с длинной седой бородой. Трейси не понимала ни слова, но было очень интересно, о чем идет речь. Хотелось побольше узнать об этих людях. Непонятно, зачем ей это, почему она не может просто уйти. Она вдруг почувствовала... но что же? Трейси не могла выразить словами. Но что-то напомнило ей тот день, когда хоронили маму. Трейси проснулась утром и вместо того, чтобы думать о том, что мамы больше нет, попыталась вспомнить, как это — когда мама рядом.

Наконец Трейси повернулась, чтобы уйти. Медленно побрела к лифту и снова услышала хоровое пение. Один из лифтов стоял на этаже, двери были открыты. Она вошла, хотела нажать на кнопку своего этажа, но, как и в прошлый раз, все кнопки горели.

Прислонившись к стенке кабины, Трейси приготовилась к тому, что подниматься придется долго.

Южный Иерусалим, Тальпиот
— Подождите! — попросил Рэнд.

И поспешил к открытой дверце патрульной машины. Мири уже сидела за рулем.

Рэнд не был уверен, что поступает правильно, но чувствовал: надо что-то делать. Он хотел задержать ее отъезд, по крайней мере. Нет, он хотел, чтобы она не уезжала.

— Что, если, — осторожно начал Рэнд, — мне понадобится ваша помощь?

— А какой помощи вы можете от меня ожидать?

— Любой, — ответил он, сбитый с толку ее вопросом.

Впрочем, Рэнд задумался, и ответ пришел в голову сам собой.

— Я не знаю Иерусалима. Мне может понадобится помощь, чтобы добраться куда-нибудь.

— Для этого есть карты.

— Я не знаю, где находится Музей Израиля. Мне надо провести там кое-какие исследования.

— Он на улице Авраама Гранота, рядом с бульваром Руппина. В Гиват-Раме, недалеко от Еврейского университета.

— Отлично. — Рэнд понял, что надо искать другую причину. — А если мне вдруг захочется пойти куда-нибудь, пропустить по стаканчику?

— Уверена, администраторы «Рамат-Рахель» пойдут вам навстречу и что-нибудь придумают.

Рэнд провел ладонью по волосам и потер шею.

— Вы нарочно так говорите? Зачем?

— Вы в Израиле, профессор Баллок, — ответила она. — Просто здесь не бывает.

«Рамат-Рахель»

«Все вверх дном», — подумал Рэнд.

Номер отеля был заставлен оссуариями, бумажными мешками с археологическими находками, оборудовани­ем с раскопок и чемоданами. К тому же одежда и полотенце Трейси валялись где попало: она не сочла нужным убрать за собой.

Когда Рэнд вернулся в отель вчера вечером, загрузив оссуарий Каиафы в «фиат» и неловко попрощавшись с Мири Шарон, Трейси лежала на кровати, свернувшись калачиком, без света. Он думал, не разбудить ли ее и принести что-нибудь поесть, но не стал. Вместо этого он в одиночестве поужинал в кафе в вестибюле отеля (не в обеденном зале — там было полно народа). Потом вернулся в номер, прихватив два ореховых пирожных в салфетке — на случай, если Трейси проснется, и решил немного поработать, прежде чем лечь спать.

Утром Трейси все так же спала на соседней кровати. Он позавтракал, вернулся в номер, но она и не думала просыпаться. Рэнд решил поработать.

Небольшой рабочий стол в номере был занят оссуарием Каиафы со свитком внутри, поэтому письменным столом служил другой, круглый. Рядом с ним стояли два мягких стула. Составляя план работ, Рэнд разговаривал сам с собой.

— Прежде всего надо навести хоть какой-то порядок в этом хаосе и составить каталог всего, что я извлек из гробницы. Оссуарии надо пронумеровать в порядке обнаружения. Значит, оссуарий Мириам получит номер пять, а оссуарий Каиафы — номер шесть. Затем надо будет заняться первичным исследованием находок, и в первую очередь оссуариев. Хотя тут ждать каких-то неожиданностей не приходится, все равно нужно тщательно осмотреть каждый на предмет надписей и каких-то особенностей, а затем составить краткие описания. Потом можно отвезти их в лабораторию для анализа изотопов кислорода, чтобы примерно определить время нанесения надписей и уточнить время изготовления оссуариев. К тому же это позволит узнать, была ли Мириам берат Шимон похоронена раньше Иосифа бар Каиафы или позже.

Рэнд задумался.

— Затем надо будет провести полный остеопатический анализ скелетов по фотографиям, которые сделала Трейси. Можно попытаться послать их Наде по электронной почте и попросить ее посмотреть. Это главное. Если Надя согласится поработать над снимками, я смогу делать все остальное.

«Оссуарии придется отвезти в Музей Израиля завтра, — решил Рэнд. — В Израиле все работают с воскресенья по четверг, а некоторые и в пятницу с утра. Уик-энд выпадает на пятницу и субботу, поскольку пятница праздничный день для арабов, а суббота — для иудеев. Исключение — больницы и предприятия, которые должны работать непрерывно».

Рэнд снова стал говорить вслух.

— Самое главное, конечно, это выявить аутентичность надписи на оссуарии Каиафы, а также сохранить в целости и исследовать свиток. С последним придется обратиться к экспертам израильского Центра консервации и реставрации при Музее Израиля.

«Если все пойдет по плану и надпись окажется подлинной, если эта гробни-

ца и правда принадлежала роду первосвященника, который участвовал в суде над Иисусом, тем более если свиток окажется более важным, чем что-то наподобие списка покупок или квитанции из химчистки двухтысячелетней давности, тогда можно печатать статьи в научных журналах, давать интервью, читать лекции и даже писать книгу. А может быть, и не одну. Конечно, это не Свитки Мертвого моря, но любой археолог сделает карьеру на такой находке, как гробница первосвященника, отправившего Иисуса на крест. Примерно так заработали авторитет всемирно известные ученые, такие как Эшер Гольдман и Игаль Хавнер. Кстати, надо вернуть Игалю его оборудование».

Рэнд взял мобильник и набрал номер Хавнера.

~ ~ ~

*Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.
Послание к евреям, 11:1*

54

Западный Иерусалим, Гиват-Рам

В декабре 1949 года, вскоре после Войны за независимость Израиля, которая закончилась соглашением о перемирии между вновь образованным государством и его соседями — арабскими странами, был составлен план строительства комплекса правительственных учреждений в Иерусалиме. Местом для его возведения был выбран холм Шейх-Бадр, который израильтяне переименовали в Гиват-Рам. Музей Израиля, о строительстве которого они мечтали с первых лет существования государства Израиль, был основан в 1965 году, и включал в себя Храм Книги, созданный для хранения, Свитков Мертвого моря, объемную модель Иерусалима времен Иисуса, музей искусств, археологическую коллекцию Бронфмана, а также современную библиотеку и научно-исследовательский центр.

Главной задачей Рэнда было доставить свиток в Центр консервации и реставрации Музея Израиля. Зная, насколько хрупкими бывают подобные находки, он оставил свиток там, где нашел его, — в углу оссуария Каиафы.

«Оссуарий Мириам пусть пока побудет в машине», — подумал Рэнд и понес оссуарий Каиафы со свитком внутри на территорию музейного комплекса.

Когда он отдаст кому-нибудь свиток для консервации и исследования, можно будет по одному отнести оссуарий к археологам, и тогда надо надеяться, что какой-нибудь сотрудник исследовательского отдела согласится провести анализ изотопов кислорода.

Ориентируясь по схемам и указателям, Рэнд нашел дорогу к лаборатории консервации. Симпатичная женщина-секретарь в светло-зеленой блузке заметила его еще издали. Когда он приблизился, она вынула из ушей наушники MP3-плеера.

— Шалом, — поздоровался Рэнд, пристроив оссуарий на краешек стола.

— Мы не покупаем антиквариат, — ответила она безапелляционным тоном.

— Мне нужен начальник лаборатории по работе с документами, — сказал Рэнд. — У меня свиток из случайно обнаруженного захоронения.

Женщина посмотрела на него внимательно, сняла трубку и что-то быстро сказала по-еврейски.

— Его нет на месте.

— Можно узнать его имя?

— Джордж Мур, — как будто что-то прикинув в уме, ответила женщина.

— Есть ли еще кто-нибудь, с кем я могу поговорить? У меня документ, его надо обработать, чтобы он не испортился, перевести, сделать необходимые анализы.

Женщина подумала и снова стала говорить по телефону. После короткой, но оживленной беседы она положила трубку и вышла из-за стола.

— Пойдемте.

Рэнд последовал за ней по коридорам. Они остановились перед дверью с надписью: «Лаборатория консервации документов».

— Это здесь. — Женщина развернулась и пошла к себе.

Рэнд видел, как она вернула наушники на место.

За дверью он увидел трех человек, мужчину и двух женщин в лабораторных халатах, все моложе тридцати. Они склонились над столом, но как только он вошел, подняли головы.

Рэнд осторожно поставил оссуарий на стол.

— У меня тут свиток, который надо законсервировать и исследовать, — сказал он.

Все посмотрели на оссуарий.

— Насколько древний? — спросил мужчина.

— Возможно, две тысячи лет.

— Откуда? — спросила женщина.

— Я только что, в пятницу, закончил раскопки случайно обнаруженной гробницы в Тальпите. Вероятно, периода Второго Храма, — ответил Рэнд.

— Кто вы? — поинтересовалась вторая лаборантка.

— Профессор Рэндал Баллок. Я работал в Тель-Мареша с Игалем Хавнером.

Лаборанты переглянулись.

— Надо позвонить профессору Елону, — решила женщина.

55[37]

28 год от Р. Х.

Близ Вифавара, восточный берег реки Иордан

Размеры толпы поразили Каиафу. Она заполнила оба берега реки Иордан. Пришедший сюда с небольшим эскортом, Каиафа видел, как люди сотнями стекают отовсюду — из Иерихона, Гилгала, Вифании и Есевона.

Каиафа прибыл из Иерусалима в сопровождении Малха, Александра, казначея Храма, и Елеазара. Они хотели своими глазами увидеть человека, имя которого было у всех на слуху. Иоханан Погружающий. Иоанн Креститель.[38] Он появился совсем недавно, словно ниоткуда, и начал проповедовать здесь, в глуши, на берегах Иордана, убеждая людей отринуть грехи и обратиться к добродетели. Такую проповедь Каиафа мог только приветствовать.

— Может ли он оказаться пророком? — спросил Каиафа Елеазара, который уже видел этого человека.

Они возлежали перед низким столом, под навесом, на переполненном постоялом дворе в Иерихоне.

Елеазар задумался.

— Некоторые считают и так, — сказал он негромко.

Вокруг было немало народа, а первосвященник не хотел, чтобы о его приезде стало известно.

— Вид у него вполне соответствующий. Одевание из верблюжьей шерсти и кожаный пояс...

— Как Илия Пророк, — сказал Каиафа, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом.

— И очень умно выбрано место для проповеди — Вифавар, — добавил Елеазар.

— Переправа, — согласился Каиафа. — Здесь Иисус Навин перевел евреев че-

рез Иордан. Здесь перешли его Илия и Елисей.

— И здесь Илия вознесся в вихре, — добавил Елеазар.

— И он призывает людей к тишуву,[39] — сказал Каиафа.

— Я слышал, — вступил в разговор Александр, — он говорит сборщикам податей, чтобы они продолжали собирать налоги для Рима.

— Но чтобы делали это по совести, — прибавил Елеазар.

Александр посмотрел на него гневно.

— А еще он говорит солдатам не отнимать деньги силой и не обвинять ложно!

— Неплохо для начала, — подытожил Каиафа.

— Но только для начала! — возразил Александр. — Если он и правда пророк, почему он не осуждает и сборщиков податей, и солдат?

— Он говорит: «Уже и секира при корне дерев лежит», — возразил Елеазар.

Каиафа поправил матерчатый пояс. За девять лет на посту первосвященника он отяжелел, и путешествие в Иерихон по каменистой дороге утомило его.

— Вы думаете, он хочет сказать...

— Грядет Мессия, — сказал Елеазар. — Перемены, которых мы так долго ждали, не за горами. Скоро будет восстановлена добродетель.

— Мессия — это он сам? — разделяя слова, спросил Каиафа.

— Нет! — воскликнул Александр. — Этого не может быть! Господь ведаёт, что его миква[40] — Иордан! Он что, и храм здесь построит?

— Он проповедует против Рима? — не обратив никакого внимания на возмущение Александра, спросил Каиафа.

— Нет. По крайней мере, пока. — Елеазар покачал головой.

Каиафа удовлетворенно кивнул.

— Те, кого он погружает в воду, становятся его последователями?

Елеазар задумался.

— Некоторые из них. Но большинство расходятся по домам.

— Он даёт им какие-нибудь наставления?

— Не знаю...

Каиафа думал об этом всю ночь и всю дорогу к берегам Иордана, пересекающей Иудейскую пустыню узкой полоски воды, окаймленной пышной растительностью. До сих пор во всем, что он услышал, не было ничего, чего стоило бы опасаться. Высказывания Александра о солдатах и сборщиках податей верны, но с выводами торопиться не стоит. Он должен увидеть этого человека. И тогда сможет сам судить обо всем. И случится это совсем скоро.

Каиафа искренне надеялся, что этот человек прав и что топор и правда уже занесен над корнями дерева.

«Рамат-Рахель»

Трейси проснулась и вспомнила вечер позавчерашнего дня. Обеденный зал, в котором было столько мужчин, женщин и детей. Эти люди всех возрастов ели, пили, пели и разговаривали. Маленькие девочки и мальчики бегали по всему залу. Плакали младенцы, других кормили или укачивали. С удивлением она поняла, что это больше всего похоже на сбор всей семьи, хотя и не такой, как те, на которых ей приходилось бывать. Сюда, казалось, все пришли по собственному желанию. И тут она поняла. Это и была семья. Не такая семья, какие она уже видела, а семья во всех смыслах этого слова.

Перевернувшись на спину, Трейси поспешила натянуть одеяло на голову. Слишком много света. Утро. Отец ушел. Вчера она так долго спала... да и что еще делать в субботу в иерусалимском отеле? Разница во времени в семь часов тоже давала о себе знать — то головной болью, то ознобом. Когда они выбрались наконец из гробницы, Трейси поняла, что страшно устала, и чем сильнее чувствовала усталость, тем больше обижалась на отца, что он этого не замечает. Он провел весь день, пересчитывая, помечая и описывая все эти штуковины. Время от времени спрашивал, не нужно ли ей что-нибудь, но не могла же она ответить: «Да, немножечко твоего внимания не помешало бы» или «Да, я хочу, чтобы ты прервался и хотя бы сделал вид, что тебе есть до меня дело».

Трейси вспомнила, как сквозь сон слышала его шаги. Этим утром, пока она спала, он раз или два выходил из номера. Она рывком села в постели. А какой сегодня день? Потерев лицо, стала соображать. Вчера был Шаббат, суббота. Значит, сегодня воскресенье.

Сбросив одеяло, Трейси огляделась. Вот он, на прикроватном столике. Радиоприемник с электронными часами, на нем 9.40.

Еще плохо соображая, Трейси стала вспоминать вчерашние события. Нет, это было позавчера. А это вчера. Точно, вчера. Я лежала в постели, а папа звонил Игалю Хавнеру, в Тель-Мареша.

Тогда она не обратила на это внимания, ей только хотелось, чтобы отец перестал наконец разговаривать по телефону и дал ей еще поспать, но потом она услышала имя Карлоса и прислушалась. Отец что-то сказал по поводу того, что встретится с ним. В десять утра в воскресенье, на месте раскопок.

То есть через двадцать минут Карлос должен подъехать к гробнице. А может быть, он уже там. И если она не поспежит, Карлос погрузит оборудование и уедет.

Выпрыгнув из постели, Трейси помчалась в ванную.

Западный Иерусалим, Гиват-Рам

Профессор Елон, директор Центра консервации и реставрации Музея Израиля, рассматривал завернутый в кожу свиток, который лежал в обнаруженном Рэндом оссуарии.

Он заговорил по-английски с таким странным акцентом, что Рэнд с трудом улавливал смысл.

— Вообще-то это не совсем то, чем мы тут занимаемся...

— То есть?

Жак Елон поскреб темную бородку и склонил голову набок, не сводя глаз со свитка.

— Обычно мы не беремся за лабораторные исследования предметов не из коллекции нашего музея.

— Да, но вы же делали исследования для Игаля Хавнера, так что я подумал...

— Профессор Хавнер — член совета музея, поэтому для него мы сделали исключение.

— Понятно.

Повисла неловкая пауза.

— Это было найдено в Иерусалиме? — возобновил разговор Елон.

— В Тальпите. Строители случайно вскрыли гробницу.

— Кажется, я знаю, о чем вы говорите. — Елон наклонился над свитком. — Когда вы его нашли, он лежал именно так?

Рэнд понял, что профессор, безусловно, заинтригован.

— Да, — ответил он и пошел ва-банк. Подхватил оссуарий обеими руками и потянул со стола. — Извините, что отнял у вас время. Вы не порекомендуете мне лабораторию, в которой возьмутся за исследование свитка?

Елон поднял на него глаза. В них было нечто, похожее на ужас. Как будто его вот-вот хватит удар.

— Думаю, мы сможем вам помочь, — поспешил он успокоить Рэнда. — Не волнуйтесь, мы все сделаем.

— Но, я так понял, вы этим не занимаетесь...

— Так и есть. — Профессор словно обдумывал свой ответ. — Но иногда мы делаем исключение. Думаю, так мы поступим и в вашем случае.

— Мне неловко отрывать вас от работы. — Рэнд увлекся своей ролью. — Но у меня не слишком много времени, а у вас, я уверен, и так работы по горло...

— Да, но ведь свитки находят не каждый день!

Оссуарий легче не становился, но Рэнд не спешил снова поставить его на стол.

— Да, конечно, не каждый. Свитки находят редко, тем более в иудейских гробницах. Да еще внутри оссуария. Думаю, это случается очень редко.

Елон только кивал.

— Я тоже так считаю. Но мы же с вами ученые! А то, что является большой редкостью, нужно исследовать чрезвычайно внимательно.

— Да, безусловно...

— У нас хорошие сотрудники, лучшие в Израиле, может быть, даже одни из лучших в мире.

— Значит, вы согласны исследовать свиток?

Елон подхватил оссуарий через стол, и они вернули драгоценную находку на прежнее место.

— Мы позаботимся о нем, — сказал профессор.

И Рэнд выпустил оссуарий из рук.

— Наверное, мне нужно заполнить какие-то бумаги.

— Да-да, я вам сейчас все дам. А потом мы займемся консервацией свитка.

— У меня есть еще оссуарий, — сказал Рэнд. — На некоторых надписи, как на этом. Как вы думаете, можно будет сделать анализ изотопов кислорода?

— Да, конечно!

— Куда мне принести оссуарий?

— Да прямо сюда. Я возглавляю все лаборатории — консервационную, реставрационную и исследовательскую.

— Значит, вы сможете провести полное исследование?

— Да-да, не беспокойтесь. Сейчас я схожу в свой кабинет и принесу нужные бланки, хорошо?

И Елон устремился к двери.

— Я скоро вернусь.

Рэнд вздохнул с облегчением. Хоть что-то у него получилось. Посмотрел на часы. Уже 10.00. Он опоздал.

58

28 год от Р. Х.

Вифавар, восточный берег реки Иордан

Голос Погружающего звучал раскатисто, подобно грому. Каиафа и его спутники осторожно ступали по каменистой почве, пробираясь сквозь кустарник, которым заросли речные берега. Каиафа смог разобрать слова проповедника еще до того, как увидел его.

— Слушай, Израиль! Услышь глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие; ибо уста Господни изрекли это.

Сердце первосвященника дрогнуло. Погружающий цитировал великое пророчество Исайи. Громогласный голос эхом отзывался в груди Каиафы, и первосвященник понял, что сам говорит вполголоса, словно обращаясь к Иоханану: «Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим! возвысь, не бойся; скажи городам Иудиным: вот Бог ваш!»

И в самом деле, когда первосвященник сквозь плотное кольцо внимающих Иоханану увидел на мелководье его самого, Иоханан посмотрел на него, как если бы Каиафа говорил в полный голос. По спине у него побежали мурашки, и Каиафа невольно отступил назад. Он, Кохен ха-Гадоль!

— Елеазар, — позвал он после недолгого раздумья, — Александр, идемте.

Они начали пробиваться сквозь толпу, Малх старался не отстать. Наконец они подошли совсем близко. Это был западный, противоположный от Вифавара, берег Иордана.

Погружающий стоял по пояс в воде, на обнаженной груди курчавилась гу-

стая поросль. Невысокого роста, он казался высеченным из гранита — мощный и незыблемый, как скала. Продолжая говорить, он обращался то к восточному берегу, то к западному.

— Вот, Господь Бог грядет с силою, и мышца Его с властью. Вот, награда его с Ним и воздаяние Его пред лицом Его. Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей и водить дойных. Как же говоришь ты, Иаков, и высказываешь, Израиль, что «путь мой сокрыт от Господа, и дело мое забыто у Бога моего?» Нет, говорю вам! Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное. Сотворите же достойный плод покаяния. И не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Но делами своими покажите, что дети вы Авраамовы. Ибо уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Пусть же все раскаявшиеся в грехах и отринувшие их придут и примут крещение мое.

Погружающий закончил говорить, и люди ринулись к нему. Он говорил с каждым, иногда оборачиваясь и обращаясь к толпе. Затем возлагал руку на голову подошедшего и медленно погружал его в воду, словно заставляя сходить по ступеням миквы для ритуального омовения, которое принимал всякий иудей, прежде чем совершить жертвоприношение в Храме.

Каиафа смотрел на Иоханана, словно зачарованный. На своем веку он видел немало честолюбивых людей, да и боговдохновенных тоже. Но этот Погружающий отличался от всех. Он здоровался с каждым, кто пришел к нему, как отец с сыном, и тем не менее вид у него был отстраненный. Толпа, казалось, готова была на него молиться, но он не обращал внимания на то, что люди ловят каждое его слово.

Каиафа сделал знак Елеазару и Александру приблизиться — так, чтобы можно было говорить тихо, не привлекая внимания. Те послушно склонили головы и подошли ближе к берегу. Елеазар обратился к Погружающему.

— Кто ты? — крикнул саддукей. — Откуда ты пришел?

— Тот ли ты, о ком пророчествовали? — спросил Александр.

— Я крещу вас в воде в покаяние, — громогласно заговорил Иоханан, словно обращаясь к толпе, — но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым.

— Ты ха-Машиах? — не сдержавшись, прокричал Каиафа.

— Говорю тебе, я не Христос, — твердо отвечал Погружающий.

— Тогда кто ты? — спросил Елеазар. — Илиа?

— Я не он.

— Ты пророк? — спросили с противоположного берега.

— Нет.

— Тогда кто ты? Дай ответ, чтобы мы передали его приславшим нас. Как ты назовешь себя?

— Говорил уже вам, я глас вопиющего в пустыне: «Приготовьте путь Господу».

Человек с противоположного берега снова заговорил, и, прежде чем увидеть его, Каиафа узнал голос. Никодим, член Синедриона и друг Гамалиила, стоял среди других фарисеев.

— Как же ты крестишь людей, если ты не Христос, не Илия и не пророк? — вопрошал Никодим.

— Я крещу в воде; но стоишь среди вас Некто, Которого вы не знаете. — Иоханан обвел рукой толпу на берегах. — Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви его.

— Говорю тебе, — зашептал на ухо Каиафе Александр, — мы пришли сюда напрасно.

Каиафа с трудом оторвал взгляд от Иоханана и повернул наконец к дороге на Иерихон. Больше всего ему хотелось остаться одному и помолиться. Но предстоял неблизкий путь обратно в Иерусалим, и Каиафа был убежден, что узнал достаточно.

— Я пока ни в чем не уверен, Александр, — отвечал он, — но одно знаю точно: мы пришли сюда не напрасно.

59

Южный Иерусалим, Тальпиот

Трейси поспешно умылась и причесалась, слегка подкрасилась, заколола волосы на затылке и засунула в карманы джинсовых шорт ключ от номера и мобильник. Еще до того, как приемник подал звуковой сигнал в 10.00, она отправилась к месту раскопок.

Пока Трейси спускалась с холма, на котором стоял «Рамат-Рахель», и шла вдоль дороги, заболели ноги. Она свернула к стройке и пошла, осторожно ступая, по пыльному тротуару. Сейчас она могла гораздо лучше рассмотреть местность, чем из машины, когда за рулем сидел отец или Карлос. Знакомые вывески поражали воображение. «Мазда», «РЕ/МАКС Риелторз», «Пицца Хат»... и даже кошерный «Макдоналдс»! Все надписи — на трех языках: иврите, арабском и английском. Улицы уже, чем дома, а дома стоят вплотную друг к другу.

Трейси дошла до гробницы. На стройке кипела работа, был слышен гудок большегрузного самосвала, дающего задний ход, — казалось, он где-то рядом. В воздухе висела пыль. Желтые ленты вокруг гробницы исчезли, но дыра в земле осталась, ее лишь кое-как замаскировали неструктурными досками.

«Интересно, — подумала Трейси, — гробницу засыплют или просто сделают лишнее перекрытие?»

Двое рабочих забыли о работе и стали глазеть на нее. Один вытер лоб тряпкой, присвистнул и что-то крикнул — Трейси показалось, что он обращается к ней.

И вдруг она подумала, что шорты у нее слишком короткие, футболка слишком облегает грудь, а вырез чересчур откровенный. Трейси отвернулась, демонстративно не обращая на рабочих никакого внимания, и увидела место, где отец оставил оборудование. Теперь там ничего не было. Ни помоста, ни подъемника, ни генератора — ничего. Трейси поглядела по сторонам, но оборудования так и не увидела. Может быть, она плохо запомнила место?

Нет, это было именно то место. Метрах в трех от входа в гробницу. А теперь оборудования нет. И означать это может только одно.

Она достала мобильник. Если не считать случая, когда отец попросил отправить Игалю Хавнеру фотографии находок, она нечасто им пользовалась, так как звонки и сообщения стоили дорого, но все равно держала телефон при себе. Это была привычка, кроме того, мобильник заменял часы. Сейчас было

10.14. Значит, Карлос уже побывал здесь. Конечно, он наверняка тут уже был. Погрузил оборудование и... уехал.

Она потеряла его.

60

Южный Иерусалим, Тальпиот
Трейси растерялась.

Посмотрела на дорогу, которая поднималась по холму в сторону отеля «Рамат-Рахель», и заплакала. Так же горько она плакала, когда улетала из Чикаго. Некуда податься... только к отцу. Нечего ждать... кроме очередного отказа. Нечего делать... только страдать от одиночества.

«Можно было не уезжать из Чикаго — все равно ничего не изменилось», — подумала она, разглядывая придорожную пыль.

Рядом кто-то закричал. Подняв глаза, Трейси увидела рабочего, того самого, который присвистнул ей вслед. Он шел прямо к ней. Крепкий, на руках и груди играют мускулы. Бритая голова блестит на солнце. Такой может голыми руками разорвать на части. Или что похуже.

Сердце заколотилось. Другие рабочие, которые до этого с интересом на нее поглядывали, теперь сделали вид, что ничего не замечают. Вряд ли кто-то вступится за нее в случае чего. Если направиться в отель, то придется идти навстречу этому человеку, который явно ее преследует. И Трейси пошла в другую сторону, прочь от него и от «Рамат-Рахель».

Рабочего это не смутило. Он прибавил шаг, и то же самое сделала Трейси. Посмотрела вперед. Бежать некуда. Дома по обеим сторонам улицы. Может, забежать в какой-нибудь магазин? Там ее защитят. А может быть, она окажется в ловушке.

Рабочий снова что-то крикнул, более настойчиво, видимо убеждая ее остановиться, но Трейси понимала, что если он приблизится, деваться будет некуда. Она пошла еще быстрее, почти побежала.

И вдруг прямо перед ней остановилась большая машина, взвизгнули тормоза, из-под колес полетели песок и щебенка. Все произошло так быстро и так близко, что Трейси закричала, закрывшись руками.

— Трейси!

Она опустила руки.

— Трейси, стой!

Знакомый голос. И ее назвали по имени. Трейси обернулась. Рабочий был совсем рядом, она оказалась между ним и машиной.

И тут Трейси увидела знакомое лицо, хоть и не сразу поняла, кто это. Карлос! Он вышел из «лендровеера» и направился к ней, широко улыбаясь.

— Это ты! Что ты здесь делаешь?

Вскрикнув от облегчения, она бросилась Карлосу на шею.

— Что ты здесь делаешь? — повторил он.

Трейси пробормотала что-то и увидела, что строитель стоит рядом. Она снова вскрикнула и попыталась укрыться за спиной Карлоса.

— Что происходит?

Он ничего не понимал.

Трейси не знала, к кому он обращается — к ней или к человеку, который хотел напасть на нее. Единственная надежда — Карлос сможет ее защитить.

Но строитель выше и сильнее.

Рабочий заговорил, и Карлос что-то ответил на иврите. Трейси слушала их разговор из-за плеча Карлоса. Похоже, беседа была дружеская. Посмотрев Карлосу в лицо, Трейси увидела, что он улыбается.

Карлос сказал еще несколько слов, кивнул и повернулся к ней, а рабочий пошел на стройку.

— Что это значит? — спросила Трейси, не сходя с места. — Как тебе это удалось?

— Что? — удивился Карлос.

— Этот человек гнался за мной.

Трейси наконец осмелилась выйти из укрытия.

— Он хотел напасть на меня!

— Напасть? Почему ты так решила?

— Я все видела! Он свистел в мою сторону, потом кричал, а потом пошел за мной...

— Трейси, он вовсе не собирался нападать на тебя, — рассмеялся Карлос.

— Не собирался?

— Нет! Он запомнил, что ты была на раскопках. И хотел сказать, что рабочие перенесли оборудование в другое место.

Трейси часто заморгала.

— Он сказал, что звал тебя, но ты побежала, и он не мог тебя догнать... тут-то я и приехал.

— О!

Больше Трейси сказать было нечего.

— Почему ты подумала, что он хочет на тебя напасть? — улыбаясь во весь рот, спросил Карлос.

Это ее немного раздражало.

— Не смешно!

И Трейси покраснела.

— Конечно, не смешно, — с готовностью согласился Карлос, но по его лицу было видно, что он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

28 год от Р. Х.
Иерусалим, Верхний город

Каиафа сидел на невысокой стене, которая шла по краю крыши. Сегодня особенно жарко, и только на крыше можно укрыться от жары и посмотреть с высоты на город и Храм. Каиафа всегда с удовольствием любовался этими видами, особенно когда солнце неторопливо клонилось к западу, освещая Храмовую гору, а луна вот-вот должна была показаться на небе. Это зрелище всегда заставляло трепетать его душу. Оторвавшись наконец от созерцания пейзажа, Каиафа обратился к собеседнику.

— Так ты говоришь, это произошло на следующий день после того, как там побывал я?

— На следующее утро, — уточнил Никодим, тот самый фарисей, что задавал вопросы Погружающему на реке Иордан. — Втайне, в глубине своих сердец, люди продолжали надеяться, что этот Иоханан и есть Мессия. Его слова настолько убедительны, так почему бы ему не быть Им?

— Он воодушевил многих, — согласился Каиафа.

Первосвященник отнюдь не был уверен в Никодиме. Гамалшил о нем высокого мнения, но для Каиафы его слова выглядели... как слова человека слишком доверчивого. Или он слушал невнимательно.

— Да, именно в это утро, когда Иоханан проповедовал, в воды Иордана вошел человек...

— До того, как началось крещение?

— Да.

— Откуда пришел этот человек?

Никодим озадаченно посмотрел на Каиафу.

— Откуда он пришел? Не знаю. Думаю, он стоял в камышах, у берега, как и остальные. Я первый увидел, как он подошел к Иоханану, и Погружающий знаком остановил его.

— Как это?

— Вытянул руку, когда тот был в нескольких шагах, и произнес — а глаза у него при этом горели: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»

— Погружающий сказал именно так?

— Да.

— А что ответил другой?

— Не могу сказать в точности, ибо говорил он очень тихо, но я спросил потом тех, что стояли ближе, и, похоже, они слышали то же самое, что и я.

— Так что сказал этот человек? — настойчиво повторил вопрос Каиафа.

Фарисеи слишком много значения придают словам, Каиафа же хотел увидеть знаки, свидетельствующие о пришествии Мессии.

— Он сказал: «Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду».

Глаза Каиафы расширились, он вскочил.

— Он так и сказал? «Надлежит исполнить всякую правду»?

— Да, — ответил Никодим. — «Надлежит исполнить всякую правду».

Каиафа отвернулся и скрестил руки на груди, глядя на залитые закатным

солнцем стены Храма.

— Как он выглядит? Опиши его мне.

— Ничего особенного. — Фарисей пожал плечами. — Мне показалось, что он из Галилеи.

— Галилеянин! — воскликнул Каиафа, резко повернувшись к Никодиму.

— Деревенщина, — снова пожал плечами Никодим. — Его бы никто не запомнил, если бы не то, что произошло потом.

— Да-да, рассказывай.

— Погружающий возложил руку на голову этого человека и погрузил его в воду.

Никодим замолчал.

— Продолжай, — попросил Каиафа.

Фарисей старался не смотреть ему в глаза.

— Что такое?

— Не знаю, — ответил Никодим. — Не знаю, как объяснить. Не знаю даже, что именно рассказывать. Могу лишь сообщить, что я почувствовал, как... все замерло. Перестал дуть ветер, хотя было ветрено. Солнце померкло. Все вокруг будто стало исчезать: солнце, время, звуки...

Никодим замолчал и покачал головой, словно не верил самому себе.

— А потом он встал из воды. Одним движением, как будто вынырнул с большой глубины! Все были ошарашены, буквально все. Некоторые даже закричали от удивления. И я их понимаю: кто же так выныривает из миквы? Казалось, разверзлись небеса, и лицо его залил мерцающий свет, трепещущий, словно... словно птичье крыло, и раздался гром небесный.

— Гром, — скептически повторил Каиафа, пристально глядя на Никодима.

— Да, — беспомощно ответил тот, пряча взор.

— Гром и молния.

— Такого я никогда не видел. — Никодим развел руками.

Каиафа опустил на стену и оперся руками о колени.

— Что он сказал?

Никодим смотрел непонимающе.

— Человек, которого крестили, — уточнил Каиафа. — Что он сказал, вынырнув из воды?

— Ничего.

— Ничего?

— Да, — подтвердил Никодим. — Он постоял на месте, разведя руки в стороны, а его светящееся лицо было обращено к небесам, и глаза закрыты, будто он что-то слушал или ждал... или молился.

— Он что-нибудь сказал толпе?

— Нет. Просто пошел к берегу... и толпа расступилась, как Иордан перед Илией. И он прошел сквозь нее.

— Куда он пошел?

— Не знаю, — пожал плечами, ответил фарисей.

— Что сказал после этого Погружающий? Уверен, он что-нибудь сказал!

— Сказал.

— Ну? Что? — теряя терпение, спросил Каиафа.

— Он сказал: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира».

Западный Иерусалим, бульвар Руппин

Рэнд заполнил и подписал все бумаги, передал оссуарий и свиток профессору Елону, но безнадежно опоздал на встречу с Карлосом. Впрыгнув в «фиат», он достал мобильник и набрал номер Игалья Хавнера.

— Шалом, Игаль, — поздоровался он с другом, услышав его голос. — У этого парня есть мобильный? Мне надо ему позвонить. Я опоздал.

— Думаю, есть, — ответил Хавнер. — Однако его номер у меня в телефоне, и я не уверен, что смогу найти его, оставаясь на связи.

— Понимаю. У меня то же самое, — сказал Рэнд. — Можешь перезвонить мне и продиктовать номер? Мне не хотелось бы с ним разминуться.

— Я могу просто позвонить ему и от твоего имени предупредить, что ты задерживаешься.

— Так будет лучше всего, — согласился Рэнд.

— Сколько тебе нужно времени?

Рэнд как раз крутанул руль, чтобы не врезаться в запряженную ослом телегу.

— Минут десять-пятнадцать.

— Я скажу, чтобы он ждал тебя.

— Спасибо. Я твой должник, Игаль.

— Шалом.

— Шалом.

Сунув мобильник в карман, Рэнд поехал быстрее, направляясь в Тальпиот. Через пару минут телефон зазвонил. Это был Игаль.

— Только что поговорил с Карлосом, — сказал он. — Он уже погрузил оборудование, так что тебе незачем туда спешить.

— Это здорово. Ну...

— Тебе еще зачем-нибудь туда надо?

— Думаю, нет. Просто хотел убедиться, что верну тебе все в целости и сохранности.

— Карлос говорит, он забрал все, что мы тебе одалживали. И сказал, привезет оборудование завтра.

— Завтра?

— Сегодня у него выходной. Он предложил съездить за оборудованием в обмен на «лендровер».

— Что ж, тогда мне точно туда не надо. Вернусь в отель.

— Как продвигается работа?

Рэнд обрисовал ситуацию — сначала рассказал про обнаруженный свиток, потом о реакции Жака Елона. Когда он упомянул это имя, Хавнер кашлянул.

— Он человек своеобразный, — заметил Игаль. — Но если ты действительно раскопал усыпальницу Каиафы, и особенно если найденный тобой свиток имеет какую-то ценность с точки зрения археологии, то Жак Елон — ценнейший специалист. Побольше бы таких, сам убедишься.

— Что ты имеешь в виду?

Мрачный смешок был ему ответом.

Южный Иерусалим, Тальпиот

Трейси забралась на пассажирское сиденье «лендровера».

— Ты же ничего ему не сказал про меня?

— Нет, — ответил Карлос. — Зачем?

Они уже погрузили в кузов последнюю деталь помоста, и Карлос предложил Трейси подбросить ее до отеля.

— Не стоит, — ответила она.

Некоторое время сидели молча. Карлос вырулил на дорогу и повернул в сторону «Рамат-Рахель». Наконец Трейси повернулась к нему.

— Тебе надо возвращаться в Тель-Мареша?

Карлос покачал головой.

— У меня сегодня выходной. — Он взглянул на нее и перевел взгляд на дорогу.

— Давай что-нибудь придумаем, — предложила она.

— Что придумаем?

— Ну, не знаю. Что-нибудь веселое. Я до того устала с тех пор, как сюда приехала. Здесь есть какие-нибудь развлечения?

— Полным-полно.

— Например?

— Я тебе покажу. Ты не хочешь позвонить отцу?

— Он даже не заметит, что меня нет. — Она пожала плечами.

— Разве он о тебе не беспокоится?

Опустив глаза, Трейси накручивала на палец какую-то нитку.

— Если и побеспокоится, это только пойдет ему на пользу, — уверенно ответила она.

28 год от Р. Х.
Иерусалим, Верхний город

Каиафа, конечно, позволил фарисею рассказать эту невероятную историю с омовением, но зарекся делать это впредь.

Никодим глупец. Если все это правда, если время для Никодима остановилось и тот человек действительно родом из Галилеи, то Каиафе не о чем беспокоиться. Он не принадлежал к фарисеям, которые фанатично верили в то, что сказано в Торе, пророчествах и Писании, равно как и в Книгах Моисеевых. Но не надо быть фарисеем, чтобы знать пророчества. А все пророки ясно говорили, что Мессия будет из колена Давидова и придет из града Давидова, Вифлеема.

«Надо думать, пример Иуды их чему-то научил», — сказал себе Каиафа, готовясь ко сну.

Иуда Галилеянин, как его чаще всего называли, поскольку родом он был из галилейского города Гамалы, примерно тридцать пять лет назад, в правление Цезаря Августа, поднял восстание против Рима. В тот год префект издал указ о переписи населения, чтобы заново рассчитать подати с иудеев. Иуду многие поддержали, и восстание ширилось, но, когда стало ясно, что первосвященник Иоазар не в силах положить ему конец, префект Сирии Квириний ввел в Иудею войска и провел перепись. Восстание было жестоко подавлено.[41]

Хотя Иуду до сих пор почитали иудеи, называвшие себя зилотами, Каиафа не мог представить еврея — даже фарисея, который оказался бы настолько глуп, чтобы поверить в Мессию из Галилеи, не говоря уже о том, чтобы за ним последовать.

А последние слова Погружающего и вовсе разочаровали Каиафу. Агнец Божий? Кто пожелает быть названным Агнцем Божиим? Что это должен быть за человек, чтобы позволить так именовать себя? И кто последует за человеком, так себя назвавшим? Разве недостаточно евреи пребывали в положении жертвенных агнцев? Разве недостаточно их убили ассирийцы, вавилоняне, греки и римляне? То, чего они желают и о чем молятся, — это вождь, подобный Моисею, праведный судья, подобный Гедеону, царь, подобный Давиду.

Что бы там ни привиделось Никодиму на реке Иордан, в этом нет ничего из перечисленного.

«А значит, — сказал себе Каиафа, набрасывая на голову талис, чтобы произнести ежевечерние молитвы, — мне не о чем беспокоиться».

«Рамат-Рахель»

Первое, что заметил Рэнд, вернувшись в номер отеля, пришедшее на компьютер сообщение. Второе — что Трейси куда-то запропастилась.

— Трейси? — позвал он.

Дверь в ванную была открыта, так что он просунул голову в дверной проем и позвал еще раз. Теперь Рэнд был уверен, что ее нет в номере. Он осмотрелся. Кровать не застелена, одежда валяется по полу, в углу стоит открытый чемодан. Поискал глазами какую-нибудь записку, но не нашел. Достал телефон и набрал номер дочери.

— Привет, это Трейси, — раздалось в трубке.

Голосовая почта. И тут его осенило. Он посмотрел на радиоприемник. 11.01.

— Ну конечно! — сказал он вслух.

«Наверное, она недавно проснулась и пошла поесть в кафе».

Перестав волноваться, Рэнд сел за компьютер. Пришло несколько писем по электронной почте, но его интересовало одно, от Нади Станишевой.

В строке «тема» стояло: «Предварительный анализ». Вот что писала Надя:

«Рэнд, было здорово получить от тебя письмо и узнать, что у тебя все в порядке. Я тоже в порядке, моя мама не поправляется, но, по крайней мере, ей не становится хуже. Спасибо, что спросил. Фотографии, которые ты прислал, неплохого качества, но, сам знаешь, по фотографиям не особенно проведешь остеологический анализ. Я понимаю, что это максимум, что ты мог сделать, учитывая обстоятельства. Я напишу полный отчет позже, но, безусловно, ты понимаешь, что нельзя делать окончательных выводов, работая только с фотографиями. На первый взгляд оба скелета превосходно сохранились. Поверхность костей выглядит так, будто с ними обращались чрезвычайно аккуратно. Я бы поставила обоим скелетам высший балл (насколько я могу судить по фотографиям). Впрочем, эту фразу — „насколько я могу судить“ — можно применить ко всем последующим заключениям».

Далее Надя подробно описывала особенности скелета Мириам. Практически полный скелет взрослой женщины ростом примерно метр шестьдесят два. Возраст — где-то около пятидесяти или немногим больше.

Но Рэнда больше всего интересовали результаты исследования второго скелета. Он читал их особенно внимательно.

«В скелете № 2 сохранилось большинство элементов, этого достаточно, чтобы считать его полным. Не хватает только коленных чашечек и некоторых фрагментов лицевых костей. То есть он цел на 90 процентов.

На основе морфологических особенностей черепа и таза скелет № 2 можно считать скелетом взрослого мужчины. Исходя из длины диафизов левых бедренной и берцовой костей, я бы сказала, что это скелет мужчины ростом примерно метр восемьдесят.

Состояние аурикулярных поверхностей и лонного сочленения позволяет предположить, что это пожилой человек. Пятая или шестая стадия. Извини, но это все, что я могу. Если бы мы делали ставки, посоветовала бы тебе поставить на 60 лет или немного больше».

На этом письмо Нади не заканчивалось, и Рэнд внимательно прочел его до конца. Но он уже узнал все, что хотел знать. Точнее, не совсем все, но кости были уже потеряны для научных исследований, а каких-либо явных противоречий он в письме не нашел.

Так что все возможно.

Рэнд вышел из-за стола. Посмотрел из окна на огромный бассейн, свадебную процессию на смотровой площадке. Скрестил руки на груди, потер давно не бритый подбородок.

Все возможно. Он понятия не имел, кто такая эта Мириам, но, согласно остеологическому анализу и учитывая доказанность места находки, вполне вероятно, что профессор Рэндал Баллок нашел могилу первосвященника, отправившего на смерть Иисуса.

66

«Рамат-Рахель»

Рэнд отошел от окна и задумался. Можно ли найти в кошерном отеле Иерусалима экземпляр Библии, как в любой американской гостинице?

Он открыл ящик стола. Пусто. Осмотрелся. В рабочем столе тоже есть ящик. — Благослови Бог «Гедеоновых братьев»![42]

Устроившись за столом, где совсем недавно стоял оссуарий Каиафы со свитком, Рэнд стал листать Библию. Он достаточно подержал ее в руках в воскресной школе, так что не стал просматривать все подряд начиная с Бытия. Ухо постепенно привыкало к странным именам — Ездра, Авдий, Аввакум. Наконец он добрался до Евангелий.

«Интересно, — подумал Рэнд, — что бы сказала моя религиозная мать, если бы узнала, что ее младший сын больше знает о Евангелии от Фомы[43] и Свитках Мертвого моря, чем о Писании, которое она читала, наверное, каждый день».

Он открыл Евангелие от Матфея, первое из четырех канонических Евангелий, и стал медленно переворачивать страницу за страницей, отыскивая имена Мириам и Каиафы. Дойдя до шестой главы, он начал читать вслух, без всякого выражения. Знакомые слова «Отче наш», молитвы, которую он в раннем детстве учил в маленькой церкви в родном канзасском городке. Чтение его увлекло. Когда он наткнулся на первое упоминание о Каиафе, в 26-й главе, прошло уже почти два часа. Затаив дыхание, Рэнд читал о «первосвященниках и книжниках и старейшинах народа», собравшихся в доме Каиафы, чтобы договориться, как схватить Иисуса так, чтобы не вызвать бунта «в праздник».

Далее Рэнд с интересом прочел о том, как Иисуса привели в дом Каиафы, где первосвященники, старейшины и Совет обвиняли его, насмеялись над ним и сочли его достойным казни. Словно зачарованный, Рэнд перешел к 27-й главе, где первосвященники отдали Иисуса на суд Понтию Пилату, римскому префекту. Обратил внимание, что в этой главе Каиафа не упоминается.

— Куда же ты делся, Каиафа? — прошептал Рэнд. — Ушел в тень, как только Иисусу в твоём присутствии вынесли приговор? Или стал держаться особняком?

Он вернулся к 26-й главе.

«Тут ты явно при исполнении обязанностей».

Снова перевернул страницы, просматривая 27-ю главу.

«Интересно, почему о тебе нет ни слова именно тогда, когда Иисуса отправили к Пилату... и распяли».

Так он дошел до 28-й главы, последней в этом Евангелии. Главы о воскресении Иисуса, о том, как первосвященники — был ли среди них Каиафа? — узнали от римских солдат о землетрясении: ангел отвалил камень от входа в гробницу. Заканчивалась глава явлением Иисуса апостолам и его словами о том, что они должны рассказать людям о новой вере. Рэнд встал, потянулся и положил раскрытую Библию на стол.

«Как странно быть здесь, в Иерусалиме, — подумал он, — где, возможно, все это происходило на самом деле. Еще более странно читать о землетрясении, благодаря которому две тысячи лет назад отворилась гробница, где только что был погребен человек. Ведь не прошло и недели, как бульдозер устроил своего рода маленькое землетрясение, открывшее древнюю гробницу... Могилу одного из непосредственных участников всей этой истории...»

— Не забегай вперед, Рэнд, — сказал он самому себе. — Пока что доказательств недостаточно. Нужно быть последовательным и продвигаться вперед шаг за шагом.

«Шаг за шагом», — повторил он мысленно, снова беря в руки Библию.

Рэнд удобно устроился на кровати, подложив под спину подушки. Еще раз перечитал три последние главы Евангелия от Матфея, прежде чем перейти к Евангелию от Марка, которое он прочел от начала до конца за час, отметив для себя, что автор ни разу не называет имени Каиафы, говоря о «первосвященнике».

Рэнд перестал читать. Возникло какое-то новое, незнакомое ощущение. Он смотрел в раскрытую книгу. Что же это?

Встал с кровати, подошел к столу. Положил на него Библию и нашел последние страницы Евангелия от Марка. Водил по ним пальцем и пытался понять, что чувствует, о чем думает. И вдруг его осенило.

Он и раньше слышал библейские истории, некоторые читал — еще в детстве. Старался запомнить, какие тексты читают на свадьбах, какие — на похоронах. Но того ощущения, которое возникло в эти несколько часов, никогда не было. Он не единожды слышал все эти слова, но они никогда не производили на него такого сильного впечатления.

Адам и Ева, Давид и Голиаф, Иона и кит. Лазарь. Захария. Иисус. Распятие. Воскресение. Хорошо знакомые истории, по крайней мере, он знал их давно. Но всегда библейские сказания оставались только историями. Он воспринимал их как сказки для детей. Гензель и Гретель, Красная Шапочка, мальчик, который кричал: «Волк!»

Но сейчас он увидел все это другими глазами. Он читал Библию не как художественное произведение. А все потому, что в усыпальнице в Тальпиоте он своими глазами видел надпись «Каиафа» на оссуарии. И возможно, держал в руках кости того самого первосвященника, о котором шла речь на этих страницах. Теперь эти слова, фразы и главы были свидетельством. Такой же достоверной информацией, какую он вчера весь день заносил в компьютер.

Рэнду никогда не приходило в голову, что рассказы об Иисусе могут быть правдой.

28 год от Р. Х.
Иерусалим, Храмовая гора

Каиафа только что покинул Зал тесаных камней вместе с двумя братьями жены, Ионатаном и Александром. Они шли за ним следом. Шум уже стих. Они свернули за угол и вошли во двор язычников, окруженный с трех сторон колоннадой. Каиафа резко остановился, будто перед ним возникла стена.

Что здесь творилось!

Столы менял перевернуты, повалены набок, а мостовая усыпана монетами. Теперь, чтобы отделить храмовые монеты от римских, понадобится не один час. А навести здесь хоть какой-то порядок, чтобы можно было снова заняться делом, удастся вообще неизвестно когда.

Обескураженные торговцы бродили среди этого бедлама как потерянные, пока другие лихорадочно ловили голубей, хлопающих крыльями, блеющих овец и мычащих волов, пытались заново установить разбитые палатки и починить стойла. Собиралась толпа зевак. Одним было просто любопытно, что произошло, другие открыто торжествовали, третьи застыли в изумлении.

И был еще один человек.

Он стоял среди разбитых клеток и палаток, перевернутых столов, рассыпанных монет и растерянных людей. В руке его была зажата толстая веревка. Он спокойно смотрел вокруг, как десятник, изучающий место будущей стройки.

— Уберите все это, — сказал он громко.

Глаза его горели, но это было не безумие, а осознание собственной власти и гнев. Он притягивал к себе внимание, и все, кто был на площади, смотрели на него с изумлением.

— Дом Отца Моего не делайте домом торговли.

— Где охрана? — спросил Каиафа, оглядываясь вокруг в поисках храмовой стражи, чтобы отдать приказ. — Почему они не делают свою работу? Почему этого человека до сих пор не схватили?

— Подожди, — сказал Александр, выходя вперед.

— Ждать? Не говори глупостей! — взорвался первосвященник. — Если на то пошло, я сам его остановлю.

Он хотел было обойти Александра, но Ионатан присоединился к брату, чтобы задержать зятя.

— Александр прав, — сказал он. — Послушай. Все знают, что эти столы и стойла принадлежат тебе и нашему отцу, Анне.

— Это еще один повод схватить его!

— Нет. — Александр покачал головой. — Посмотри на этих людей.

— И что? — вскипел Каиафа.

— Посмотри на них, — повторил Ионатан.

Скрипя зубами, Каиафа позволил братьям жены преградить ему дорогу и бросил взгляд на толпу, окружившую площадь с трех сторон. Он вглядывался в лица. Они довольны. Кто-то смеется. Старуха грозит кулаком меняле, покидающему площадь. А вот знакомое лицо. Фарисей Никодим стоит в тени портика Соломона и восхищенно смотрит на человека в центре площади.

«Конечно, — подумал Каиафа. — У фарисея от такого зрелища сердце не бу-

дет обливаться кровью».

Фарисеи приносили жертвы в Храме подобно другим верующим евреям, но они совершали и другие обряды, такие как чтение Торы в синагогах, предпочитая их посещению Храма. Храм был опорой саддукеев, а Тора — основой авторитета фарисеев. Но толпа-то состояла не из одних фарисеев...

— Посмотри, сколько народа, — сказал Ионатан. — И все они считают, что этот человек совершил смелый поступок. И при этом поступил справедливо.

— Как они могут так думать? — ужаснулся Каиафа.

Братья переглянулись. Александр заговорил так, словно вынужден сообщать неприятные вещи.

— Торговцы обманывают людей.

— Что? — не поверил Каиафа.

Он чувствовал, как в нем закипает гнев.

— Храмовые торговцы? В доме Господнем?

— Мы хотели этому помешать, — начал Ионатан.

— Но уследить за ними невозможно, — закончил его мысль Александр.

Возмущению Каиафы не было предела. Конечно, они сыновья Анны. Когда Каиафа стал первосвященником, он осторожно, но последовательно стал проводить реформы. Он не собирался упразднить торговлю в Храме. Паломникам было проще купить жертвенных животных на месте, а не везти с собой вола или ягненка. И ни при каких обстоятельствах денежные пожертвования не могли быть принесены римской монетой с изображением профиля императора или префекта. Все это делало присутствие в Храме менял и торговцев необходимым, но и позволяло совершать беззакония во времена священничества Анны, Измаила, Елеазара и Шимона. Купцы заламывали немислимые цены за жертвенных животных. Священники проверяли животных, привезенных для жертвоприношения, и лишь в редчайших случаях не могли найти в них изъяна, делающего вола или ягненка непригодным для жертвы. Тем самым паломников вынуждали покупать животных у храмовых купцов. Те же исправно платили процент с прибыли первосвященнику. Менялы брали пошлину за обмен римской монеты на храмовую и тоже делились со священниками.

Каиафа считал, что ему удалось изменить положение вещей. Он ограничил наценки и пошлины, ужесточил надзор за соблюдением Закона при проверке жертвенных животных. Он знал, что не может пойти против системы, которая приносит доход его семье и семье жены, но надеялся, что торговлю можно сделать честной и при этом получать прибыль, пусть и небольшую. Но Каиафа знал, что братья жены были яростными противниками его реформ и в их интересах было сделать так, чтобы все оставалось по-прежнему.

Каиафа посмотрел на человека, который решился всем открыть глаза на происходящее. Должно быть, это какой-нибудь новый рабби. В сельской местности их — как полевых лилий. Большинство ненадолго завладевают вниманием толпы. Людям свойственно откликаться на проповедь чего-то нового, за кем-то следовать, для них это что-то вроде светлого луча в этой жизни, не слишком-то богатой радостными событиями.

«Но этот, похоже, совсем другое дело, — подумал Каиафа. — Ловкач».

Каиафа понимающе кивнул. Вот в чем дело. Этот новый рабби умен. Он совершил безумный поступок, вовсе не поддавшись сиюминутному порыву. Он не

собирался вступать в пререкания со священниками. И не хотел разыграть представление. Он хорошо понимал, что делает. Он правильно просчитал, чем можно привлечь внимание за несколько дней до наступления Пасхи. Такая новость быстро облетит всю округу. Огромные толпы будут ловить каждое его слово, сопровождать его повсюду.

— Поговорим об этом позже, — наконец вымолвил Каиафа. — А сейчас идите и спросите этого человека, может ли он совершить чудо и доказать, что имеет право на подобные поступки. И пусть зевакам велят разойтись, а на площади наведут порядок.

Глядя вслед сыновьям Анны, Каиафа решил, что их интриги требуют более пристального внимания, а этот, безусловно, умный человек заслуживает того, чтобы, он, Каиафа, узнал о нем побольше.

68

Иерусалим, Старый город

Трейси шла за Карлосом по пятам, насколько это было возможно на узкой улочке.

— Почему ты идешь так быстро? — спросила она.

— Хочу тебе кое-что показать.

Трейси представления не имела, где они находятся. Карлос припарковал «лендровер» за воротами Старого города, и они пошли бродить по лабиринтам улочек и переулков, где было множество магазинов. Мощенные грубо отесанными камнями улицы, заполненные людьми, тележками и лотками торговцев, подчас были такие узкие, что проехать по ним можно разве что на скутере. Тем не менее торговцы ухитрялись подвозить огромное количество товара: еды, тканей, электроники и сувениров для туристов. Трейси часто не могла понять не только в каком направлении они движутся, но и где они — на улице или в здании, поскольку над головой почти всегда была крыша или навес.

— Ты идешь слишком быстро! — пожаловалась она.

— Мы уже почти пришли.

Наконец-то Карлос сбавил шаг и взял Трейси за руку. Он провел ее по нескольким коротким лестницам, потом они свернули за угол и внезапно оказались на балконе, с которого открывался вид на широкую площадь, заполненную толпой. С двух сторон площадь окружали дома, а с третьей поднималась каменная стена. Над ней — здание голубого цвета, увенчанное сверкающим золотым куполом.

— Я видела это на фотографии! — удивилась Трейси.

Карлос улыбнулся, довольный ее реакцией.

— Это Западная стена, самое священное место для иудеев. Считается, что после разрушения римлянами иудейского Храма уцелела только она.

— Она была частью Храма?

— Нет, не самого Храма. Частью храмового комплекса. Само здание Храма находилось там, где теперь стоит это, с золотым куполом. Евреи приходят сюда в пятницу днем, каждую неделю, чтобы молиться и оплакивать разрушение Храма. Поэтому это место также называют Стеной Плача. Здесь часто проводят свадьбы и бар-мицва.[44]

— Потрясающе. А что это за ограда? — спросила Трейси.

Ближайшая к стене часть площади была огорожена метровым барьером.

— Для безопасности... молящихся и самой стены. Тут случались и теракты.

— Да ты что!

— Было и такое. Еще один барьер идет посередине, он отделяет мужскую часть площади от женской. У иудеев мужчины и женщины молятся отдельно.

Они помолчали, и Карлос спросил, готова ли Трейси идти дальше.

— А куда?

— Посмотрим.

Он пожал плечами.

И вот они снова идут по извилистым мощеным улочкам. В переулке развешаны разноцветные ковры, коврики, шарфы, одежда, — все это преграждает им путь.

— Мы на улице или в доме?

— На улице, — говорит Карлос.

— Хелло! Хелло, американцы! — Человек говорил с сильным акцентом. — Заходите, не пожалеете, дешево отдам!

— Заходите, заходите, я дам вам подарок, — вторил ему другой.

Трейси уцепилась за Карлоса обеими руками.

— Нет, спасибо!

— Ло тода, — повторил Карлос ее слова на иврите.

— Заходите, заходите, — настаивал торговец, загоразивая им дорогу и показывая на свой магазинчик. — Моя жена сегодня родила ребенка, и я хочу это отпраздновать.

— Ло тода, — еще раз сказал Карлос, и они попытались обойти торговца.

— Заходи, оберу! — крикнул другой продавец, выходя из лавки и широко улыбаясь. — Облапошу!

Трейси расхохоталась и, отпустив руку Карлоса, ринулась в магазинчик.

Рассматривая полки, уставленные бронзовыми семисвечниками, всяческими безделушками и деревянными статуэтками, она заметила вешалку с платьями. Торговец сопровождал Трейси, пытаясь протиснуться между нею и Карлосом.

Трейси сняла с вешалки длинное зеленое платье.

— Нравится? — спросил торговец. — Отлично подойдет к твоему цвету глаз.

— Сколько?

— Для тебя — двадцать пять долларов.

— Слишком дорого, — сказал Карлос.

— Нет-нет, — оправдывался торговец. — Хорошая цена для хорошенькой леди.

— Не думаю.

Трейси повесила платье на вешалку.

— Если видишь что-то, что тебе нравится, не говори это вслух, — шепнул Карлос ей на ухо. — Просто дотронься до уха или носа, чтобы я понял.

У Трейси вдруг пересохло в горле. Его губы коснулись ее уха, он никогда не был так близко.

— Хорошо, — ответила она тихо.

Трейси взяла следующее платье, похожее на первое, но голубого цвета. Взглянула на Карлоса — и заправила прядь волос за ухо, то самое, к которому он только что наклонялся.

— Не тот цвет, — едва заметно улыбнувшись, сказал Карлос.

— Это отдам за двадцать долларов, — уступил продавец.

— В Вифлееме куплю дешевле, — нахмурился Карлос.

— В Вифлееме! Разве там найдешь такое качество! Восемнадцать долларов. Карлос покачал головой и повесил платье на вешалку.

— Посмотрим еще.

Он взял Трейси за руку и направился к выходу.

Но они не успели дойти до двери, как Трейси почувствовала, как торговец положил руку ей на плечо, и обернулась. Тот спешил за ними, прихватив платье.

— Пятнадцать долларов. Дешевле нигде не купите. Карлос вышел из магазина, не обращая на него внимания.

Трейси поспешила за ним.

Продавец не сдавался.

— Ладно, вам отдам за двенадцать. Последняя цена.

— Ло тода, — бросил Карлос, не останавливаясь.

— Десять долларов! — взмолился продавец, остановившись у двери.

Карлос обернулся. Трейси тоже.

— Десять долларов? — переспросила она.

— Да-да, давай. Никогда так дешево не отдавал.

Трейси полезла в карман, но Карлос снова наклонился к ее уху.

— Заплачу я, ладно?

Трейси смерила его взглядом.

— Спасибо, но я могу заплатить сама.

Его глаза были совсем близко.

— Тут дело не в деньгах, понимаешь? — шепнул он. — Для них это дело чести, как следует поторговаться и все-таки договориться. Это как армрестлинг. Почетнее выиграть или проиграть, соревнуясь с мужчиной.

— Самый настоящий мужской шовинизм, — закатила глаза Трейси.

— Он самый.

Карлос улыбался.

— Ну что ж, будь по-твоему, — ответила Трейси, тоже улыбнувшись. — Дам вам обоим возможность почувствовать себя настоящим мужчиной.

Карлос достал деньги, все еще качая головой.

— Все равно слишком много, — сказал он. — Ну ты и дерешь!

И отдал продавцу десять долларов.

Продавец взял деньги и отдал Карлосу платье.

Тот передал его Трейси, и она перекинула покупку через руку. Они пошли было дальше, но Трейси обернулась. Торговец смотрел им вслед.

— Спасибо! — сказала она.

— Приходи завтра! — отозвался продавец, широко улыбаясь. — Облапошу!

«Рамат-Рахель»

Рэнд потер глаза, словно очнувшись ото сна. Который час? Увидев, сколько показывают часы на приемнике, он не на шутку взволновался.

Где Трейси? Ее нет уже так долго! Рэнд думал, что дочь спустилась позавтракать, хотя для завтрака было уже поздно. Но она все еще не вернулась, а он с головой ушел в чтение и забыл о времени.

Обругав себя эгоистичным тупицей, он набрал номер дочери. Несколько гудков — и включилась голосовая почта. Попробовал еще раз, но ничего не вышло.

— Куда она подевалась?!

Рэнд вспомнил, что в вестибюле отеля есть компьютер, подключенный к Интернету. Трейси могла пойти туда, войти в Сеть и потерять счет времени, как он сам.

«Пожалуйста, пусть она окажется там!»

Вышел из номера и направился к лифту.

Но в вестибюле Трейси не было. Рэнд обошел обеденный зал, в котором никого не оказалось, за исключением пожилой семейной пары, занявшей столик в углу, у окна, и любовавшейся пейзажем. Он трижды обогнул бассейн, но здесь дочери тоже не было.

Рэнд вернулся в номер, подумав, что Трейси могла вернуться, пока он ее искал. Он шел по отелю, посматривая на указатели. Заглянул в магазин подарков и салон красоты, спа-салон и спортзал. Остановился у стойки администратора и спросил, нет ли для него сообщений. Наконец вышел на улицу и посмотрел на дорогу и окрестности. Вернулся назад и, пересекая просторный вестибюль, достал мобильный и набрал Трейси.

— Привет, это Трейси!

Опять голосовая почта. Рэнд дал отбой и пошел к лифту.

А если сейчас ее не окажется в номере, что тогда делать? Вдруг с ней что-нибудь случилось? Может быть, она потерялась? И сейчас совершенно одна и ей нужна помощь?

«Она позвонит сама, — подумал Рэнд. — Обязательно позвонит, если я буду ей нужен. Но что, если у нее нет возможности позвонить? Разрядился аккумулятор? Или нет связи? А вдруг она ранена... или без сознания? Или... Мне надо выпить».

Страх нарастал, но это было особое ощущение, раньше Рэнд такого никогда не испытывал. Для дочери он всегда оставался «второстепенным членом семьи». Джой вела дом, Рэнд занимался карьерой.

«И содержал семью», — напомнил он себе.

Если Трейси падала с велосипеда, Джой была рядом. Когда ее бросил парень, Джой была рядом. А когда Джой умерла... рядом никого не осталось.

«Я выпью совсем чуть-чуть», — пообещал себе Рэнд.

Казалось, если он не выпьет прямо сейчас, ему не удастся привести мысли и чувства в порядок.

Он открыл дверь номера. Трейси не возвращалась. Рэнд быстро подошел к телефону на столике между кроватей и набрал 0.

— Да, шалом, — ответил он на приветствие дежурного.

Какое-то мгновение Рэнда одолевали сомнения, правильно ли он поступает, но он все-таки решился.

— Мне нужен номер полиции. Я хочу найти старшего сержанта Мириам Шарон.

70

28 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

— Быстрее! Иди быстрее!

Каиафа с трудом открыл глаза и сел в постели.

— Что? — голос его прозвучал жалобно. — Что случилось?

В дверях стояла жена, держа в руке глиняный светильник, в котором бился язычок пламени.

— Наша сестра, Мириам. — Она имела в виду жену брата. — Пошли быстрее!

Каиафа со стоном встал с кровати. Снял с колышка в стене одежду, накинул на плечи и, пошатываясь, вышел из спальни. Жена повесила светильник на стену и повела его через двор к воротам.

— Помедленнее, жена! — Каиафа впустил в легкие холодный ночной воздух.

В Верхнем городе, где они жили, селились самые богатые горожане. У всех были роскошно убранные дома с большим внутренним двором. За исключением двух римлян, которые построили свои дома рядом с дворцом префекта у западной городской стены, Каиафа и его тесть Анна были самыми обеспеченными из здешних жителей. Почти не уступал им в богатстве Ионатан, старший сын Анны. Сейчас Каиафа и Саломея спешили именно к нему.

— Она там. — Саломея пропустила Каиафу в спальню Ионатана и Мириам.

Ионатан, скрестив ноги, сидел на полу, рядом с женой, лежавшей в постели. Когда Каиафа и Саломея вошли, он не встал и ничем не дал понять, что заметил их. Протянув руку к стоявшему рядом кувшину, достал тонкий платок, слегка отжал его и положил на лоб Мириам, заменив прежний.

— Жар становится сильнее.

Ионатан бросил платок в кувшин.

— Платок сразу становится горячим. Он сохнет так быстро, словно лихорадка вытягивает из него воду... Вода как будто уходит в песок... Ей не становится лучше, только хуже и хуже.

— Врач приходил? — спросила Саломея.

— И уже ушел, — ответил Ионатан.

Откинув тонкую простыню, он показал ноги Мириам — на них было не меньше десятка присосавшихся пиявок.

— Он сказал, пиявки высосут из нее лихорадку.

Ионатан поправил простыню.

— Но ей все хуже.

— Она в сознании?

Саломея опустила на колени рядом с невесткой, дотронулась до ее щеки.

— Нет. Ей, похоже, даже сны не снятся. Ни единого звука, ни разу не застонала с тех пор, как ты ушла. И не двигается... Совсем не двигается.

Ионатан снова протянул руку к кувшину.

Саломея посмотрела на мужа, который так и остался стоять у самой

двери в полутемную комнату. Лунный свет лился из квадратного окна позади кровати.

— Что можно сделать?

Казалось, Саломея чем-то недовольна.

— Ведь можно же сделать хоть что-нибудь?

Каиафа пристально посмотрел на жену и перевел взгляд на Мириам. Глядя на ее неподвижное тело, он почему-то вспомнил рабби, несколько дней назад изгнавшего торговцев со двора Храма. Каиафа послал Малха проследить за ним и разузнать хорошенько об этом человеке, хотя особой надобности в этом, может быть, и не было. Но о нем говорил весь город. Все в Иерусалиме судачили об учителе — оказалось, он из Галилеи! — который «очистил» Храм. Именно так все и говорили: «Он очистил Храм». На самом-то деле ему это сделать не удалось — уже на следующий день менялы и торговцы занялись привычным делом под охраной храмовой стражи. Но об этом никто не вспоминал. Люди радовались, что этот рабби совершил такое — и при этом его не схватили, да и вообще никак не наказали.

Но Каиафа узнал от Малха и другое. Выяснилось, что рабби не только проповедник, но и чудотворец. Он творил чудеса прямо здесь, у стен Храма Господня. Малх рассказал, что сам видел, как он взял на руки младенца, плачущего и покрывшегося пятнами лихорадки, и нежно укачивал его до тех пор, пока он не затих и на смену лихорадке пришел здоровый румянец. Болезнь прошла.

Глядя на неподвижное тело невестки, Каиафа внезапно почувствовал нечто среднее между надеждой и отчаянием. И причиной был не только рассказ Малха, но и вспомнившиеся слова пророка Малахии: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде. Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима, как во дни древние и как в лета прежние».

Каиафа покрылся холодным потом. Может быть, он ошибся. А может быть, донесения об исцелениях были правдой, и Малх действительно видел, что делает Сила Божия. Разве не сказал пророк, что «взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его»? Могло ли такое произойти? Что, если человек, пришедший в Храм с возмездием и исцелявший людей с таким состраданием к ним, — последняя надежда Мириам? Что, если он в силах исцелить ее, даже после того как врач расписался в своем бессилии?

— Муж мой! — вывел его из задумчивости требовательный голос Саломеи. — Неужели ничего нельзя сделать?!

Надежды не было, и Каиафа знал это. Но он не только близкий родственник Мириам. Он — первосвященник. На нем лежит ответственность за весь его народ, за Израиль. Он не может взять и пригласить этого мнимого целителя к постели невестки. Вдруг он окажется шарлатаном? А если узнают, что Каиафа призвал рабби, чтобы тот совершил чудо исцеления невестки Анны, жены его сына? Люди могут сказать, что первосвященник стал одним из последователей этого рабби! А это может повлечь за собой ужасные послед-

ствия. Настоящую смуту.

Каиафа сделал вдох и только теперь заметил, как долго задерживал дыхание.

— Нет, — сказал он.

Лицо его было непроницаемым.

— Ничего нельзя сделать.

71

Иерусалим, Старый город

— Я хочу есть.

Трейси действительно проголодалась.

— Я тоже, — отозвался Карлос. — Знаю тут одно хорошее местечко. Но сначала хочу тебе еще кое-что показать.

— Мы ведь не потерялись, как в прошлый раз?

Они весь день плутали по лабиринтам улочек Старого города, и несколько раз Карлос честно признавался, что понятия не имеет, куда идти дальше. Но всякий раз они шли и шли, пока он не находил знакомые ориентиры, и все-таки находили нужное место.

— Да, — признался Карлос. — Но скоро найдем дорогу.

Гуляя, они держались за руки. Так повелось с тех пор, как Карлос вел Трейси по лестницам и переулкам к Храму Гроба Господня, месту, которое традиционно считается усыпальницей Иисуса, к базилике Ессе Ното,[45] где мостовая была выложена во времена римского господства и по которым, возможно, ступала нога самого Христа, по Кардо, главной улице Иерусалима в те времена. Теперь Карлос уже не отпускал ее руку, и они так и шли по городу.

Перекусили в пиццерии в еврейском квартале (в Старом городе четыре квартала: еврейский, христианский, мусульманский и армянский). В одном месте, когда они сворачивали за угол, Трейси краем глаза заметила свисающий с крюка коровий бок и едва не поскользнулась. Посмотрев под ноги, она увидела, что по мостовой течет вода пополам с кровью. Трейси прикрыла рот рукой, сдерживая тошноту, и взгляд ее скользнул по выставленным вдоль улицы лоткам с цыплятами, овечьими головами и прочим, что продается в мясных рядах.

Карлос обнял ее за плечи.

— Закрой глаза и прислонись к моему плечу, — велел он.

Они резко повернули и зашагали в противоположном направлении. Карлос извинился: он сам не знал, как они оказались рядом с улицей Мясников, и вовсе не хотел приводить ее сюда.

Трейси стало лучше, но аппетит пропал надолго... вплоть до этой минуты, когда она почувствовала, что проголодалась.

— Сможешь подождать еще часок? — спросил Карлос.

— Думаю, да.

И вот они уже вышли из армянского квартала через Сионские ворота, на которых видны были многочисленные следы от пуль, оставшиеся после их штурма в 1948 году, во время Войны за независимость. Карлос подошел к известняковому зданию и заплатил служащему за входные билеты.

— Что это? — спросила Трейси.

— Один из старинных домов этого района — в древности он назывался

Верхний город.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я внимательно слушаю, — пожал плечами Карлос.

— А почему ты хотел привести меня именно сюда?

— Профессор Хавнер сказал, что одна из надписей в гробнице, возможно, имеет отношение к Каиафе.

— Верно...

— Понимаешь, эти камни, эти ступени, по которым мы поднялись сюда... по ним наверняка шел Иисус.

— Не может быть! Именно сюда?

— Не сюда, а в это место, каким оно было тогда.

— Что же это было за место?

Трейси изобразила нетерпение.

— Дом Каиафы.

И Карлос обвел рукой окружающие стены.[46]

72

«Рамат-Рахель»

Рэнд мерил шагами вестибюль в ожидании Мири Шарон. Разговор с ней получился неловкий, особенно когда он объяснил, что Трейси нет уже несколько часов.

— Когда вы обнаружили, что ее нет?

— Я вернулся в номер отеля сегодня утром, в одиннадцатом часу.

— Ее уже не было?

— Да. Но я не придумал этому значения, решил, что она пошла позавтракать или что-нибудь в этом роде.

— Когда вы поняли, что это не так?

Рэнд стал объяснять, что он увлекся работой, потерял счет времени, а потом побежал искать дочь по всему отелю... и окончательно запутался. Чем больше он говорил, тем сильнее становилось чувство, что он никудышный отец. Судя по молчанию Мири в телефонной трубке, было ясно, что и она так думает.

Наконец к гостинице подъехала патрульная машина. Мири припарковалась на разворотном круге, позади автобуса, из которого выходили туристы. Рэнд встретил ее в дверях.

— Спасибо вам огромное, что приехали.

Мири оглядела вестибюль и показала на несколько отдельно стоящих кресел. А когда они сели, скрестила загорелые ноги и слегка наклонилась вперед.

— Я хочу помочь вам, но я не следователь, — сразу предупредила она.

— Это ничего. Я просто хотел, чтобы это были именно вы.

— Почему?

— Почему? — эхом отозвался Рэнд.

— Почему? — не отступала Шарон.

— Ну, наверное... потому что мы знакомы. Я не знал, кому звонить.

— Ладно, — кивнула Мири. — У вас есть ее фотография?

Рэнд потянулся к бумажнику и замер.

— Нет... Думаю, что нет.

— Может, в компьютере?

— Нет. — Рэнд был удручен.

— Но вы же фотографировали на раскопках?

Рэнд наклонил голову, задумался.

— Нет. Все фотографии, с тех пор как Трейси приехала, делала только она сама.

— Вы можете предположить, куда Трейси могла направиться?

Рэнд отрицательно помотал головой.

— Вы знаете, во что она одета?

Он провел рукой по волосам.

— Нет. Понятия не имею.

— О чем вы говорили с ней в последний раз?

Рэнд задумался.

— Мы особенно не разговаривали... с того момента, как расстались с вами.

Мири удивленно подняла брови.

— Но ведь это было почти двое суток назад...

— Когда я вечером вернулся в номер, она уже спала. Всю субботу я работал, с утра до вечера. А она почти все время спала.

Рэнд вдруг понял, что не может поднять глаза на Мири.

— Наверное, сказалась разница в часовых поясах, — добавил он смущенно.

— Если у вас нет фотографии, если Трейси не обсуждала с вами, куда пойдут, если вы не можете даже предположить, где она... тогда что у нас есть?

Рэнд облокотился о колени и опустил лицо в ладони.

— Не знаю. Извините, я действительно не знаю, что сказать...

Мири дотронулась до его руки. Несколько минут они сидели молча, потом она заговорила.

— У нее есть друзья или родственники в Израиле? Кто-то, к кому она могла пойти?

Рэнд покачал головой, не показывая лица.

Мири откинулась в кресле. Им оставалось только помолчать. Наконец Рэнд поднял голову.

— Извините, что заставил вас приехать сюда. Я просто не знал, что делать.

Иерусалим, Старый город

Трейси и Карлос вошли в армянскую таверну в доме номер 79 на улице, где находится патриархат Армянской апостольской церкви.[47]

Спустившись на несколько ступеней, они оказались внутри. Трейси снова охватило чувство, которое сегодня она испытывала уже не раз.словно из XXI века она попала в далекое прошлое. Куполообразный потолок говорил о том, что это здание — один из храмов, построенных крестоносцами. С потолка свисала огромная люстра, посреди зала журчал старинный фонтан, выложенный красочной армянской мозаикой. Разномастные столы и стулья выглядели так, словно были сработаны вручную столетия назад...

Официант помог им выбрать в меню блюда армянской кухни, и Трейси наклонилась к Карлосу.

— Объясни, что это такое.

— Понимаешь, многие армянские блюда похожи на турецкие, так что их можно спутать, если, конечно, ты не армянин и не турок.

— Я не про меню. Я про дом Каиафы.

— А! И что ты хочешь узнать?

— Этот дом действительно принадлежал Каиафе?

— Весьма вероятно. — Карлос пожал плечами. — В разные времена разные дома в этом районе называли домом Каиафы. Не так давно во время строительства были обнаружены развалины дома, где мы сегодня были.

— Как при строительстве наткнулись на гробницу...

— Здесь это часто случается. Иерусалиму тысячи лет. За это время город не однажды был разрушен, и всякий раз его восстанавливали. У нас под ногами, слой за слоем, лежат свидетельства существования разных цивилизаций. Если начать копать прямо здесь, скорее всего, наткнешься на останки людей, живших много веков назад.

Официант налил в стаканы воды из стеклянного графина.

— Но как же удалось установить, что именно этот дом принадлежал Каиафе? — не унималась Трейси. — Так решили просто потому, что в этом районе когда-то жила семья Каиафы?

— Нет, просто археологи нашли еще и развалины древней церкви, так называемой Церкви Апостолов, про которую в исторических источниках говорилось, что она возведена на месте дома первосвященника. Об этом писали многие паломники, посещавшие Святую землю примерно два столетия спустя после завершения земной жизни Иисуса. Они бывали в этой церкви и свидетельствовали, что она построена на месте дома, в котором когда-то жил Каиафа.

— Повтори еще раз, что ты мне рассказывал, когда мы спускались там по каменной лестнице...

— Это темница, в которой держали Иисуса в ту самую ночь, когда Каиафа и члены Синедриона допрашивали его.

— Но лестница туда не ведет?

— Да, в темницу нет лестницы, и окон в ней нет. Скорее всего, узника спускали вниз через отверстие в потолке камеры и точно так же поднимали обратно.

Им начали приносить блюда, одно за другим, пока стол не был сплошь уставлен чашками и тарелками. На время Трейси и Карлосу пришлось прервать разговор, поскольку официант стал перечислять названия блюд. Он говорил с очень сильным акцентом, так что Трейси понимала с трудом. Когда официант ушел, Карлос накрыл руку Трейси своей ладонью.

— Ты не возражаешь, если перед едой я произнесу благодарственную молитву?

Трейси смущенно улыбнулась, и Карлос благодарно пожал ей руку. Она опустила глаза и стала слушать.

— Спасибо Тебе, Боже, за пищу, данную нам в радость и... за прекрасную девушку, с которой я буду вкушать эту пищу. Аминь.

Трейси подняла глаза и изумленно уставилась на Карлоса. Он все так же держал ее за руку.

— Кто ты? — спросила она.

Карлос расправил на коленях салфетку.

— Что именно ты имеешь в виду?

Они еще не притронулись к еде.

— Я к такому не привыкла.

— К чему именно?

— Ты так хорошо ко мне относишься. Ты очень заботливый. Мне кажется, ты знаешь все на свете, как будто... В общем, ты слишком уж хороший, так не бывает.

— Извини, — пошутил Карлос.

— Я серьезно. Никогда не встречала такого человека, как ты.

— Это плохо?

— Всякий раз, когда что-то казалось мне слишком хорошим, чтобы быть правдой, так оно и случалось.

— В смысле, оказывалось не таким уж хорошим? Или неправдой?

— И то и другое.

Карлос слушал ее очень серьезно.

— Пока ты будешь есть, я расскажу о себе всю правду, — пообещал он. — А уж хороша она или нет — решай сама.

«Рамат-Рахель»

Мимо проходила группа японских туристов, когда Рэнд резко встал с кресла.

— Куда она могла пойти? У нее нет машины, так что куда она вообще могла деться из отеля, если была одна?

— Куда угодно, — ответила Мири.

— Нет, вы не понимаете. Куда могла пойти пешком девятнадцатилетняя американская девушка? Какие есть варианты? Поблизости нет торгового центра или квартала? Может быть, ей захотелось зайти в парикмахерскую?

— В отеле есть салон красоты, — напомнила Мири. — И магазины. Ей не надо было куда-то идти.

— Но она пошла! Если она ушла из отеля, была же у нее какая-то цель!

— На этот вопрос нет ответа, профессор Баллок. Вы не раз ездили в отель и обратно. И знаете, что он стоит на вершине холма. Дороги в «Рамат-Рахель» ведут через жилые кварталы, и девятнадцатилетней американской девушке, как и всякой другой, пришлось бы пройти пешком километр или два, прежде чем на пути встретится что-то, чего нет в отеле.

— Но ведь можно как-то это выяснить!

Рэнд нервничал.

— Я не знаю, где моя дочь!

Мири тоже встала.

— Профессор Баллок, прошу вас, сядьте.

Мири была ниже его сантиметров на десять, но она придвинулась вплотную и так пристально посмотрела ему в глаза, что Рэнд опустил в кресло и нахмурился.

— Я сделаю все, чтобы вам помочь, — сказала Мири, как отрезала. — Мне понятно ваше беспокойство...

— Я должен ее найти. Куда пойти искать ее?

— Это последнее, что стоит делать. Вы должны оставаться здесь на случай, если она вернется.

— Вы правы, — согласился Рэнд и посмотрел на двери отеля.

И вдруг Мири щелкнула пальцами, словно ее осенило.

— Вы не искали в номере ее паспорт?

— Нет, — удивился Рэнд. — Думаете, она решила уехать из страны?

— Нет. Просто в паспорте должна быть фотография.

— О черт, конечно!

— Идите в номер. Я подожду здесь. Если найдете паспорт, я попрошу администрацию отеля, чтобы фотографию показали всем сотрудникам. Возможно, Трейси где-то на территории гостиницы и кто-нибудь узнает ее по фотографии. Или кто-то видел, как она уходила.

— Хорошо.

Рэнд пошел к лифту.

— И еще, профессор Баллок.

— Да?

— Можно ваш мобильный?

— Зачем?

Мири терпеливо улыбнулась.

— Обещаю вернуть.

Рэнд достал из кармана телефон и протянул ей.

— Зачем он вам?

— Долго объяснять, а учитывая обстоятельства, время дорого. Вы согласны?

— Да, конечно.

И Рэнд быстро пошел к лифту.

75

29 год от Р. Х.

Иерусалим, Храмовая гора

Ионатан, сын Анны, никогда не отличался добродушием, но после того как в прошлом году умерла его жена Мириам, стал угрюм и нелюдим. Увидев, как шурин приближается ко Двору язычников, Каиафа приготовился к долгому неприятному разговору о том, в каком состоянии находятся загоны и купальни для овец.

Но оказалось, Ионатан принес новости.

— Тот рабби из Галилеи, которым ты так интересовался, сейчас у Овечьей купальни, — сказал он.

Овечью купальню, или Вифезду, где били подземные источники, загоразживали портики Храма, но она была совсем близко. Вокруг нее — пять колоннад в том же стиле, в каком при Ироде Великом было изготовлено новое убранство Храма. Там часто можно было видеть больных, слепых, увечных, парализованных. Многие считали, что вода в Овечьей купальне обладает исцеляющей силой. Если чудотворец хотел показать свои способности, лучшего места, чем Вифезда, не найти.

Каиафа открыл было рот, но промолчал. В разговоре с Ионатаном приходилось осторожно подбирать слова, особенно после смерти Мириам. Ионатан знает, что Каиафа ждет пришествия Мессии, но относится к этому ожиданию с нескрываемым презрением.

— Что он делает?

— Ничего, — скривился Ионатан. — Я долго смотрел на него. Он просто стоит там со своими учениками и смотрит на убогих, как пастух на овец.

— Он никого не исцелял?

— В Шаббат? Нет. И даже виду не подал, что собирается что-то делать.

— Так зачем он туда пришел?

Ионатан пожал плечами, словно говоря: «Кто знает!»

Каиафа кивнул, скрывая нетерпение. Иногда он представлял себе сцену у Овечьей купальни. Когда придет Мессия, он исцелит всех этих несчастных! Исполнит пророчество Иеремии, который сказал: «Я приложу ему пластырь и целебные средства, и уврачую их... и возвращу плен Иуды и плен Израиля, и устрою их, как вначале». Он обратит увечных и слепых в воинов правды! Уничтожит нападающих на нас, изгонит тех, кто отправил нас в изгнание! Если человек из Галилеи и вправду от Бога, конечно, он должен был пойти к Вифезде!

— Здесь я дела закончил, — сказал Каиафа. — Думаю, пора мне самому посмотреть на этого человека.

Ионатан шел за Каиафой по колоннаде и мраморной лестнице, которые ве-

ли к Овечьим воротам. Они не сделали и десяти шагов, как увидели толпу, главным образом из фарисеев, которые оживленно разговаривали и размахивали руками. Неудивительно — фарисеи по-другому не умеют.

Но что-то в их словах — а они доносились до ушей первосвященника — заставило Каиафу остановиться. Он прислушался.

— Сейчас Шаббат!

— Ты нарушаешь Закон Моисеев!

Каиафа подошел ближе, чтобы понять, в чем дело. Люди стояли кругом, а в центре — невысокий человек с худыми и бледными ногами. Правой рукой он придерживал зажатую под мышкой свернутую постель. Человек был явно сбит с толку, он с недоумением смотрел на окружающих.

— Исцеливший меня сказал: «Встань, возьми постель свою и ходи».[48]

— Кто? — потребовали ответа сразу несколько человек. — Кто тебе это сказал?

— Я не спросил, как его зовут.

— Никто не может так сказать, — сказал кто-то.

Каиафа подошел к исцеленному и почувствовал дрожь.

— Ты знаешь, кто я такой?

— Ты Кохен ха-Гадоль, — с благоговением ответил тот, глядя на богатые одежды первосвященника.

— Именно так.

Каиафа был на полголовы выше и смотрел на него с состраданием и благоволением.

— Человек, исцеливший тебя, исцелял ли и других? — спросил Каиафа ласково, как отец сына.

— Не знаю.

— Если ты снова увидишь его, узнаешь ли?

— О да, я никогда его не забуду.

— Хорошо. Если еще раз увидишь его, приди ко мне или к этому человеку, — добавил он, показывая на Ионатана, стоявшего у него за левым плечом, — и скажи нам о нем.

Исцелившийся кивнул головой, взглядываясь в лица вокруг, и снова посмотрел на Каиафу.

— Да.

— Ты же не шел через двор Храма, чтобы попасть на другую сторону? Ты ведь знаешь, что это непочтительно?

— Храм Хашема — не место для прогулок! — возмущенно крикнул кто-то из фарисеев.

— О нет, ваше превосходительство! — взмолился излечившийся калека, не обращая внимания на возглас фарисея. — Я иду в Храм, дабы поблагодарить Хашема, будь Он благословен!

— Аминь, — ответил ему Каиафа, и фарисеи повторили это обязательное окончание молитвы.

— Но ты не должен нести с собой постель, — сказал кто-то из фарисеев. — Это неподобающее поведение.

— Это грех!

Человек посмотрел вокруг.

— Тридцать восемь лет эта постель несла меня на себе, — сказал он с чув-

ством. — Шаббат сегодня или нет, я не обменяю эту ношу ни на какую другую.

76

Иерусалим, Старый город

— Я родом из Турции, это ты знаешь, — начал Карлос свой рассказ, а Трейси принялась за еду. — Но Карлос — не мое настоящее имя.

Трейси вскинула брови.

— Да, — подтвердил он. — Когда я родился, меня назвали Кираль Эргуль, а родился я в Эльконду, деревне в провинции Сивас, второй по величине турецкой провинции. И первые мои воспоминания о детстве — это то, как мать будила меня до рассвета, чтобы я пас коров, которых держала моя семья, перегоняя их туда, где побольше травы. А вечером я возвращался домой, и отец бил меня, прежде чем я ложился спать.

Трейси перестала жевать и прикрыла рот рукой.

— Каждый вечер? — изумленно переспросила она. — Он бил тебя каждый вечер? За что?

Карлос пожал плечами.

— Может быть, потому что его отец точно так же бил его. Или потому, что я был его единственным сыном. После моего рождения мать больше не могла иметь детей, а он хотел еще сыновей. Или другого сына, лучшего, чем я. Не знаю, почему именно.

— Он выпивал?

— О да. Очень часто напивался. Но это не играло роли — трезв он или пьян. Бил он меня в обоих случаях.

— Просто ужас какой-то, Карлос.

— Многие годы я считал это единственным способом общения отца с сыном.

— И сколько тебе тогда было лет?

— Так было с тех пор, как я себя помню.

Трейси покачала головой.

— Да. Как грустно. То есть у меня самой не было таких отношений с отцом, какие они должны быть. Но по крайней мере, он меня не бил.

Она подумала, не следует ли быть благодарной отцу хотя бы за это. Он был ей как чужой, но хотя бы не был злым. Может быть, стоит быть признательной и за это? Но ничего такого она не чувствовала.

— Ешь, — напомнил Карлос. — Вкусно?

— Очень, — ответила Трейси, не выпуская вилку.

— В десять лет я сбежал из дому, — продолжал Карлос. — Спрятал одежду и немного еды в хлеву и как-то вечером, когда отец особенно сильно напился, вытащил у него из кармана деньги и навсегда сбежал из Эльконду.

— В десять лет?!

И тут запищал мобильный. Трейси вытащила телефон из кармана, прочитала номер и закатила глаза. А потом спрятала телефон в карман.

— И куда ты отправился?

— В Сивас, столицу провинции Сивас. Когда я добрался до города, уже очень проголодался, но, хотя мне и было немного лет, понимал, что если стану тратить деньги на еду, они быстро закончатся. Поэтому я купил коробку аме-

риканских сигарет и стал продавать их на улице и в кафе — по одной пачке, даже по одной сигарете. Когда я продал все, на заработанные деньги купил еще больше сигарет и снова стал продавать их.

— А что же ты ел?

Карлос улыбнулся.

— Первую неделю я ел лишь то, что выбрасывали уличные торговцы и официанты ресторанов. Но мало-помалу дела пошли на лад: я продавал сигареты, газеты и воду — по утрам у железнодорожной станции, а днем в правительственном квартале. Ты опять перестала есть, — заметил Карлос.

— Просто не верится!

— Ты мне не веришь?

— Да нет, верю... Очень жаль, что тебе пришлось пережить все это.

— Не стоит огорчаться. Конечно, ужасно, когда отец так обращается с собственным сыном, но если бы мой отец был добрее ко мне, я бы никуда не сбежал. А если бы я не сбежал, я не попал бы в Сивас. А если бы я не попал в Сивас, то не встретил бы доктора Карлоса.

77

29 год от Р. Х.
Иерусалим, Храмовая гора

— Его зовут Иешуа.

Каиафа обернулся. К нему обращался тот самый человек, который таскал с собой постель. С их первой встречи прошел час или два, но Каиафа не сразу узнал его. Он сильно изменился, кажется, даже стал выше ростом!

— Иешуа, — повторил первосвященник.

— Да, Иешуа Назарянин.

Каиафа задумался.

— Благодарю тебя. Значит, ты его видел?

— Да, ваше превосходительство. Он нашел меня на наружном дворе и сказал: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже».

— А твоя постель? — спросил Каиафа. — Ты ее потерял?

— Нет, ваше превосходительство, — ответил человек, смущенно склонив голову. — Я оставил ее в Храме как благодарственное подношение.

Каиафа улыбнулся. Такая простота и искренность тронут любого.

— А Иешуа, где он сейчас?

Человек повернулся в сторону Царского портика.

— Он на ступенях у Тройных ворот.

Каиафа поблагодарил и неторопливо направился к Царской колоннаде. Первосвященнику Израиля не подобает спешить.

«Рамат-Рахель»

Рэнд нашел паспорт Трейси в боковом кармане чемодана. Это мог быть только ее паспорт, но он все-таки заглянул в него, прежде чем выйти из номера. И вот он уже подходит к Мири Шарон, ожидающей его в вестибюле, и размахивает паспортом Трейси, как флагом на параде по поводу Дня независимости.

— Вам звонили, — сказала Мири, у нее в руке был его телефон.

— Трейси?

— Нет, кто-то из Центра консервации и реставрации.

— Из Центра... Это, наверное, профессор Елон, насчет свитка.

— Я попросила его перезвонить и прислать сообщение по голосовой почте.

— Да, отлично. А что насчет Трейси?

— Это ее паспорт?

Рэнд понял, что все еще сжимает паспорт в руке.

— Да.

Он отдал документ Мири, а она вернула ему мобильный.

Мири раскрыла паспорт.

— Я отнесу его администратору отеля, чтобы сделали копии фотографии и раздали персоналу отеля — в ресторане, бассейне, спа, везде. И спросили, не видел ли ее кто-нибудь.

— Хорошо.

— Пока я займусь этим, продолжайте ей дозваниваться. Я только что позвонила Трейси с вашего телефона, но никто не ответил. Думаю, вам стоит набирать ее номер каждые три минуты.

Рэнд посмотрел на красивые длинные ноги Мири, когда она стремительно направилась к стойке администратора. Набрал номер дочери. Три гудка, и включилась голосовая почта. Посмотрев, который час, он спрятал телефон, не заметив, что пришло сообщение по голосовой почте.

Иерусалим, Старый город

— Доктор Карлос, — повторила Трейси.

— Да. Мне понравилось в Сивасе с самого начала. Впервые в жизни я понял, как хорошо ложиться спать небитым и засыпать, не чувствуя боли. Когда не нужно пасти коров, каждое утро выводить их на пастбище и каждый вечер загонять в хлев. Когда можно идти куда-то еще — куда захочешь.

— Но тебе было всего десять лет! — воскликнула Трейси. — Ты должен был ходить в школу, играть, кататься на велосипеде.

— Да, может быть, — улыбнулся Карлос. — Но моими друзьями стали торговцы, имамы и правительственные чиновники, люди намного старше меня. Они научили меня многому, чего я никогда бы не узнал в деревенской школе. Особенно хорошо я это понял, встретив профессора Карлоса, человека, который научил меня любить Бога.

Трейси ощутила легкий холодок по затылку, но ничего не сказала. Карлос внимательно смотрел на нее, словно изучая.

— Он был... священник?

— Нет, именно доктор. Врач. Покупал у меня газеты. Запомнил мое имя. Потом спросил, откуда я родом. Понемногу выведал у меня историю моей жизни. Рассказал о своей. И постепенно мы стали друзьями.

Телефон Трейси снова запищал. Раздраженно выдернув его из кармана, она посмотрела на дисплей.

— Извини. — Трейси положила мобильник рядом с тарелкой. — Продолжай.

— Ничего, — ответил Карлос.

Трейси выключила телефон.

— Вот так. Больше нам не будут мешать.

— Так о чем я говорил? Ах да, о докторе Карлосе. Он стал рассказывать мне о Боге, о Его любви ко мне. Научил меня читать Библию. Именно поэтому, как ты понимаешь, живя в турецком Сивасе, я стал верить в Иисуса. Так зачем мне жалеть, что я приехал в Сивас? Понимаешь?

Трейси кивнула.

— Когда я научился грамоте, я стал читать и газеты, которые продавал. Ведь проще продать людям газету, если знаешь ее содержание и можешь рассказать о нем. Даешь лишний повод ее купить. А когда я стал читать газеты, узнал, что в Турции есть университеты, где можно многому научиться. Тогда я подумал: «Это именно то, чем я хочу заниматься».

— Ты жил на улице, продавая сигареты и газеты, чтобы заработать на пропитание, и вдруг решил: «Ха, пойду-ка я учиться в колледж!..»

— Ну, не совсем так.

— Сколько тебе тогда было лет?

Карлос задумчиво наклонил голову.

— Может, двенадцать. Да, думаю, так. Двенадцать лет.

— Но разве в Турции учеба в колледже не стоит денег? — спросила Трейси. — В Америке это очень дорого.

— Да, конечно. Я не знал, сколько именно, но, сама понимаешь, я учился зарабатывать и откладывать и хотел сделать так, чтобы деньги сами делали

деньги.

Он наклонился ближе.

— Доктор Карлос помог мне составить план. В Сивасе есть университет, но я решил в него не поступать. Я хотел поехать в Стамбул, самый большой город в Турции, примерно в семистах километрах от Сиваса. Это целое путешествие для двенадцатилетнего мальчика... Но я уже больше двух лет продавал сигареты, газеты и воду на железнодорожной станции. Многих знал, со многими познакомился. Поэтому вместо того чтобы покупать дорогой билет в Стамбул, я нанялся помощником к проводникам. Кроме того, мне позволили продавать пассажирам американские сигареты.

Трейси положила вилку и взяла стакан с водой.

— Ты больше не голодна? — спросил Карлос.

Трейси кивнула и отпила из стакана.

— Тогда пришло время десерта!

— Нет, — жалобно запротестовала Трейси и поставила стакан. — Я больше не могу.

Карлос взял ее за руку.

— Наверное, я слишком много говорю.

— Что ты, я просто потрясена. Рассказывай дальше.

— Но мы уже пообедали.

— Неважно. Просто поверить не могу, что ты заработал на учебу в колледже, продавая сигареты.

Карлос беспечно улыбался.

— К тому времени это были не только сигареты. В Стамбуле я сразу взялся за дело, как и в Сивасе. Вложил в торговлю все скопленные деньги и практически ничего не тратил на себя. Я знал, что трудно будет подготовиться и сдать вступительные экзамены, но, даже если я сумею это сделать, еще труднее будет заработать деньги на оплату учебы и учебников. Однако я твердо решил добиться своего. Настроился на то, что поступлю в университет, даже если мне потребуется на это лет десять. А хватило четырех, — улыбнулся Карлос.

— Четыре года?

— Я заработал в Стамбуле немало денег и почти все оставил на учебу. И в шестнадцать лет смог поступить в Стамбульский университет.

— В шестнадцать?

— У меня ушло на учебу больше времени, чем у остальных студентов, поскольку пришлось одновременно зарабатывать, чтобы платить за обучение. Обычно мне приходилось спать всего четыре часа в сутки. Но когда я закончил университет, у меня была возможность продать все свои предприятия и уехать из страны на платную стажировку к знаменитому Игалю Хавнеру.

— Твои предприятия?

Трейси показалось, что Карлос немного смутился.

— Да. К тому времени, как я закончил университет, у меня в собственности был небольшой магазин — совсем небольшой — и три торговые тележки. Они приносили доход, и я мог платить за обучение и покупать учебники.

Трейси смотрела на Карлоса с нескрываемым восхищением.

— Ты просто потрясающий человек.

— Из всех сил старался убедить тебя в этом.

Карлос лучезарно улыбался.

80

29 год от Р. Х.

Иерусалим, Храмовая гора

Иешуа Галилеянин был не единственным, кто сидел на ступенях у южного входа в Храм — его окружала самая большая и самая шумная толпа. Каиафа, стараясь не привлечь к себе внимания, подошел ближе.

— Ты признаешься в том, что исцелял в Шаббат?! — гневно крикнул фарисей, потрясая длинными кистями таллиса.

— Почему ты трудился в Шаббат? — спросил другой.

— Отец Мой доныне делает, — ответил рабби. — И Я делаю.

Эти слова заставили Каиафу замереть. Галилеянин упомянул Хашема, чье имя слишком свято, чтобы произносить его всуе, и назвал Его своим Отцом! Каиафа потрянул головой. Может быть, этот человек и правда исцеляет людей, а не только делает вид, но как он может говорить такое?

Каиафа сделал еще несколько шагов и увидел сидящего на ступенях рабби. Это был, как он и предполагал, тот самый человек, который в прошлую Пасху изгонял менял и торговцев из Храма. С тех пор первосвященник не единожды получал донесения о новом рабби-чудотворце, причем самые разные. Рассказывали о человеке, исцелившем многих и изгонявшем бесов, но рассказывали и о том, что он исцелил сына одного из придворных Ирода. У этого же человека, судя по всему, были талмидим — ученики-последователи, как и у других рабби, но среди его талмидим, как говорят, был даже сборщик податей! Рабби наделал немало шума, проповедуя в синагогах по всей Галилее, но в родном Назарете его изгнали из синагоги, едва не побив камнями, за возмутительные слова о Хашеме, который якобы благоволит язычникам. И хуже всего, что произошло это в Галилее.

Какая-то бессмыслица. То, что Каиафа узнавал о человеке из Галилеи, заставляло его надеяться и в то же время убивало всякую надежду. Этот рабби оправдывал ожидания Каиафы... и тут же не оставлял от них камня на камне. Когда до Каиафы доходил какой-нибудь слух, он начинал думать, что назначенный День настал, но проходило совсем немного времени — и рабби вызывал у Каиафы лишь глухое раздражение: первосвященник в который раз убеждался, что человек из Галилеи говорит неподобающие речи и совершает неподобающие поступки.

И теперь этот рабби сидел на ступенях Храма в окружении простолюдинов (это, как видно, его талмидим, решил Каиафа), зевак и обозленных фарисеев. Так же, как год назад у Овечьей купальни.

— Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо отец любит Сына и показывает ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет.[49]

Остановившись неподалеку, облаченный в роскошные одежды Каиафа не верил своим ушам. Так не может говорить рабби. Рабби не произносят такие проповеди. А этот человек говорит слова, какие не придут в голову человеку в здравом рассудке. Он говорит сейчас о себе или имеет в виду кого-то другого?

— Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь.

Каиафа рассвирепел. Саддукеи не верят в загробную жизнь. Они считают, что человек должен сделать все, что ему отпущено, в этой жизни, поскольку другой ему не дано. А этот рабби открыто пренебрегал возможностью заручиться поддержкой могущественной части духовенства.

— Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат голос Сына Божия и, услышав, оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий.

Каиафа почувствовал, что сердце заколотилось как бешеное. Он понимал, что не он один так воспринимает речи этого рабби. Фарисеи, да и не только они, вскрикнули от возмущения.

— Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, — спокойно, но властно произнес галилеянин, обводя рукой долину Кедрон, на склонах которой было множество гробниц. — И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения. Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо ищю не Моей воли, но воли пославшего Меня Отца. Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует Мне. Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине. Впрочем, Я не от человека принимаю свидетельство, но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его. Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня. И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне. А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели; и не имеете слова Его, пребывающего в вас, потому что вы не веруете Тому, Которого Он послал. Исследуйте Писания, — голос его звучал все печальнее, — ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне! Но вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь.

Эти слова вызвали у фарисеев хохот. Они насмехались над оратором и выкрикивали обвинения — не только рабби, но всем стоявшим вокруг него и зачарованно внимавшим. Однако бешенство фарисеев, казалось, нисколько не поколебало учителя. Он отрешенно смотрел на них, терпеливо ожидая, пока крики стихнут. А дождавшись тишины, продолжил:

— Не принимаю славы от человеков, но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу. Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете. Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете? Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете.

Каиафа открыл рот в изумлении, а фарисеи настолько взбесились, что, как ему показалось, готовы были броситься на рабби прямо здесь, перед лицом толпы у стен Храма.

- Кто ты такой, чтобы говорить это?!
- Ты преступаешь Закон Моисеев и смеешь обвинять нас?!
- Он преступник!
- Он назвал Хашема Отцом своим!
- Он нарушает Шаббат!
- Как ты смеешь говорить нам о Моисее?!

Но рабби продолжал говорить, повысив голос, чтобы его было слышно.

— Да, я говорю о Моисее, которого вы, по словам вашим, столь чтите. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам?

Снова раздались протестующие выкрики, и Каиафа решил, что ему пора оставить спорщиков, которых вывел из себя этот человек из Галилеи. У Каиафы кружилась голова. Нужно обдумать все, что он услышал. А сейчас подальше от толпы, от Храма, от всего, что здесь происходит.

То, что говорит этот человек, просто безумие. Но слова его взвешенны и убедительны — ясно, что он не безумец. Когда рабби упомянул Иоанна Крестителя, Каиафа понял, что это именно тот человек, о котором говорил ему Никодим. Очевидно, совершаемые им чудеса видели уже многие.

Каиафа пересек долину Кедрон и вышел в Гефсиманский сад. Если этот человек от Хашема, если рассказы о совершенных им чудесах — правда, разве не должен он объединять евреев, а не разделять их? Не должен ли он проповедовать против Рима, вместо того чтобы изобличать фарисеев? Если он и правда послан Богом, то должен куда лучше понимать, какие слова нельзя бросать в лицо фарисеям! Слова о том, что их обвинителем будет Моисей, которого равно почитают фарисеи и саддукеи, но фарисеи особенно — в силу их фанатичной приверженности Закону! Глупо. И опасно. Это все равно что...

Каиафа задумался, подыскивая сравнение. Все равно что...

И вдруг понял.

«Да, — подумал он, поворачиваясь к сверкающей белым известняком величественной Храмовой горе. — Все равно, что прийти в Храм... и сказать толпе саддукеев, что они превратили дом Господа в торжище».

«Рамат-Рахель»

— Что? — Мири говорила по мобильному телефону. — Где?

Рэнд внимательно смотрел на нее, вслушиваясь в каждое слово.

— Ты уверен? Как давно?.. Хорошо, держи меня в курсе. Сообща, если что-то изменится.

Она закончила разговор и повернулась к Рэнду.

— Пойдемте.

— Куда?

Мири направилась к дверям отеля.

— Садитесь в машину, — бросила она через плечо.

Рэнд пошел следом к патрульной машине, и через минуту они уехали из «Рамат-Рахель».

— Что происходит? — спросил он.

Мири свернула на улицу Эмек-Рефаим, вклинившись в поток машин.

— Она неподалеку, — сказала Мири, включая проблесковый маячок и сирену.

— Что? Вы знаете, где она? — всполошился Рэнд.

Мири кивнула.

— Откуда?

— Ее мобильный.

— То есть?

Навстречу им на большой скорости летел панелевоз, и Рэнд непроизвольно прикрыл лицо рукой, но Мири молниеносно бросила машину в сторону и тут же снова встроеилась в полосу.

— Я дала нашим техникам номер телефона Трейси. С помощью GPS и чего-то там еще они определили ее местонахождение. Пока при ней мобильный телефон, мы будем знать, где она находится. По крайней мере, где только что была.

Рэнд вздрогнул. Ему и в голову не приходило, что Трейси и ее мобильный могут находиться в разных местах. Как и то, почему такое может произойти. Он невольно помотал головой, чтобы прогнать подобные мысли.

— И где она?

— В Старом городе. В армянском квартале. Неподалеку от Яффских ворот.

— В Старом городе? Как она там оказалась?

— Я догадываюсь, — ответила Мири, снова бросая машину из стороны в сторону и чудом ускользая от столкновения с городским автобусом, который боком свернул к тротуару.

— И что вы думаете? — спросил Рэнд.

— Ресторан, — ответила Мири.

— Ресторан?

Она кивнула.

— Большая часть армянского квартала — закрытая территория большого монастыря, уже несколько столетий. Кроме монастыря, остальные памятники, не считая нескольких церквей, к которым устремляются туристы, сосредоточены у Яффских ворот. А рядом с Яффскими воротами...

Мири притормозила, каким-то чудом не сбив запряженную осликом повоз-

ку — правивший ею сухой старик то ли не слышал полицейской сирены, то ли не обращал на нее никакого внимания.

— ...находится известный ресторан, его называют армянской таверной, — закончила Мириам как ни в чем не бывало.

— Значит, она там.

— Я думаю, да.

Рэнд обеими руками ухватился за приборную доску, когда Мири заложила головокружительный вираж, съезжая с главной дороги, и остановила машину у бетонных столбов, отгораживающих стоянку с автобусами, грузовиками и повозками от пешеходного перехода к Яффским воротам.

Сержант Шарон вышла из машины, пробежала под воротами и свернула направо, к армянской таверне.

82

Иерусалим, Старый город

Рэнд вошел в армянскую таверну вслед за Мири, спускавшейся по узкой лестнице. Повернув за угол, они оказались в ресторане и стали искать глазами Трейси.

— Вы ее видите? — спросила Мири.

Освещение было тусклое, но, несмотря на это, с того места, где они стояли, были видны все столики, может быть, за исключением одного-двух.

— Нет, — ответил Рэнд.

Он сделал несколько шагов вперед, чтобы увидеть столики справа, за углом, но Трейси не увидел.

— И там ее нет.

Мири достала паспорт Трейси из нагрудного кармана и подошла к молодой женщине в униформе: белая рубашка, черная юбка. Показав фотографию, Мири что-то быстро сказала на иврите. Ее собеседница начала оживленно кивать и показала на столик в самом углу.

Там никого не было.

30 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Каиафа увидел Малха, который вошел во двор и терпеливо стоял у высокого куста хны, поднимавшегося над его головой на четыре или пять футов.[50] Кайфа опустил глаза к свитку и дочитал до того места, где можно было прерваться. Первосвященник знал, что слуга не посмеет обратиться к хозяину, пока он сам его не окликнет.

— Как моя жена? — спросил Каиафа.

— Она отдыхает, — сдержанно ответил Малх.

Каиафа мрачно кивнул. Со времени смерти невестки Саломея чувствовала себя так, словно была тяжело больна, но он знал, что причина ее недомогания не телесная.

— Он пришел, — сказал Малх.

— Кто? Кто пришел? — удивился Каиафа.

— Рабби. Тот, о котором вы сказали, что он не посмеет явиться сюда на Пасху. Он пришел.

— Где же он?

— На ступенях Храма, во дворе Храма. Везде.

— На виду, одним словом, — уточнил Каиафа.

Малх кивнул утвердительно.

— И проповедует на ступенях Храма. Люди говорят: «Разве это не тот человек, которого ищут священники и книжники? Вот он, открыто проповедует, и они слова ему не скажут». Говорят даже так: «Может быть, власти предержащие решили, что он и есть Христос!»

Каиафа нахмурился и потер переносицу. Этот учитель и чудотворец из Назарета то и дело повергал его в смущение. Каиафа был разочарован. Когда он впервые услышал о Галилеянине, у него появилась надежда.

«Любопытно, — подумал тогда первосвященник, — не Помазанник ли он Божий?»

Даже после того как рабби имел наглость ворваться в Храм и изгнать из него купцов и менял, Каиафа не вынес окончательного суждения. Он решил подождать, пока этот человек из Галилеи докажет свое право поступать именно так, а не иначе или же обнаружит свою несостоятельность.

Но прошли многие месяцы, а рабби ничего не сделал для того, чтобы снискать расположение властителей Израиля. Конечно, шли разговоры о чудесах, совершенных им в селениях и малых городах. К тому времени, когда эти вести достигали ушей первосвященника и фарисеев в Иерусалиме, они обычно обрастали слухами и домыслами... и наверняка были сильно преувеличены. Но, что еще хуже, когда Каиафа или Гамалиил отправляли посланцев, дабы засвидетельствовать совершаемые Галилеянином чудеса, он просто-напросто отказывался их совершать, а то и проклинал их за требование подтвердить свои способности.

В последнее время дошло до того, что многие фарисеи, устав от неуважения, которое рабби-деревенщина выказывал им и Закону Моисееву, настаивали на том, что его надо схватить и казнить, прежде чем он приобретет еще больше последователей. Но у него и так уже сотни учеников, а кое-кто гово-

рит, что и тысячи готовы пойти за ним. Каиафа попал в неловкое положение: с одной стороны, он сдерживал фарисеев, желающих расправиться с новоявленным рабби, с другой — изо всех сил старался отыскать хоть какую-то логику в противоречивых поступках Галилеянина. И Каиафе уже стало казаться, что он не преуспел ни в том ни в другом.

Тяжело вздохнув, он посмотрел на Малха.

— Толпа перевозносит его? Они приветствуют его, как Мессию?

— Они говорят: «Разве Мессия, придя, явит больше чудес, чем этот человек?» — отдельно произнес Малх и пожал плечами, будто давая понять, что у него эти слова вызывают недоумение.

Каиафа бережно положил свиток на скамью и встал. Теребя бороду, он медленно пошел в дом. Малх последовал за ним. Каиафа остановился и покачал головой.

— Вызови начальника храмовой стражи, — распорядился он. — Скажи, что мне надо поговорить с ним.

84

Иерусалим, Старый город

Трейси вышла из дамской комнаты. Возвращаясь к Карлосу, она увидела, что за столиком, где они сидели, никого нет. Замедлив шаг, Трейси тревожно огляделась.

Карлос выходил из мужского туалета.

И тут она увидела отца.

Она преградила дорогу Карлосу и первой подбежала к отцу. У того было странное выражение лица.

— Папа, что ты здесь делаешь? — спросила Трейси.

Она не успела закончить фразу, как отец шагнул к Карлосу и ударил его по лицу с такой силой, словно был чемпионом по боксу. Карлос, никак не ожидавший этого, упал на стул и, не удержавшись, с грохотом рухнул на пол.

— Карлос! — вскрикнула Трейси.

Она хотела удержать его, но все произошло так быстро, что Карлос уже неподвижно лежал на полу, а она размахивала над ним руками. Трейси бросилась на колени и приподняла его голову.

— Карлос, как ты?

Он не отвечал, и Трейси обернулась к отцу.

— Что с тобой?! — закричала она.

«Рамат-Рахель»

С тех пор как они вышли из ресторана, Трейси не сказала отцу ни слова. Когда Рэнд ударил Карлоса, вмешалась Мири Шарон. Она извинилась перед персоналом ресторана, заплатила по счету и подбросила Карлоса к припаркованному «лендроверу». Объяснила ему, как быстрее добраться до Тель-Мареша, вернулась в ресторан и отвезла Рэнда и Трейси в «Рамат-Рахель».

И вот отец с дочерью оказались в гостиничном номере, каждый наедине со своими мыслями. Рэнд перед всеми извинился за свое поведение в ресторане, особенно перед Карлосом, а Карлос, в свою очередь, попросил прощения у Рэнда за то, что доставил столько беспокойства. Но Трейси не сказала ничего, даже Карлосу.

Рэнд сидел на краю своей кровати, а Трейси лежала на своей, свернувшись калачиком и обхватив руками подушку. Она отвернулась от отца, и Рэнд не знал, открыты ее глаза или закрыты. Несколько раз он пытался заговорить с ней, извиниться, объяснить, как волновался, как думал, что может потерять ее. Но Трейси не отвечала и даже не подавала виду, что слышит.

Рэнд жалел, что в номере нет мини-бара. Ему хотелось выпить. С тех самых пор, как он приехал в Тальпиот, Рэнд не пил ничего крепче газировки, а сейчас он бы напился как следует, чтобы забыть, какой он никудышный отец. Но у него не было такой возможности. Он не мог уйти из номера. Не мог работать. Приходилось сидеть, пока дочь осуждающе молчала.

Он и сидел. Слушал. Вспоминал.

Рэнд никогда не думал, что он хороший отец. Студент — да. Археолог — в полной мере. Иногда ему казалось, что он неплохой муж. Конечно, у него не было оснований так считать. Может быть, ему так казалось потому, что Джой была хорошей женой. Терпеливой, понимающей, всепрощающей. Но от ребенка такого терпения ждать не приходится. Малышке, которая только начала ходить, не объяснишь, почему папа отсутствует так долго. И нечего удивляться, что девушка не может простить отца, которого никогда не было рядом и который не знал, что сказать и что сделать, в те редкие минуты, когда они были вместе.

Но Трейси уже не ребенок. В следующем году ей исполнится двадцать. Может быть, уже поздно. Вполне возможно, она никогда не сможет его простить. Что, если он настолько все испортил, что уже не сможет стать таким отцом, какого заслуживает его дочь. А может, она все-таки дочь своей матери и у Рэнда есть еще один шанс? Но сохранилось ли в их отношениях хоть что-то, чтобы можно было начать все заново?

Рэнд опустил голову на грудь. Он не молился уже многие годы и даже не знал, можно ли назвать молитвой то, что он сейчас делает, но тихо попросил, даже не закрывая глаз: «Помоги мне, пожалуйста. Я не знаю, что делать. Не знаю, с чего начать. Даже не знаю, что это такое — быть отцом».

Разглядывая ковер в гостиничном номере, Рэнд задумался над тем, что сказал. И мысль приобрела четкость и законченность. Как будто не сама родилась в его мозгу, а кто-то подсказал ее. Рэнд чувствовал, что она пришла откуда-то извне. Неужели сам Бог ответил на его молитву?

И все-таки это Бог сказал ему: «Начинай прямо сейчас. Прямо здесь. Скажи

Трейси то, что только что сказал мне».

86[51]

30 год от Р. Х.

Иерусалим, Храмовая гора

У Елеазара было лицо человека, готового совершить убийство.

— Этого человека нужно остановить! — прохрипел он сквозь зубы.

Каиафа отвел священника в сторону, под колоннаду, где праздничная толпа была не такой плотной. Он знал, что Елеазар говорит об Иешуа. Рабби из Назарета стал единственной темой разговоров на протяжении семи дней ежегодного Праздника кущей, Суккота. Второе название он получил от шатров из веток (кущей). Эти шатры, или палатки, устанавливали в садах, на крышах, площадях, вдоль городских стен и вокруг Храма. В них евреи жили семь дней праздника в память о тех сорока годах, что их предки провели в Синайской пустыне. Суккот был одним из трех праздников, когда каждый еврей, согласно Закону Моисееву, должен был совершить паломничество в Иерусалим.

Восьмой день, Шмини Ацет, был главным в праздновании Суккота. После утренних жертвоприношений священник возглавлял шествие из храма к купальне Си-лоам, за городские стены. Там он наполнял водой из купальни золотой кувшин, а люди радостно кричали и пели. Затем процессия возвращалась в Храм через Водяные ворота — их стали так называть в честь этого ритуала. Троекратно звучал рог, священник всходил по ступеням, жертвовал на алтарь воду и вино, и кругом раздавались радостные возгласы и пение.

— Он осквернил подношение! — продолжал Елеазар. — Едва я сошел с алтаря, совершив возлияние воды, как в толпе прозвучал его голос: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой».

Закончив, Елеазар развел руками от возмущения.

— Да, знаю, — сказал Каиафа.

Он сам видел это. Иешуа стоял в Воротах Никанора, между Двором израильтян и Двором женщин, где собрались толпы молящихся.

— Они говорят, что он Мессия! — добавил Елеазар.

— Не все, — покачал головой Каиафа.

— Не станешь же ты говорить, что он не представляет никакой опасности!

— Нет, не стану. Не беспокойся об этом, Елеазар. Страже отдан приказ схватить его, как только представится подходящий случай. Незачем давать повод для мятежа.

Однако на следующий день, когда палатки убрали и толпы паломников начали редеть, рабби из Галилеи все еще не схватили. Каиафа вызвал начальника храмовой стражи в Зал тесаных камней. С ним были Елеазар и несколько фарисеев, в том числе Никодим. Начальник стражи пришел с четырьмя своими подчиненными.

— Ну? — спросил его Каиафа. — И где тот человек, которого вам приказано было схватить? Почему вы не привели его с собой?

Начальник храмовой стражи бросил гневный взгляд на своих спутников.

— Ваше превосходительство, — начал он, обращаясь к Каиафе, но не сводя

глаз с подчиненных, — вот те люди, которым я приказал выполнить ваш приказ.

Стражи посмотрели на Каиафу, на своего начальника — и снова на Каиафу.

— Ваше превосходительство, мы пробовали... — нерешительно сказал один из них.

— Пробовали? — переспросил Каиафа. — Вы пробовали? Моя стража пробует сделать что-то? Или просто исполняет свои обязанности?

— Ваше превосходительство, — другой страж с опаской оглянулся на начальника, — нам было приказано схватить этого человека, когда рядом не будет толпы, а лучше совсем без свидетелей.

— Да, это так. И что же?

— Толпа постоянно окружает его. Не было ни малейшей возможности.

Каиафа всем своим видом выразил презрение.

— Ни малейшей возможности, — повторил он. — Вы думаете, я поверю, что этот человек никогда не остается один? Что толпа окружает его день и ночь?

— Но это так, — отвечал страж. — Никто не говорит таких слов, как он.

Молодой фарисей Савл вышел вперед.

— Он и вас одурачил? — с багровым от ярости лицом спросил он стража. — Скажи мне, хоть один из священников или фарисеев ему поверил? Или, может быть, члены Синедриона, властители народа нашего, стали его талмидим? Нет! Но чернь, толпа, ничего не знающая о Законе... Будь они прокляты!

Никодим примиряюще поднял руки. За последние недели Каиафа не раз видел этот жест.

— Народ Израиля, разве Закон наш позволяет осуждать кого-либо, ни разу его не выслушав? Кто из нас дал Галилеянину такую возможность?

Савл повернулся к Никодиму.

— Ты что, тоже из Галилеи?! — крикнул он. — Посмотри в Писание и увидишь, что не бывает пророков из Галилеи. Этот человек опасен для всех нас! Его нужно остановить.

«Рамат-Рахель»

Рэнд встал с кровати и повернулся к Трейси. Она все так же лежала, повернувшись к нему спиной и прижав к груди подушку. Сейчас она выглядела младше своих лет, как подросток, а не девятнадцатилетняя девушка. Рэнд снова опустился на кровать, глядя на спину дочери.

— Трейси, я не знаю, что делать, — начал он. — Не знаю, с чего начать. Я понимаю, сейчас ты обижена на меня и тебе трудно посмотреть на все трезво, не то что поговорить со мной.

Он помолчал, подбирая нужные слова.

— Поэтому ты не обязана что-то говорить. Я только надеюсь, что ты выслушаешь меня. Дашь мне шанс, даже если я этого не заслуживаю. Я испугался, Трейси. Я очень испугался. Уговаривал себя, что с тобой все в порядке, что все будет хорошо, но ничего не получалось. Я был в ужасе от мысли, что могу потерять тебя, что сейчас придут и скажут, что ты пропала, ранена... или что похуже. Это был мой самый страшный кошмар, такой же, когда я потерял твою маму.

Внезапно глаза его наполнились слезами. Рэнд перевел дух, чтобы говорить спокойно, но голос выдавал его. Нелегко было вспоминать о смерти жены.

Трейси лежала не шелохнувшись. Рэнд не знал, слушает она его или спит, но продолжал говорить.

— Когда я увидел с тобой Карлоса, злость и страх будто вырвались наружу, и я ударил его. Пойми, я думал, что это он заморочил тебе голову. По твоей реакции я сразу понял, что он ни в чем не виноват! Я увидел, что он тебе не безразличен, и тут же пожалел о том, что сделал. Но было уже поздно.

Замолчав, Рэнд наклонился вперед, облокотившись на колени и сжав руки. Ему казалось, что он потерял первоначальную мысль, забыл, о чем он на самом деле хотел сказать.

«Зачем я все это говорю?» — спрашивал он себя.

И не находил ответа.

— Я даже не знаю, зачем говорю тебе все это, Трейси. Наверное, просто хочу объяснить, что мне очень жаль, что все так получилось.

Он умолк и посмотрел на Трейси — обратила ли она внимание на его слова? Но все было по-прежнему.

— Я знаю, что окончательно разочаровал тебя как отец. Черт возьми, да я разочаровал самого себя! Все дело в том, что я даже не понимаю, как должен вести себя хороший отец. Единственное, что я слышал от своего отца, это «заткнись» и «не хнычь». Когда ты родилась, я понятия не имел, как стать тебе хорошим отцом. И когда ты была маленькой, и уж тем более сейчас, когда тебе уже девятнадцать. Ведь ты почти взрослая. Но я хочу научиться, Трейси, правда хочу. Хочу стать таким отцом, который тебе нужен... ведь ты этого заслуживаешь. Но я просто не знаю, как это сделать. Конечно, это звучит глупо, особенно теперь, когда прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как ты родилась, но это правда.

Слезы снова душили его, и Рэнд стал искать платок. Но не нашел и вытер глаза тыльной стороной ладони.

— Я очень хочу научиться, Трейси. Мне сейчас больше ничего не надо. Но наверное, сам я так и не пойму, как это сделать. Мне нужна твоя помощь. Конечно, я должен бы знать, что это такое, но я не знаю. Если ты сможешь простить меня и помочь хоть немного, скажи, что мне делать, что я делаю не так. Я буду очень благодарен.

Рэнд помолчал, чтобы сдержать поднимающиеся в горле рыдания.

— Я обещаю... обещаю тебе, что изо всех сил постараюсь стать хорошим отцом.

Он посмотрел на дочь, надеясь, что она повернется к нему. Если бы она улыбнулась! Или заплакала. И назвала бы его папой.

Но Трейси не двинулась с места. Рэнд тихонько встал, обошел кровать и заглянул ей в лицо.

Трейси спала.

88[52]

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Зал тесаных камней

Вокруг Каиафы громко спорили и перешептывались, стоял ровный гул.

«Совсем как пчелиный рой или стая саранчи в засуху», — подумал Каиафа.

Семьдесят один член Синедриона, включая его самого. Священники, влиятельные фарисеи заполнили Зал тесаных камней вскоре после того, как пришла весть из Вифании, небольшой деревушки к востоку от Иерусалима, до которой можно было дойти даже в Шаббат.

Известия доходили отовсюду, были противоречивы, но суть — одинакова. Иешуа, знаменитый рабби из Галилеи, пришел в Вифанию во время шива, семи дней, когда оплакивают умершего, и покойник по имени Лазарь... восстал из гроба! Иешуа воскресил его из мертвых! Вести об этом распространялись по всей стране, и многие открыто объявляли Галилеянина Мессией. По этой причине и собрался Синедрион.

Каиафа, как первосвященник, призвал собрание к порядку, но это мало что изменило.

— Властители Израиля! — несколько раз воззвал Каиафа. — Дайте сказать Иосифу Аримафейскому! Он с нами! Он хочет говорить!

Иосиф Аримафейский поднялся с места, и крики постепенно перешли в шепот.

— Здесь не может быть никаких разногласий. Я был там. Я свидетельствую. Лазарь из Вифании умер. Его положили в гроб. Иешуа воззвал к нему, и он восстал из гроба. И теперь Лазарь жив!

— Будь Иешуа чудотворец, он не дал бы ему умереть! — крикнул один из священников. — Почему он не исцелил Лазаря?

В зале снова зашумели, и Иосифу Аримафейскому пришлось перейти на крик.

— Его там не было! Он пришел туда после того, как Лазарь умер!

Он выкрикивал это снова и снова, пока не охрип.

Но члены Синедриона говорили уже о том, что произошло в Вифании. Они спорили о самом Иешуа. Некоторые призывали к осторожности, другие предлагали вызвать Иешуа на Совет. Третьи ожесточенно протестовали против самой возможности признать правоту странного учителя из Галилеи — пря-

мо или косвенно. Фарисеи расходились во мнениях, но саддукеи были заодно.

— Он угрожал разрушить Храм сей! — вскричал Ионатан, сын Анны. — Многие из вас слышали это богохульство собственными ушами!

— Он сказал, что воздвигнет его на том же месте в три дня, — возразил один из фарисеев. — Разве человек, воскрешающий мертвых, не способен на такое?

— Вы не понимаете! — закричал Елеазар. — Чего вы добились? А этот человек добивается своего, творит чудеса, и все больше людей идет за ним. Если мы оставим все как есть, у него будет все больше и больше последователей, и это привлечет внимание префекта!

— Ирод уже хотел бросить его в застенок в Галилее! — крикнул кто-то.

— Неужели вы думаете, что римляне будут терпеливы, как мы? — добавил Ионатан.

— Конечно нет, — ответил ему Елеазар. — Вы сами знаете, римляне долго раздумывать не станут. Они не будут разбирать, где этот человек и его ученики, а где народ. Где его последователи, а где мы, преданные Закону и Храму. И не пощадят никого. Просто уничтожат — и страну нашу, и народ наш.

— Но что, если этого человека наделил такой силой сам Хашем? — спросил Никодим. — Что, если он действительно послан, чтобы освободить нас от римлян?

— Ты не понимаешь, что говоришь! — в гневе воскликнул Каиафа.

Казалось, его сейчас хватит удар.

— Ты ничего не знаешь! Понятия не имеешь, что для тебя лучше — лучше для всех нас, — чтобы один человек умер за всех или чтобы исчез с лица земли весь народ наш!

Все вскочили с мест и стали кричать на Никодима, Иосифа и нескольких других членов Синедриона, которые проявляли непозволительную мягкость. Когда большинство пришло к согласию, несколько человек покинули зал. Оставшиеся сошлись на одном. Поскольку приближается Пасха, нужно оповестить всех в Иудее, что каждый, кому известно, где находится Иешуа, должен оповестить об этом Синедрион. И тогда Иешуа схватят.

«Рамат-Рахель»

Рэнд проснулся и посмотрел в окно. Светило солнце. Он прикрыл глаза и снова открыл, чтобы убедиться, что это не сон.

Трейси сидела за столом. Она была одета и, по-видимому, уже давно смотрела прямо на него. Оторвав голову от подушки, Рэнд взгляделся. Да, она смотрела ему прямо в глаза.

— Привет, — сказал он, приподнимаясь на локте. — Ты рано встала.

— Нет. Это ты спал долго.

Рэнд сел.

— Который час?

— Почти одиннадцать.

— Ты шутишь?

— Нисколько. Тебе все время звонят, и пришла куча голосовых сообщений. — Она взмахнула телефоном, который все это время держала в руке.

Рэнд потер лицо, чтобы прогнать остатки сна, но все еще не мог прийти в себя.

— Поверить не могу, что столько проспал.

— Ты очень устал вчера, — заметила Трейси.

Рэнд внимательно посмотрел на нее. Трудно сказать, она все еще злится на него или нет. Но что-то в ней изменилось, это точно. Вот только что?

— Ну да, — со вздохом согласился Рэнд. — Когда ведешь себя так по-дурацки, это очень утомляет.

Трейси ничего не ответила.

— Кто звонил? — спросил Рэнд.

— С двух номеров. — Она пожала плечами. — Один — какой-то Жак.

Она бросила ему телефон.

Поймав мобильный, Рэнд просмотрел последние звонки и положил телефон на кровать.

— Что-нибудь важное? — спросила Трейси.

— Да. Это насчет свитка.

— Насчет свитка? Что же ты не перезвонишь? Неужели тебе не хочется узнать, что там?

Рэнд вздохнул.

— Конечно, хочется. Но есть вещи более важные.

— Например? — Трейси подобрала ноги и обхватила их руками.

— Трейси, я многое хотел тебе сказать. Я попытался было вчера вечером, но ты...

— Я тебя слушала.

— Что?

— Я слышала почти все, что ты говорил.

— Я думал, ты спишь.

Трейси уперлась подбородком в колени.

— Я правда заснула. Наверное, ты еще говорил.

Она взглянула на Рэнда. Их взгляды встретились, и какое-то время отец и дочь молча смотрели друг на друга. Наконец Трейси опустила глаза.

— Я вчера так разозлилась, я... просто не знала, что делать. Не могла ду-

мать спокойно. И разозлилась еще больше, когда ты начал говорить, потому что вступать с тобой в разговор мне хотелось меньше всего. Я думала, что бы ты мне ни говорил, станет только хуже. Но когда ты сказал, что не знаешь, что это такое — быть отцом, я засомневалась.

Она умолкла и снова на него посмотрела.

— Я поняла, что никогда не относилась к тебе просто как к человеку, понимаешь? То есть ты же мой папа, значит, ты всегда должен знать, что делать, что говорить, догадываться, что мне нужно. Я и представить не могла, что ты можешь этого и не знать. Ведь маленькие дети уверены, что взрослые все знают. Но вчера вечером я как будто впервые узнала тебя по-настоящему.

В глазах Трейси появились слезы.

— Я слышала настоящие слова, а не... «папочкины речи», ну, все то, что родители обычно говорят детям, вроде «я тебя люблю», «ты у меня красавица» или «прибери в своей комнате». Но вчера я была слишком зла на тебя, чтобы что-то ответить или хотя бы дать понять, что слушаю. Но я слушала. Я давно встала и с тех пор сижу здесь и думаю.

Трейси смущенно улыбнулась.

— Особенно о своем поведении.

Она подошла к отцу и села рядом. Рэнд в изумлении смотрел на дочь, пораженный этой неожиданной переменой. И не только в ней, хотя она казалась совсем другим человеком, чем та девушка, что приехала к нему на раскопки всего пару дней назад. Он и сам изменился. Казалось, в эту самую минуту наступает поворотный момент в их жизни, вроде падения Берлинской стены. Причем что-то происходит не только с ним, но и в нем самом. Рэнд опустил голову и пытался совладать с нахлынувшими чувствами.

— Я вела себя как соплячка, — продолжала Трейси. — Эгоистично и безответственно. И хочу извиниться. Я считала, что в моих проблемах виноваты ты и твоя дурацкая работа. Ну и что, что ты — не самый лучший отец в мире? Могло быть куда хуже.

Трейси махнула рукой, будто отгоняя эту мысль.

— Но то, что ты сказал вчера вечером, очень много для меня значит.

Голос ее дрожал.

— И я даже не знаю, смогу ли сделать то, о чем ты меня просил. Не знаю, получится ли у меня помочь тебе стать хорошим отцом. Я не знаю, смогу ли стать тебе хорошей дочерью. Но может быть...

Трейси опять замолчала, и Рэнд увидел, что слезы текут по ее лицу.

— Может быть, если мы оба попытаемся помочь друг другу, ты научишься быть отцом, а я... научусь быть дочерью.

Рэнд обнял Трейси за плечи и притянул к себе. Казалось, у обоих прорвались наружу все чувства, накопившиеся за девятнадцать лет.

«Рамат-Рахель»

Они сидели на кровати обнявшись и плакали, когда зазвучал вибровозвонк телефона Рэнда.

— Может, ответишь? — сказала Трейси. — Наверное, важный звонок.

Разомкнув объятия, Рэнд не глядя отодвинул мобильник подальше.

— Думаю, у меня теперь другие критерии важности.

— Да ты что! — Трейси немного выпятила нижнюю губу.

— Точно, — ответил Рэнд, понимая, что она хочет подшутить над ним. — Не хочу повторять одни и те же ошибки. В отношении тебя.

— Все равно мне надо идти умываться, — пожала плечами Трейси.

И она заперлась в ванной. Открыла кран, посмотрела на себя в зеркало. Убрала за уши пряди волос. Щеки красные, веки опухли...

Трейси была изумлена. Никогда еще ей не доводилось так откровенно разговаривать с отцом, и теперь это ее испугало. Отец говорил с ней искренне, в этом она не сомневалась. Но что, если одной искренности недостаточно? Может быть, проблема не только в том, что можно знать, как быть отцом, а можно не знать? Он почти двадцать лет играл роль «отсутствующего отца», сможет ли он теперь стать другим? Ведь дело не в том, захочет ли он меняться, а в том, сможет ли.

А она сама? Сумеет ли она изменить свое отношение к отцу? Сможет ли откровенно признаться ему в этом, когда заметит, что он не обращает на нее внимания, не заботится о ней, или оставит язык за зубами, как поступала до девятнадцати лет? Сможет ли она найти слова, чтобы выразить то, что чувствует и думает?

Чем больше Трейси думала об этом, тем меньше верила, что что-то в их отношениях может измениться к лучшему. Она всем сердцем хотела ему верить. Очень хотела, чтобы он изменился. Только бы все ее надежды не оказались тщетными. Потому что, если все вернется на круги своя, будет очень больно. Она этого просто не выдержит.

— У меня ничего не получится, — сказала Трейси своему отражению в зеркале. — Я не смогу.

И она начала умываться.

31 год от Р. Х. Иерусалим, Верхний город

Солнце вставало над Иерусалимом, когда первосвященники и один из наиболее влиятельных саддукеев собрались на крыше дома Каиафы, где было прохладнее. Каиафа сосчитал всех, прежде чем начать разговор. Обычно он не начинал говорить до прихода тех, без кого нельзя принять решение, конечно, за исключением Анны, который слишком стар и грузен, чтобы подняться на крышу по узкой лестнице. Но отсутствие тестя не особенно беспокоило Каиафу.

На последнюю встречу, где речь шла об Иешуа Назаряnine, фарисеев не пригласили. Не только потому, что Каиафа заметил, что некоторые из них — Никодим, Иосиф Аримафейский и еще двое — все больше склонялись на сторону этого человека из Галилеи и верили тому, что он говорил в своих проповедях. Каиафе даже донесли, что они предупредили рабби о планах Ирода схватить его в Галилее. А ведь это он, Каиафа, послал к Ироду гонца, чтобы договориться об этом. С другой стороны, фарисеи были мелочны: их возмущало то, что Иешуа нарушает Закон Моисеев — исцеляет в Шаббат, не совершает омовения рук перед трапезой, отрицает устные заповеди и тому подобное. Некоторые из фарисеев даже готовы были согласиться с его утверждением, что среди них, как и среди саддукеев, слишком распространены ханжество и лицемерие. Да и большинство их, похоже, совсем не беспокоили слова и поступки Иешуа, оскорбляющие священников. Он то и дело говорил о разрушении Храма, словно подготавливал людей к тому, что конфликт с Римом неизбежен. Впрочем, этот конфликт может вызвать он сам.

Только за последние дни Каиафе не раз докладывали, что этот человек сказал своим последователям, указывая на сверкающие белым известняком стены Храма. «Видите сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне».

Он, в общем-то, пообещал, что «восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это — начало болезней». Дошло до того, что он предрек «мерзость запустения», подобную той, что была два столетия назад, когда правитель Сирии Антиох Епифан поставил в Храме статую Зевса и велел приносить ему жертвы.

Подобные речи раз и навсегда разрешили сомнения Каиафы по поводу рабби из Галилеи. Это ненормальный, который открыто призывает к войне с Римом, а она, без сомнения, закончится опустошением страны и... уничтожением Храма. А может быть, и всех евреев.

В любом случае Каиафа решил, что будет благоразумно обсудить сложившееся положение в узком кругу доверенных лиц.

— Властители Израиля, — начал он, когда все собрались. — Мы не раз говорили о том, что рабби из Галилеи опасен. Мы велели всем, кто знает о нем, докладывать об этом Синедриону. Но никто так и не пришел и не сообщил, где он. Время разговоров закончилось. Скоро Пасха, и он обязан, как все евреи, прийти в Иерусалим. И он придет, он и его ученики. И его должны схватить сразу же. Нельзя позволить ему произносить тлетворные проповеди и впредь, достаточно и того, что он успел сказать.

— Он стал слишком известен! Толпы народа ходят за ним повсюду! — раздались крики.

— Если его схватят публично, поднимется шум, — сказал Александр. — Его последователи могут оказать сопротивление, а их немало.

— Все должно быть сделано тайно, — предложил Ионатан, сын Анны.

— Нет! — воскликнул Каиафа. — Все должно быть сделано при первой же возможности, независимо от того, будет вокруг толпа или нет. С каждым мгновением положение становится все хуже!

— Какая разница, схватить его сейчас или через два дня после Пасхи? — спросил Елеазар.

— Тебе ли это говорить, Елеазар? — удивился Каиафа. — Почему его не схватили два года назад, когда он первый раз пришел в Храм? Тогда ведь ты тоже побоялся толпы, не так ли?

— На Пасху в Иерусалим придет очень много людей, — сказал Ионатан. — В том числе из Галилеи. Из ближних городов. И многие из них верят этому рабби. Если мы схватим его в праздник, волнений не избежать.

Каиафа оглядел всех, кто сидел на крыше его дома.

— Не мы ли властители Израиля? Или мы тоже ученики Иешуа?

— Его надо остановить во что бы то ни стало, брат мой, — жестко ответил Ионатан. — Но не на Пасху, иначе начнется мятеж.

Каиафа почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились. Его шурин обратился к нему «брат мой» вместо «ваше превосходительство». И сделал это намеренно.

Каиафа подумал, стоит ли затевать ссору с Ионатаном. Его отец стареет, а Каиафа четырнадцатый год занимает пост первосвященника. Второй сын Анны все упорнее стремится к власти. Но на этот раз Каиафа решил сдержаться и не стал указывать Ионатану на его ошибку. Есть вещи поважнее, чем даже пост первосвященника. Нужно сохранить страну и народ Израиля, а это значит, надо что-то делать с рабби из Галилеи.

— Это мудрый совет, Ионатан, — без тени улыбки ответил Каиафа. — Его схватят так, что толпы людей, собравшихся на праздник Пасхи, не смогут этому помешать. Когда речь идет о судьбе страны, рисковать не пристало.

«Рамат-Рахель»

Просматривая входящие звонки на мобильном, Рэнд увидел, что Жак Елон звонил ему пять раз. Потом прослушал голосовую почту. Было четыре сообщения.

Первое — от Елона. «Шалом, профессор Баллок, это профессор Елон из Центра консервации и реставрации. Я провел исследования оссуариев, которые вы обнаружили. Хотелось бы поскорее переговорить с вами. Шалом».

Второе сообщение — тоже от Елона, но датированное сегодняшним утром. Оно пришло каких-нибудь два часа назад, и его тон оказался еще более настойчивым, чем первого, которое Рэнд получил вчера вечером, перед тем как они с Мири уехали из отеля. «Шалом, профессор Баллок, это снова профессор Елон. Надеюсь как можно скорее поговорить с вами, так как результаты исследования оссуариев и свитка уже готовы. Свиток обработали, и его можно посмотреть. Было бы хорошо, если бы вы перезвонили мне сразу, как получите это сообщение. Спасибо, шалом».

Третье и четвертое дублировали первое, более короткое. Елон настаивал на необходимости разговора. Рэнд стер сообщения и набрал номер Елона. Тот ответил после первого же гудка.

— Шалом, — поприветствовал его Рэнд.

Он даже не успел извиниться, что не смог перезвонить сразу же. Профессор перебил его и спросил, когда Рэнд сможет приехать. Рэнд ответил, что планирует сделать это как можно скорее, в течение часа.

— Хорошо, — ответил Елон. — Тогда до скорой встречи.

— Свиток хорошо сохранился?

— Мамаш тов.

— Простите?

— Мамаш тов. Да-да, очень хорошо. Свиток в очень хорошем состоянии.

Рэнд дал отбой. Трейси вышла из ванной, и он положил мобильный на кровать.

— Так кто это был? — спросила Трейси.

— Человек из Центра консервации и реставрации. Насчет оссуариев и свитка.

— И что он сказал?

— Сказал, что мы можем прийти и посмотреть свиток.

— О! — неопределенно ответила Трейси.

— Ты не хочешь поехать со мной?

— Запросто!

— Собирайся.

Рэнд встал с кровати и подошел к дочери.

— Я бы хотел, чтобы теперь мы проводили вместе все время, — сказал он. — Если ты не против, твоя помощь очень мне пригодится.

Трейси еле заметно улыбнулась.

— Сколько у меня есть времени?

— А сколько тебе надо? — удивился Рэнд.

Он сам еще не умылся и не побрился, но Трейси, наверное, хочет надеть что-нибудь другое. Хотя вряд ли она сильно его задержит.

— Я готова, — рапортовала Трейси, прихватывая со стола свой мобильный.

93

Западный Иерусалим, Гиват-Рам

Трейси увидела оссуарий сразу, как только вошла в комнату три на три метра и без единого окна. В ней была стерильная чистота. Утопленные в потолок светильники давали немного света, и здесь вряд ли понравилось бы человеку, страдающему клаустрофобией.

Отец только что представил ее профессору Елону. Трейси подумала, что он не слишком приятный человек, скорее странный, к тому же весьма непривлекательной наружности. Тем не менее она улыбнулась и сказала, что рада познакомиться. Теперь все трое разглядывали два целехоньких оссуария.

— В первую очередь я решил исследовать эти оссуарии, полностью сохранившиеся, — объяснил Елон. — Фрагментами других и прочими вашими находками мы займемся позднее.

Рэнд кивнул.

— Что вы выяснили? — спросил он.

Трейси показалась, что Жак Елон улыбается точь-в-точь как какой-нибудь чокнутый профессор из комедии. Она с трудом воспринимала его всерьез, но отец сейчас не смотрел в ее сторону. Поэтому взгляд, которым она хотела спросить: «Он точно не шутит?», остался без ответа.

Профессор Елон потерев бородку и открыл папку с бумагами, которую принес с собой. Заглянув в нее, он заговорил с каким-то странным акцентом.

— Я исследовал камень и следы обызвествления под лупой. Визуальный анализ подтвердил, что обызвествление на поверхности полностью соответствует географическому ареалу и климатическим условиям гробницы, в которой вы обнаружили оссуарии.

Оторвавшись от страницы, он коротко взглянул на Рэнда и снова стал читать.

— Частицы почвы с днищ обоих оссуариев вкупе с пробами обызвествления с нескольких точек на поверхности были изучены с помощью электронного микроскопа. Почва — терра росса, красная глина, которая часто встречается в этом районе наряду с известняком. Это позволяет сделать вывод, что предметы найдены в Сильване, районе Иерусалима.

Трейси посмотрела на отца. В отличие от нее, он хорошо понимает все, что говорит профессор. Отец кивал, и она кивала тоже.

— В известии не содержится включений современного происхождения, — продолжал Елон. — Она глубоко въелась в камень. Не обнаружено никаких признаков применения современных инструментов и механизмов. Изотопный анализ дал картину, соответствующую археологическим находкам в известковых пластах Иерусалима и Иудеи в целом. Соотношение изотопов показывает, что этим предметам около двух тысяч лет.

Манера речи Елона напомнила Трейси ее стоматолога, который мог говорить не переставая, орудуя при этом инструментами у нее во рту и не проявляя ни малейшего сочувствия к ее страданиям.

— А надписи? — спросил Рэнд.

Елон кивнул, переворачивая страницу.

— Анализ надписей подтверждает их соответствие тому времени, когда

происходило обызвествление. Надписи оригинальные, можно утверждать, что они не были сделаны позже.

— Превосходно, — сказал Рэнд.

— Думаю, вы должны быть довольны.

— Вы не провели палеографический анализ?

— Да, конечно, — и Елон перевернул страницу. — Надписи сделаны на арамейском, языке, на котором в этом регионе говорили во времена Второго Храма. Это был повсеместно распространенный язык, хотя местные жители знали и древнегреческий, и древнееврейский.

— А что там написано? — спросила Трейси.

Елон не взглянул в ее сторону, но ответил, положив руку на ближайший оссуарий.

— На этом оссуарии написано «Мириам, дочь Шимона». На этом, — он дотронулся до второго оссуария, — «Иосиф, сын Каиафы».

94

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Зал тесаных камней

Каиафа ждал остальных членов Синедриона. Гомон толпы во дворах Храма здесь, в Зале тесаных камней, казался не громче шепота. Каиафа пришел сюда раньше других, чтобы хоть ненадолго остаться в одиночестве. Ему нужно было время. Он хотел собраться с мыслями и разобраться в том, что происходит.

Непонятно, когда все пошло не так, как он задумал. Каиафа всегда был непоколебим в своем желании стать праведным первосвященником и восстановить добродетель в народе Израилевом. Его никогда не покидала надежда дожидаться пришествия Мессии, увидеть, как еврейский народ освободится от власти Рима и станет народом Божиим, как Хашем заповедал Моисею. Каиафа всегда, как и теперь, желал этого больше, чем чего-либо. Но на пути, который он избрал, его поджидало столько неожиданностей... Он далеко не всегда был уверен, какое решение праведное, особенно когда средства не соответствовали целям. Так, как сейчас.

Какое право имел первосвященник Израиля, Помазанник, бросить в темницу любимого в народе рабби, прославленного чудотворца? Как могло произойти, что еще два года назад он видел в этом человеке нового Моисея, который выведет народ из римского рабства, а теперь он согласен на все, лишь бы предотвратить волнения и чтобы его народ не был уничтожен римлянами? Может ли избавитель целого народа заслужить большую любовь и уважение? Сумеет ли кто-то повторить его деяния, о которых столько говорят, если Бог не стоит у него за спиной? Неужели Каиафа, препятствуя тому, чтобы учение этого человека распространялось все дальше и дальше, хочет остановить того, о чьем пришествии он молил Бога все эти годы?

Каиафа опустил на каменное сиденье. Наклонил голову, так что его недлинная борода коснулась груди. Он не может понять этого. Человек из Галилеи противопоставлял себя властителям Израиля и пресекал любые попытки обратить его проповеди против Рима, а не против старейшин. Похоже, у Галилеянина были совсем другие планы, чем у Каиафы. И чем у любого из пророков.

Каиафа услышал шаги. Конец покою. Он договорился встретиться здесь с Ионатаном и Александром. Они снова прикажут начальнику храмовой стражи задержать Иешуа сразу после Пасхи, прежде чем он опять удалится в сельскую местность.

Но в зал вошел не Ионатан и не Александр. Это был человек в простой одежде, а не в форме храмовой стражи, и у него были глаза зверя, загнанного в угол.

— Кто ты и что здесь делаешь? — надменно спросил Каиафа.

— Простите, господин, — ответил человек, и было видно, что им овладел страх. — Я вижу, вы священник.

— Кого ты ищешь?

— Я ищу кого-нибудь из Совета. Меня зовут Иуда.

95

Западный Иерусалим, Гиват-Рам

Рэнд открыл дверь, пропуская дочь вперед.

— Устала? — спросил он.

— Нет.

Рэнд был уверен, что Трейси говорит неправду, но, с другой стороны, обрадовался такому ответу. Они прошли вслед за профессором Елоном в другую комнату, такую же, как первая, но еще более темную.

Эксперты из Центра консервации и реставрации обработали свиток укрепляющим составом и, осторожно развернув, поместили его между двумя пластинами из специального стекла. Размером он был со стандартный лист бумаги, может быть чуть меньше. Хотя края обтрепались, в целом свиток действительно сохранился на удивление хорошо.

— Один лист? — спросил Рэнд.

— Да, — отозвался Елон. — Небольшой свиток. Ничего необычного.

«Достаточно необычно», — подумал Рэнд.

Он знал, что папирус в древнем мире был не очень-то дешев, чтобы использовать его для обычных писем или записей. Для этих целей предназначалась табула цевата, две деревянные пластины, на одну из которых наносили подкрашенный воск. Буквы в нем процарапывали металлическим стилем, а для повторного использования воск затирали или подплавляли. Пластины перевязывали ремешком или снабжали застежкой, чтобы их можно было закрывать, как книгу. Но листы папируса чаще всего склеивали друг с другом и сворачивали в свиток, похожий на рулон бумаги. Папирус стоил дорого, и его экономили, так что не было ничего необычного в желании уместить письмо на одном листе. Многие ученые считали, что именно это обстоятельство стало причиной краткости, с которой написаны Послание к Филимону, Второе и Третье Деяния Иоанна и Деяние Иуды из Нового Завета.

Но что было удивительно — так это то, что этот лист папируса сохранился и был найден в XXI веке. Возникал вопрос: «Каким образом?» Почему этот свиток в один лист положили в усыпальницу первосвященника Каиафы?

— Такой маленький, — прошептала Трейси.

Рэнд смотрел на свиток как зачарованный, но все-таки перевел взгляд на дочь.

— Ты понимаешь, что эти слова написал кто-то две тысячи лет назад?

— Да, — улыбнулась Трейси. — Здорово!

Рэнд улыбнулся ей в ответ и снова стал изучать свиток.

— Какое вы сделали заключение?

— Что, простите? — переспросил Елон, собрав бородку в кулак.

— Какие выводы? Вы уже исследовали папирус?

— Нет, что вы. Только начали. Взяли небольшой фрагмент, чтобы сделать гранулометрический анализ и определить возраст.

— Ясно. Сколько времени на это понадобится?

— Немного.

— Несколько дней?

— Может быть, быстрее, — пожал плечами Елон.

— Отлично.

Рэнд не мог оторвать глаз от свитка.

Он надеялся, что удастся сделать открытие, но знал по опыту, что в таких делах спешка ни к чему хорошему ни приводит. И все-таки он был немного разочарован.

— Буду с нетерпением ждать от вас сообщения.

И он посмотрел на Трейси.

— Ну что, пойдём?

— Конечно.

Рэнд пожал руку профессору.

— Спасибо вам огромное. Я очень благодарен. Вы проделали большую работу за такое короткое время. Нельзя ли мне получить копии этих отчетов?

И Рэнд показал на листы из папки Елона.

Тот продолжал жать Рэнду руку, а на лице появилось озадаченное выражение.

— Я не понял...

— Что именно?

Рэнд наконец закончил рукопожатие.

— Вы уходите?

— Да. А что не так?

— И вы не хотите узнать, что написано на свитке?

— Я не...

Рэнд стал быстрее моргать от неожиданности.

— Вы хотите сказать, что уже перевели текст?

— Да, конечно. Палеограф поработал и с надписями на оссуариях, и со свитком.

31 год от Р. Х. Иерусалим, Верхний город

Сквозь гвалт голосов, наполнивший его дом, Каиафа расслышал шаги. По первому его зову пришли многие члены Синедриона, когда он оповестил их о том, что Иуда Искарот, один из талмидим Галилеянина, пообещал указать храмовой страже местонахождение рабби. В любом случае решение следовало принять с первыми лучами солнца: по Закону Синедрион не мог собираться ночью, но до наступления дня надо было сделать еще немало дел. Каиафа планировал заключить Галилеянина в собственную тюрьму, высеченную в скальном основании его дома, а за ночь найти свидетелей и необходимые доказательства вины.

В дверях появился Малх. Он едва дышал. Члены Синедриона сидели на скамьях, расставленных полукругом в несколько рядов. Каиафа видел, как слуга окинул взглядом зал и, когда тот заметил первосвященника, дал знак подойти ближе.

— Они схватили его, — задыхаясь, произнес Малх.

— Скоро придут? — спросил Каиафа.

— Я... не знаю, ваше превосходительство.

— То есть как это не знаешь? Они сильно отстали?

— Они...

Малх уставился в пол.

— Они повели его... в дом Анны.

Схватив слугу за плечо, Каиафа вышел с ним во двор. Там, на свежем воздухе и в относительной тишине, он ослабил хватку и поднес руку к глазам.

— Твоя туника. В чем она?

— Прошу прощения, ваше превосходительство, — прошептал Малх, и глаза его расширились от страха.

Каиафа вытер руку о край его одежды.

— Что это?

— Это кровь, — ответил Малх.

— Кровь? Откуда у тебя на тунике кровь? Ты ранен?

— Да, ваше превосходительство. То есть нет, ваше превосходительство.

Малх дотронулся до уха.

— Я был ранен. Один из учеников рабби выхватил меч и взмахнул им, а я... хотел увернуться от удара, но сделал это недостаточно быстро.[54]

— Они на тебя напали? — спросил Каиафа, разглядывая при свете факела туннику слуги.

Почти все левое плечо было залито кровью.

— Только один из них. Я почувствовал резкую боль, и хлынула кровь, но тут рабби встал между мной и своим учеником и протянул руку. Я не успел ничего понять, но кровь перестала течь, и...

Малх нервно ощупал ухо, словно желая убедиться, что оно на месте.

Каиафа взял слугу за подбородок и повернул к себе его лицо. Обычно Малх не лжет, но даже в свете факела было видно, что эта кровь, откуда бы она ни взялась, ему не принадлежала. Каиафа опустил руки.

— Ты сказал, они повели его к Анне. Зачем?

— Я... не знаю, ваше превосходительство. Я сразу пошел сюда, чтобы оповестить вас.

Каиафа задумался. Елеазар пришел по его зову. Александр тоже. Но шурин Ионатан так и не появился. Значит, дело в нем. Ионатан забрал рабби в дом Анны. Зачем? Понятно, что Ионатан при любой возможности будет делать все, чтобы укрепить свое влияние. Но какой толк от того, что он приведет Иешуа к Анне, прежде чем доставит его к Каиафе? Возможно, тут нечто большее, чем уважение к отцу.

Что бы там ни замышлял Ионатан, Каиафа застанет его врасплох. Он с радостью примет любое решение Анны, которого и по сей день в народе Израилевом считают праведным священником. Что ж, тогда тестю придется разделить бремя принятого решения с Каиафой. Он будет даже настаивать на том, чтобы Ионатан передал решение Анны Совету. Пусть в деле рабби Иешуа Анна станет его сообщником.

97

Западный Иерусалим, Гиват-Рам

Профессор Елон достал из папки два листа бумаги и протянул их Рэнду.

— Первый, как вы видите, распечатка фотографии свитка. Написано на арамейском, очень разборчиво.

Рэнд кивнул. Он держал лист перед собой так, чтобы его смогла разглядеть и Трейси, стоявшая от него по левую руку. Поверх первого листа лег второй.

— Здесь перевод текста на английский, — объяснил Елон.

У Рэнда внезапно пересохло во рту, он облизнул губы и стал медленно читать вслух.

— «Никодим, слуга Иисуса Христа и член Совета, Иосифу, сыну Каиафы, священнику Всевышнего.

Мир тебе, друг мой, и да благоволит к тебе Господь наш Иисус Христос. Молюсь о твоем скорейшем телесном и душевном выздоровлении.

Отягощены мы грузом прожитых лет, и не хочу оставлять тебя в неведении, что без задержки пришел бы к тебе, если бы не был прикован к постели уже некоторое время. Но, пусть телесное мое здоровье убывает, дух же мой становится сильнее с каждым днем, в чем укрепляет его и твое последнее письмо.

Истинно, велика ноша твоя, которую несешь ты с той горестной Пасхи, когда Господь был приговорен к смерти. Но возрадовался я, услышав, что давно уже ты познал правду, „после донесения от солдат“, как ты сам писал мне, а еще более — тому, что желаешь ты стать на Путь наш. Даже в плохом здравии твое признание в вере в истину Воскресения, свидетельство саддукея и первосвященника Израилева, может оказать большее влияние, чем проповеди брата нашего Павла.

Как ты и подтверждаешь в письме твоем, следует соблюдать предельную осторожность. Среди противников Пути есть такие, которые ни перед чем не остановятся, чтобы заставить замолчать человека столь влиятельного, как ты. Поэтому советую тебе быть осмотрительным во всех беседах и в переписке, ничем не выдавая грядущего. Уместно же и правильно будет тебе заявить о своем мнении неожиданно и публично, насколько это будет возможно. До той поры же, ради своей безопасности, храни все в тайне.

Посылаю письмо это с моим верным другом Юнием, который может лучше объяснить тебе Путь наш и помолиться за здоровье твое, чтобы Слово Истины и далее исходило от тебя, во славу Богу и во спасение многих.

Мир тебе и дому твоему».

В комнате воцарилось молчание. Его нарушал только шорох вентиляции в коробе над их головами.

Рэнд потряс головой, как боксер, пропустивший удар. Еще раз просмотрел перевод. Трейси тоже глядела на лист через его плечо. Рэнду это было очень кстати, ему было нужно, чтобы кто-то подтвердил, что все, что он видел своими глазами и прочел вслух, ему не привиделось. Это трудно представить, и все-таки есть вероятность, что Каиафа, первосвященник, принимавший участие в суде над Иисусом, уверовал в него и его воскресение. Рэнд откашлялся.

— Да, — еле слышно сказал он. — Вот это сюрприз.

Рэнд посмотрел на Трейси. Ее глаза были расширены, но она молчала.

— У вас больше ничего нет от палеографа? — спросил Рэнд профессора Елона.

Тот достал из папки еще одну страницу, но не отдал ее Рэнду. Только мельком просмотрел и заговорил.

— Палеограф сообщает, что характер букв и грамматика вполне соответствуют нашим данным о периоде Второго Храма. Стиль скорее возвышенный, если сравнивать с большинством дошедших до нас документов на арамейском.

— Вполне логично, — заметил Рэнд. — Учитывая, кто автор письма.

— В каком смысле? — не поняла Трейси.

Рэнд пожал плечами.

— Если автор действительно Никодим, то он был очень образованный человек. Фарисей. Еще и член Синедриона. Человек, скорее всего, привыкший к возвышенной манере речи и письма.

— А имело ли какое-то значение, что он писал это письмо первосвященнику? — спросила Трейси.

— Хорошо подмечено, — похвалил Рэнд, и в его взгляде на дочь читалась смесь удивления и одобрения. — Возможно, он и правда тщательно подбирал слова и старался быть подчеркнуто вежливым, ведь он обращался к человеку, занимавшему верхнюю ступень в духовной и светской иерархии.

— Но Никодим был еврей, так почему он не писал на древнееврейском?

— Это вовсе не обязательно. — Рэнд покачал головой. — Арамейский в те времена был повседневным языком евреев. Что касается личной переписки, то я не вижу ничего необычного в том, что она ведется на арамейском.

— Но разве Новый Завет не был написан на греческом?

Рэнд опять улыбнулся, радуясь, какие знания она выказывает, задавая такие вопросы. И задумался.

— Да, но это было сделано специально, чтобы христианское учение распространялось как можно шире. А арамейский, я думаю, был привычнее для частной переписки людей, живших в Иерусалиме и его окрестностях.

Рэнд повернулся к Елону.

— Палеограф написал что-нибудь еще?

— Сравнения слов, употребляемых в данном тексте, как внутри его, так и с

другими документами, показали соответствие грамматики и написания арамейскому языку первого века новой эры. Проще говоря, сомнений в аутентичности текста не возникает.

Рэнд провел рукой по волосам и выдохнул. Его сердце билось как бешеное с того самого момента, как он начал читать перевод. Рэнд попытался упорядочить мысли. Открытия оказались просто поразительными. Не только найти кости первосвященника, возглавлявшего судилище, на котором Иисуса приговорили к смерти, но и обнаружить его переписку с Никодимом, который, насколько помнил Рэнд из Евангелий, по крайней мере один раз лично встречался с Иисусом. Не говоря уже о совершенно невероятной возможности того, что первосвященник иудеев, самый главный среди них в то время, когда был распят Иисус, стал верить в Него и Его воскресение!

Рэнд вспомнил о знаменитом оссуарии Иакова, найденном несколько лет назад. Сначала поднялся крик, что это гроб с костями Иакова, брата Иисуса, но позднее Департамент древностей в официальном докладе подверг эти выводы сомнению. Оссуарий нашли на Кипре, а не в Иерусалиме, и часть надписи, касающаяся Иисуса, оказалась поддельной. Но и поныне, как было хорошо известно Рэнду, одни ученые считали, что оссуарий и надпись на нем подлинные, а другие с ними не соглашались. Однозначный ответ на вопрос так до сих пор и не найден, хотя было немало споров среди ученых и разночтений в докладах.

«Конечно, — убеждал себя Рэнд, — между оссуарием Иакова и оссуарием Каиафы со свитком есть существенная разница».

Владельцем оссуария Иакова был частный коллекционер. Будь тот оссуарий настоящим, его цена составила бы миллионы долларов. Но оссуарий Каиафы и свиток были найдены в Иерусалиме, в присутствии официальных лиц, и они станут собственностью государства Израиль. В силу этого происхождение находки не вызывает сомнений, а возможность подделки или неправильной интерпретации сводится к минимуму. Поскольку за исследования взялся профессор Елон из Центра консервации и реставрации и до сих пор не выявлено каких-либо вопиющих несоответствий, велика вероятность того, что Рэнд действительно нашел первое археологическое свидетельство не только реального существования Каиафы и Никодима, но и воскресения Иисуса Христа из мертвых.

~ ~ ~

...ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие.

Евангелие от Иоанна, 20:29

98

Иерусалим, Меа-Шеарим

— Что значит «это не выдумка»? — сказал Рэнд в трубку, сдерживаясь, чтобы не закричать.

Он стоял посреди захламленной гостиной в мебелированной квартире, где они с Трейси жили последние несколько месяцев. Две спальни, ванная. Кухня размером с чулан. Но местоположение, к северу от Яффского шоссе, в квартале Меа-Шеарим, населенном ортодоксальными евреями, было трудно переоценить. Меа-Шеарим — буквально «сто ворот» — был основан в 1873 году иудеями-ортодоксами, и это было второе поселение, созданное за пределами городских стен Иерусалима, в котором изначально жили сто семей. И по сей день эта община строго придерживается ортодоксальных взглядов. На ее территории десятки крошечных синагог. Дороги, ведущие в квартал, во время Шаббата перегораживают, а на стенах домов висят плакаты с цитатами из Торы о том, что женщины должны одеваться подобающим образом.

Хотя Рэнд и Трейси поселились в довольно старом доме, вокруг было чисто и безопасно. Они обосновались в двух кварталах от Старого города, и до любого кафе или магазина можно было дойти пешком. Да и Музей Израиля — в каких-то полутора километрах.

Все эти месяцы после раскопок усыпальницы Каиафы прошли как в тумане, правда по большей части радужном. С тех пор как Рэнд уехал из Тель-Мареша, он не прикасался к алкоголю, да ему и не хотелось выпить, не считая того дня, когда пропала Трейси. Все исследования оссуария Каиафы и свитка Никодима, как он теперь его называл, указывали на одно и то же. Анализ на масс-спектрометре дал интервал времени, на пятьдесят лет перекрывающий предположительный период жизни Каиафы. Лингвисты сошлись на том, что надпись на оссуарии и текст на свитке абсолютно аутентичны. Некоторые даже провели повторное остеопатическое исследование фотографий скелета, которые по просьбе Рэнда первой изучила Надя Станишева. Они подтвердили ее предположения о возрасте и других характеристиках умершего, что свидетельствовало в пользу того, что Рэнд действительно нашел кости человека, две тысячи лет назад возглавлявшего судилище над Иисусом!

Рэнд написал две статьи и послал их в научные журналы по рекомендации Игаля Хавнера. До публикации оставалось еще несколько месяцев. Рэнд давал интервью газетам и телекомпаниям, но не всем без разбору. Шли недели, а его имя и фотография по-прежнему мелькали в журналах, газетах и телепередачах на английском языке — конечно же, в связи с обнаруженной усыпальницей Каиафы и найденным в ней письмом Никодима к Каиафе, первым документальным доказательством существования обеих легендарных личностей.

А потом — тишина. Так же быстро, как началось, все и закончилось. Ажиотаж вокруг его открытия иссяк. Журналисты, ученые, чиновники, коллеги пе-

рестали звонить.

Рэнд пришел в замешательство. Он анализировал все, что он где-либо сказал или написал, размышляя, удалось ли ему объяснить, насколько важное открытие он сделал. Но в своих научных статьях он как раз подчеркивал огромное значение находки оссуария и свитка: ведь если первосвященник, который не просто участвовал, но возглавил суд над Иисусом, уверовал в воскресение Христа, то нет никаких причин сомневаться в том, что все описанное в Новом Завете произошло на самом деле! Но на ученых, похоже, произвел впечатление лишь факт, что американский археолог обнаружил документальное свидетельство того, что Каиафа и Никодим реально существовали, а журналистов, по-видимому, интересовали лишь драматические подробности самого процесса археологических раскопок. Ни тех ни других совершенно не занимало то, что, по мнению Рэнда, являлось главным следствием обнаружения свитка и изучения его содержания.

Рэнд решил исправить дело и стал говорить ученым и репортерам газет о том, что он называл «истинной историей». Несколько раз пытался напечатать статьи в «Нью-Йорк таймс», лондонской «Таймс» и израильской «Гаарец». Контакты журналистов предоставил ему Игаль Хавнер. Сейчас, например, он говорил по телефону с неким Вэнди Барром из «Вашингтон пост».

— Воскресение Иисуса — не такая уж новость, — заявил Барр после того, как объяснил Рэнду, что не видит смысла рассказывать читателям что-то еще, кроме самой истории обнаружения гробницы.

— Не такая уж новость? — не без иронии переспросил Рэнд. — Для верующих — может быть. А как же миллиарды остальных людей?

— Я журналист, а не проповедник. Вам лучше позвонить Билли Грэхему.

Рэнд взялся за лоб. Это был тупик, и он понятия не имел, куда двигаться дальше. Судя по мертвой тишине на том конце линии, Барр уже все сказал. Рэнд попытался подойти к вопросу с другой стороны, когда в комнату вошла Трейси.

— Пап, мы можем поговорить? — спросила она.

— Не сейчас, Трейси. — Рэнд повернулся в ее сторону, чтобы она увидела прижатый к его уху мобильник.

— Ой, извини. Не знала, что ты говоришь по телефону.

— Вы меня слышите? — окликнул Рэнд журналиста.

— Да, но я уже собирался повесить трубку. Я очень занят. Извините, ничем не могу вам помочь.

— Послушайте, давайте посмотрим на это дело с другой стороны, — настаивал Рэнд. — Если бы нашлось письменное признание стрелка, который прятался за зеленым пригорком,[55] вы бы на это клюнули?

— Это большая разница.

— В чем же она?

Вэнди Барр шумно вздохнул.

— Убийство Джона Фицджеральда Кеннеди не имеет никакого отношения к религии и вере. Это простая и понятная история.

— Об этом я вам и толкую, — не сдавался Рэнд. — Обнаружение усыпальницы Каиафы и свитка Никодима превращает рассказы о воскресении Иисуса в исторический факт... простой и понятный, как вы только что сказали. Этот свиток меняет все. На самом деле он куда важнее, чем стрелок за зеленым

пригорком, потому что имеет отношение ко всем людям на планете, ко всем без исключения, понимаете?

— Боюсь, что нет. Все равно это вопрос веры. У вас своя вера, у меня своя. Так есть, и так будет всегда, — ответил Барр.

— Поправьте меня, если я неправильно понял. Вы говорите, что, поскольку потрясающее открытие, которое я сделал, касается Иисуса, факты не имеют значения?

— Ну, думаю, для некоторых имеют, — нехотя согласился Барр.

— Но не для вас? — уточнил Рэнд.

— Как я уже сказал, я журналист, а не проповедник.

99[56]

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Все пошло не так с самого начала.

За последние несколько часов Каиафа и большинство членов Синедриона выслушали огромное количество свидетелей, и их поток не иссякал. Свидетелей вызывали члены Совета и их слуги. К исходу ночи Каиафа устал до изнеможения.

— Ты знаком с Иешуа, рабби из Галилеи? — спросил Елеазар одного из свидетелей, человека, которого поднял с постели его дядя, член Совета.

— Я слышал его проповедь в Храме, — кивнул тот.

— И?

— А что еще вы хотите услышать?

— Мы ничего от тебя не хотим! — прорычал Елеазар. — Мы книжники и священники Израиля! Мы ищем истину!

— Ах вот чего вы хотите! Тогда я буду говорить только правду, если вы ищите именно ее.

— Кое-кто говорит, что он нарушал Шаббат, — сказал Елеазар.

— Об этом я ничего не могу сказать. — Допрашиваемый почесал заросший бородой подбородок.

— Некоторые говорят, что он исцелял в Шаббат...

«Свидетель» пожал плечами.

— Может, он и вытащил вола из канавы в Шаббат. Не знаю. Не видел ни того ни другого.

Елеазар бросил гневный взгляд на этого человека, который прекрасно понимал, что хочет от него священник. Работать в Шаббат — смертный грех по Закону Моисееву, но Закон также предписывает и милосердие к другим, даже к скоту. «Свидетель» говорил теми же словами, что и рабби, приводивший фарисеев в бешенство. Он ушел, но были и другие.

Приблизилось утро, и бесконечные допросы уже стали вызывать раздражение у Каиафы. Совет не мог, как было положено по Закону, найти двух надежных свидетелей преступления, чтобы совершившего его можно было приговорить к смертной казни. Один «свидетель» утверждал, что рабби выражал презрение к первосвященнику, но не нашлось другого, который мог бы подтвердить его слова. Каиафа и сам в это не верил.

— Властители Израиля, — начал первосвященник, когда эта бессмысленная ночь подошла к концу. — У нас нет ничего, что мы могли бы предъявить

этому человеку в качестве обвинения.

— Ерунда! — крикнул фарисей Исаак. — Мы знаем, что он трудился в Шаббат и всуе произносил Имя! И то и другое заслуживает смерти!

— Как же тогда могло произойти, что среди всех этих людей мы не смогли найти двоих, утверждающих одно и то же? — возразил Каиафа.

— Я сам буду обвинять его! — крикнул Вениамин Еммаусский.

— Ты хочешь быть свидетелем и судьей одновременно? — удивился Каиафа. — И ты погресишь против истины, чтобы защитить ее, Вениамин?

Тут Каиафа увидел входящего Малха. Кивнул слуге, и тот приблизился.

— Рабби здесь, — прошептал Малх. — Они доставили его из дома Анны и отвели в подземелье.

Каиафа кивнул.

— Останься. Я скажу, когда послать за ним.

— Властители Израиля, мы слышали двух свидетелей, сказавших одно и то же, — провозгласил Елеазар.

— Когда же это было? — изумленно спросил Каиафа.

Елеазар скривился, понимая, на что намекает первосвященник.

— Зять Эфраима и серебряных дел мастер Барак. Оба они слышали, как Иешуа сказал: «Разрушу Храм и в три дня воздвигну его заново».

— Если я хорошо запомнил, лишь один из них сказал, что рабби призывал разрушить Храм, — заметил Каиафа.

— Это тонкости. — Елеазар пожал плечами. — Но показания свидетелей не противоречат друг другу.

— И где же написано, что тот, кто произносит такие речи, заслуживает смерти? — поинтересовался Каиафа.

— Не только произносит речи, но и подбивает на бунт, вот что значат эти слова! — вступил в разговор Вениамин. — «Пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего, выведшего вас из земли Египетской и избавившего тебя из дома рабства, желая совратить тебя с пути, по которому заповедал тебе идти Господь, Бог твой; и так истреби зло из среды себя».

— Разве это не оскорбление Храма и священства, — Елеазар почти перешел на крик, — призыв разрушить Храм? И даже сама мысль, что он может быть разрушен? Разве не сказал Моисей: «А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении пред Господом, Богом твоим, или судьи, тот должен умереть, — и так истреби зло от Израиля?»

Послышались гневные выкрики и проклятия рабби из Галилеи, а в дверь незаметно проскользнул Ионатан, сын Анны.

— Тишина! — крикнул Каиафа, поднимая руки.

Ему пришлось сделать так несколько раз, пока крики не стихли.

— Ионатан, сын Анны, ты принес нам весть? — спросил Каиафа, пристально глядя на шурина.

Вопрос застал Ионатана врасплох.

— Да, ваше превосходительство. Задержанный доставлен.

— Надеюсь, тесть мой Анна допросил его?

Ионатан смутился. Он явно не ожидал такого вопроса.

— Э... Да, ваше превосходительство, он допросил его.

— И каково суждение Анны, тестя моего, насчет Иешуа Назарянина, рабби

из Галилеи? Заслуживает ли он смерти за то, что сделал?

— Анна, первосвященник Израиля, просит Совет ничего не предпринимать по отношению к Иешуа Назарянину, — медленно и веско произнес Ионатан.

Каиафа нахмурился. Такой ответ не поддавался истолкованию. Первосвященник сразу понял, что эта неопределенность позволяла Анне и Ионатану, вне зависимости от дальнейшего хода событий, положиться на мудрость членов Совета. Если Иешуа приговорят к смерти и его ученики поднимут мятеж, Анна и Ионатан скажут: «Вам не следовало ничего предпринимать против этого человека». Если Иешуа приговорят, а его последователи в страхе разбегутся, Анна и Ионатан скажут: «Мы были правы, не нужно было проявлять милосердие к этому человеку, но и что-то предпринимать против него не имело смысла». И конечно же, если Иешуа освободят и позволят и дальше произносить проповеди, пока они не вызовут возмущение Рима, Анна и Ионатан скажут: «Совету не следовало связываться с этим человеком» — в том смысле, что следовало тихо избавиться от него без всякого суда. Да, такой ответ подходил в любом случае.

Каиафа ждал, что шурин продолжит, но Ионатан не собирался ничего добавлять. Он сложил руки на груди и прислонился к стене.

— Больше он ничего не сказал? — спросил Каиафа.

— Ничего более, брат мой, — ответил Ионатан. — Он считает, что в таком важном деле всякий поступит мудро.

Каиафа не мог скрыть отвращения и повернулся к Малху.

— Пусть приведут задержанного, — сказал он, мельком оглядывая зал.

Здесь больше двадцати трех членов Совета — того минимума, который необходим по Закону. Было бы лучше, если б Совет собрался в полном составе, но многие не откликнулись на его зов.

— Огласите список Великого Синедриона, — велел он двум писцам, которые сидели слева и справа от заседавших, и занял свое место в первом ряду.

Писец развернул тоненький свиток и стал оглашать имена членов Совета. Первым в списке был Иосиф бар Каиафа.[57] Затем он перечислил имена остальных семидесяти членов Совета, начав с самых молодых и закончив убежденными сединами. Когда он дошел до середины списка, два стража ввели задержанного.

Каиафа с любопытством посмотрел на него. Рваная одежда, мятая и грязная, словно недавно его повалили на землю лицом вниз. Руки связаны кожаным ремнем. Глаза красные, под левым багровый кровоподтек. Стражи вывели раб-би из Галилеи на середину зала и повернули лицом к собранию.

Писец закончил читать список членов Синедриона и записал имена присутствующих. Каиафа обратился к задержанному. Как наси, глава Синедриона, он должен был огласить обвинение.

— Иешуа Назарянин, ты обвиняешься в том, что восстанавливал народ против Господа Бога нашего, выражал презрение к Храму Господню и священству, призывая разрушить Храм, а также в том, что упоминал всуе Имя Божие и богохульствовал, называя себя равным Хашему. Что ты скажешь в свое оправдание? — громко произнес Каиафа, повернувшись к Синедриону, но обращаясь к задержанному.

Тот молчал. Даже не подал виду, что слышит первосвященника. Просто медленно и спокойно рассматривал лица собравшихся.

Каиафа подождал, а затем повернулся к Иешуа и повторил вопрос.

— Что ты скажешь в свое оправдание?

На лице Иешуа не отразилось никакого беспокойства. Он продолжал смотреть на членов Совета, не говоря ни слова.

Каиафа, как и требовал Закон, дал обвиняемому еще одну возможность ответить.

— Ты не собираешься отвечать на обвинения? Что ты можешь сказать в свою защиту?

Ничего.

Первосвященник подождал, глядя Иешуа в лицо. У него не слишком впечатляющий вид, он даже казался меньше, ниже ростом. Каиафа вспомнил, как этот человек проповедовал на ступенях Храма. Трудно поверить, что это он.

— Есть ли свидетели, готовые говорить в пользу обвиняемого? — задал вопрос Каиафа.

Его голос эхом прокатился над мраморным полом. Ответом ему было молчание. Он ждал. Но никто не заговорил.

Каиафа бросил взгляд на задержанного, сел на свое место и кивнул Елеазару. Тот стал вызывать свидетелей по одному. Каждый послушно повторил слова, которые слышал от рабби, — о том, что он разрушит Храм и воздвигнет его в три дня. Некоторые члены Совета встали, громко выражая негодование. Когда второй свидетель закончил говорить, Каиафа снова встал и подошел к задержанному.

— Ты ничего не скажешь в свою защиту? — спросил он, заглядывая Галилеянину в глаза.

Иешуа посмотрел на первосвященника. В его взгляде сквозила усталость. Ни страха, ни злобы. Первосвященник отвернулся, и так же равнодушно Иешуа посмотрел ему в спину.

— Скажи, ты Мессия? Ты Сын Божий? — раздались крики.

Шум нарастал, переходя в гвалт. Не оборачиваясь назад и пристально глядя на задержанного, Каиафа поднял руку.

«Если ты действительно послан Богом, — неожиданно подумал он, переживая, когда шум стихнет, — самое время сказать об этом».

Крики смолкли. Иешуа медленно повернул голову и снова внимательно посмотрел на Каиафу, словно читал его мысли.

— Если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне, — не повышая голоса, ответил он.

Каиафа почувствовал, как кровь бросилась ему в голову, как будто это был вызов. По лицу Иешуа он не смог определить, были эти слова адресованы всему Совету или лично ему. Но понял, что этот рабби с его незамысловатыми речами куда умнее его самого. Желание лечь наконец спать и накопившаяся усталость вдруг навалились на первосвященника, и он отошел в сторону, чтобы члены Совета видели Галилеянина, когда он будет отвечать на вопрос, на который праведный еврей не мог не ответить.

— Заклинаю тебя во имя Бога Живого, ответь, ты ли Мессия, Сын Божий?

— Ты сказал. — Иешуа кивнул, будто услышал вопрос, которого ждал. — Узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

Все сидящие в зале едва не ахнули, и время словно остановилось. Только

тут Каиафа осознал, в каком невозможном положении он оказался. Этот человек, этот чудотворец явно и недвусмысленно заявил пред лицом властителей Израиля, что он и есть обещанный Машиах. Избранный, избавитель, которого они так долго ждали. Когда молчать стало нельзя, когда молчание было бы нарушением Закона Моисеева, этот рабби из Галилеи назвал себя Сыном Давидовым, Корнем Иессеевым, Праведной Ветвью, Звездой Иакова, Солнцем Правды и Избавителем народа Израилева.

Решать нужно было быстро, но это мгновение показалось Каиафе вечностью. Либо он примет признание Галилеянина прежде прочих священников и книжников и согласится, что Иешуа — тот, кем себя называет, либо объявит это признание богохульством, и тогда все прочие свидетельства станут второстепенными и ненужными.

Каиафе показалось, что он поменялся местами с Иешуа. Преступник он, а не Иешуа. Осужден. И приговорен.

«Нет, — опомнился Каиафа. — Этот Галилеянин, этот Назарянин поставил его в невыносимое положение. Несправедливо. Это безумие. Ждать, что эти люди в одно мгновение поверят в невозможное? Я не буду этого делать».

Взявшись обеими руками за ворот своих дорогих одежд, Каиафа разорвал их до пояса.

— Богохульство! — крикнул он.

На глазах выступили слезы, слезы гнева и раскаяния.

— Богохульство! Нужны ли нам другие свидетельства? Все вы слышали его богохульство. Он совершил преступление перед глазами вашими! — вопил Каиафа. — Каково будет решение ваше?

— Виновен! — раздался крик.

Кто-то встал и разорвал на себе одежды, как Каиафа.

— Богохульство!

Остальные последовали их примеру. Казалось, каменный дом первосвященника содрогается от криков.

— Приговорил себя собственными словами!

— Он виновен!

— Он богохульник!

— Он должен умереть!

Члены Синедриона неистовствовали. Несколько человек вскочили со своих мест и подбежали к Иешуа. Одни плевали ему в глаза, другие били по лицу ладонями. А кто-то замахнулся кулаком...

Каиафа отошел в сторону, тяжело дыша, не в силах подавить рыдания, опустил на скамью и закрыл лицо руками.

Иерусалим, Меа-Шеарим

Трейси вернулась в свою комнату, оставив дверь открытой, чтобы услышать, когда отец закончит разговор. Нахмурившись, посмотрела в зеркало. Хотелось сделать новую прическу, что-нибудь особенное, чего Карлос еще не видел.

После того памятного вечера в армянской таверне в Старом городе, когда отец испортил лучший день в ее жизни, ни за что ни про что ударив Карлоса по лицу, они стали встречаться. Сначала Трейси вела себя сдержанно: отвечала на звонки Карлоса или звонила ему, только когда отца не было рядом. Но иногда они проводили вместе дни, когда у Карлоса был выходной в Тель-Мареша, или встречались вечером. Загорали на пляже в Тель-Авиве, купались в Мертвом море, лазали по горам Масады, последнего оплота еврейских повстанцев в борьбе с Римом после разрушения Иерусалима и Храма в 70 году от Р. Х. Он с гордостью показал ей множество археологических находок и отреставрированных предметов из Тель-Мареша. Им даже довелось помучиться желудком после обеда в придорожном ресторане в окрестностях Иерусалима.

Но любимым времяпрепровождением Трейси стали прогулки по Старому городу, особенно по магазинам и кафе в богатом еврейском квартале. Карлос впервые взял ее за руку именно здесь, когда они шли по мостовой Кардо, главной улицы древнего Иерусалима. Они впервые поцеловались на древней стене у Башни Давида, куда Трейси взобралась по нескольким ступеням. Карлос обнял ее и поцеловал со страстью и нежностью. Тогда Трейси показалось, что земля древнего Иерусалима закружилась под ногами. Карлос признался ей в любви, когда они сидели в уличном кафе у Ворот Ирода.

Но сегодня все было как-то загадочно. Он позвонил ей пару минут назад, сказал, что у него выходной (а предыдущий был больше недели назад), и пригласил поужинать. Конечно же, Трейси согласилась и пошла к отцу, чтобы рассказать о своих планах. А он говорил по телефону.

То собирая волосы в хвост, то распуская, накручивая пряди на палец и расчесывая по всей длине, Трейси наконец услышала, как отец прощается с собеседником. Подошла к двери и приоткрыла ее. Выяснилось, что ей это только показалось: отец продолжал говорить. Тянулись минуты, а он все звонил и звонил кому-то.

«Может быть, он просто забыл обо мне», — подумала Трейси.

Она встала в дверях гостиной и ждала. Рэнд ходил туда-сюда по комнате и говорил по телефону, бурно жестикулируя. На его лице читалось разочарование. Он слушал, потом вставлял фразу, снова слушал, пытался перебить, но, как она поняла, безуспешно. Увидев Трейси в дверном проеме, отец бросил на нее раздосадованный взгляд: «Не отвлекай меня».

Разочарованная, Трейси вернулась в свою комнату. Их отношения с отцом стали намного лучше с того дня в «Рамат-Рахель», когда они сидели на кровати, обнявшись, и плакали. Но Трейси не казалось, что они стали полноценными отношениями отца с дочерью. Время от времени он рассказывал о работе, иногда она рассказывала о поездках с Карлосом. Иногда отец предлагал где-нибудь поужинать вместе или Трейси предлагала ему помощь в работе. Но этим все и исчерпывалось. Трейси не могла сказать, что по-настоящему пони-

мает его, а он уж точно ее не понимал.

Когда Трейси услышала, что отец прощается с одним собеседником и тут же набирает еще чей-то номер, она взяла ручку и листок бумаги. Надо оставить записку на случай, если он так и не заметит, что она уходит.

101

Иерусалим, Старый город

Карлос сделал заказ заранее, и теперь они сидели за тем же столиком в армянской таверне, что и в первый раз несколько месяцев назад. Официантка им обрадовалась и спросила, нужно ли подать воду к еде. Карлос ответил утвердительно и заказал те же блюда, которые они попросили в тот памятный вечер.

Он взял Трейси за руку и, не отпуская, нежно поцеловал в губы. Трейси закрыла глаза и еще долго не открывала их.

— Ты счастлива? — спросил Карлос.

Она посмотрела на него, кивнула и улыбнулась.

— Я тоже счастлив, — сказал Карлос и замолчал.

Казалось, он что-то обдумывал.

— Наверное, счастливее быть уже нельзя, если бы не одна вещь.

— Что же это? — удивилась Трейси.

— Мы знаем, что счастливы вместе, — начал Карлос. — Надеюсь, так будет и дальше.

Он снова задумался.

«Это первый раз, когда он такой нерешительный, неуверенный в себе», — отметила Трейси.

И вдруг поняла, что происходит. Сердце ее затрепетало. Сразу могла бы догадаться! Сегодня все так таинственно, они снова в армянской таверне, заказали те же блюда, что в тот первый вечер. Он хочет сделать предложение!

Мысли так и завертелись у нее в голове. Не слишком ли рано ей выходить замуж? Где они сыграют свадьбу? Где будут жить? Означает ли это, что она не вернется в колледж? Что скажет Рошель? А отец? Наверное, нужно, чтобы он дал согласие? А если он не согласится? Можно ли ей вообще выйти замуж в Израиле? И кто будет проводить свадебный обряд?

Ее захлестнули эмоции. Трейси смотрела на Карлоса. Он был серьезен. Очевидно, старался подобрать нужные слова. Трейси чувствовала, что любит его еще больше, чем прежде. Конечно, она скажет «да». А все остальное они решат вместе. Трейси попыталась успокоиться в ожидании решительной минуты. Карлос собрался с мыслями и был готов продолжить, а она хотела, чтобы все прошло хорошо, ведь этот момент она запомнит на всю жизнь. Ей даже захотелось сказать «да», прежде чем он начнет говорить, но она заставила себя слушать и только слегка улыбалась.

— Даже не знаю, с чего начать. Я долго ждал этого момента, наверное, с нашей первой встречи. Ты уже сделала меня счастливым, но я все-таки стану еще счастливее, если буду знать, что твое сердце наполнено любовью, как и мое.

Трейси кивнула, надеясь, что это только предисловие.

— Я не раз говорил тебе, что Христос всегда в моем сердце, — сказал Карлос.

Трейси даже заморгала от неожиданности, но постаралась не выдать свое-

го замешательства.

«Да, от таких слов растеряешься».

— А ты говорила, что твоя мать верила в Иисуса Христа, как и я.

Улыбка исчезла с лица Трейси. Официантка принесла множество тарелок и расставила их на столе. Трейси и Карлос не обменялись за это время ни словом. Он снова взял ее руку, склонив голову, произнес благодарственную молитву перед едой, но Трейси ее, казалось, не слышала. Она обдумывала его последние слова. Упоминание Иисуса Христа и направление, которое принял разговор, сбили ее с толку. Что-то это не похоже на предложение руки и сердца, которое она ожидала услышать.

Карлос помолился и, хотя еда уже была на столе, продолжил:

— Я долго думал, надо ли говорить с тобой об этом. Хотел, чтобы мы лучше узнали друг друга. Теперь я чувствую, что знаю тебя и люблю тебя больше всех на свете.

Трейси слегка расслабилась, разгладила салфетку на коленях и взяла вилку. Все-таки он подбирался к главному, и она приготовилась услышать слова, которые изменят ее жизнь.

— Поэтому я хочу спросить тебя, будешь ли ты следовать за Иисусом Христом всем сердцем, так, как это делаю я? Если да, для меня это будет огромная радость.

— Что?

Вилка повисла в воздухе на полпути к тарелке. Ресницы Трейси затрепетали.

— Что ты говоришь?

— Я спросил, станешь ли ты следовать за Иисусом Христом.

Трейси почувствовала, что краснеет. Она растерялась, и на глазах мгновенно выступили слезы. Она постаралась взять себя в руки, положила вилку на тарелку, хотела что-нибудь ответить Карлосу, но слова не шли с языка. Ей вдруг захотелось оказаться подальше отсюда, где угодно, только не за этим столиком. Подумать только, она ждала, что он сделает предложение, а оказалось... Это было такое сильное разочарование, что Трейси готова была разрыдаться.

Она чувствовала, что дрожит, и не могла успокоиться. Если она попытается что-то сказать, то сразу заплачет. Поэтому Трейси встала, собрав всю свою волю в кулак, спокойно положила салфетку на стол и быстрым шагом вышла из ресторана.

31 год от Р. Х.
Иерусалим, Зал тесаных камней

Каиафа словно оцепенел.

Прокричал дозорный на башне Храма, послышался трубный звук, который всегда звучит на рассвете первого утра Пасхи, великого праздника Исхода. Синедрион начал официальное судебное заседание в Зале тесаных камней по делу Иешуа Назарянина. Они продвигались вперед очень быстро.

Каиафа уже не смотрел на подсудимого, разве что когда того ввели в зал. С тех пор как первосвященник видел его последний раз, кровоподтеков на теле Иешуа стало больше. Зачитав обвинение, Каиафа напомнил собравшимся, что подсудимый сам произнес слова, позволяющие признать его виновным, причем сделал это в присутствии членов Синедриона. Писец, как обычно, назвал семьдесят одно имя, начав с самых младших и закончив старшими. Отсутствовали только трое — Анна, Никодим и Иосиф Аримафейский. Остальные шестьдесят восемь человек один за другим заявили, что признают подсудимого виновным.[58]

Писец заполнил инскрипцию, официальный документ, в котором было имя обвиняемого, предъявленное обвинение и вынесенное судом Синедриона решение. Поскольку совершенное преступление предполагало смертный приговор, инскрипцию следовало передать, вместе с обвиняемым, префекту Понтию Пилату, который подтвердит приговор и прикажет привести его в исполнение, ведь Синедрион не имел права казнить преступников — это прерогатива римской власти.

Члены Синедриона разошлись по Двору язычников, где уже было немало священников, служащих Храма, паломников, купцов и жертвенных животных. Каиафа, будто во сне, отдал приказ Ионатану и Елеазару доставить осужденного к префекту.

— Я думал, ты сам это сделаешь, — сказал Ионатан.

— Я останусь в Храме, — сквозь зубы ответил Каиафа.

— А если префект не утвердит приговор? — спросил Елеазар.

Все знали переменчивое настроение префекта, иногда в его действиях просто нельзя было уловить никакой логики. Если Пилат решит открыто выказать и так едва скрываемое презрение к евреям, приговор Синедриона может утратить силу.

Каиафа внимательно посмотрел на Ионатана, сына Анны.

— Тогда мы можем лишь надеяться, что «свобода и избавление придет для иудеев из другого места», — сказал он, цитируя слова Мордехая, обращенные к царице Эсфири.[59]

Каиафа знал, что Ионатану они известны.

Затем первосвященник вместе со всеми вышел из Зала тесаных камней на свет утреннего солнца, оставив осужденного под охраной храмовой стражи.

— Нам следует вызвать подкрепление из числа членов Синедриона и храмовых служителей, — сказал Ионатан.

— Да, они должны кольцом окружить осужденного, пока его будут вести в Преториум, — согласился Елеазар. — Последователи рабби могут следить за нами.

Они пересекали Двор язычников, когда к ним подошел человек с измученным лицом. Первосвященник с удивлением понял, что это тот самый человек, который согласился отвести храмовую стражу к Иешуа. Сейчас его трудно было узнать — лицо искажала мука раскаяния.

— Я согрешил, — сказал он. — Предал невинного.

Каиафа не обратил на него внимания и обратился к Ионатану и Елеазару.

— Если уж собрались это сделать, то делайте быстрее.

— Нет! — воскликнул тот, кто подошел к ним.

Каиафе пришлось обойти его и ускорить шаг. Елеазар и Ионатан отправились исполнять приказ Каиафы. Первосвященник уже прошел через Восточные ворота, когда тот человек догнал его на ступенях, ведущих к Воротам Никанора, и преградил дорогу.

— Пожалуйста, — умоляюще сказал он, — я был не прав. Это ужасная ошибка.

Отвязав от пояса кошель, он высыпал деньги себе в ладонь. Несколько монет упали и звеня покатались по лестнице. Остальные он протянул первосвященнику.[60]

— Видите? Я возвращаю деньги.

— Ты дурак. И ты опоздал, — ответил Каиафа.

— Нет, умоляю... — еле слышно, почти плача, сказал человек.

Он все еще держал в руке серебряные шекели, протягивая их Каиафе.

— Вы должны что-нибудь сделать...

Каиафа придвинулся к нему вплотную, почувствовав запах пота.

— О да, я должен, — свирепо зашептал он. — Я кое-что сделал. И очень скоро я узнаю, что именно я сделал. Так чего мне беспокоиться о содеянном тобой? Это уже твое дело.

Обогнув просителя, Каиафа вышел сквозь богато украшенные Ворота Никанора во Двор священников. За спиной он услышал звон монет по гладкому мраморному полу. Предавший рабби выбросил свои деньги во двор Храма.

Он оглянулся, но предателя нигде не было видно. Каиафа повернулся налево, увидел Александра, казначея Храма, и сделал ему знак.

— Позаботься об этом, — сказал он, показывая на рассыпанные под ногами монеты.

— Да, конечно.

Александр подозвал нескольких левитов и приказал им подобрать деньги.

— Я отправлю их в казну.

— Нет, мы не можем внести их в казну Храма, — сказал Каиафа. — Это кровавые деньги.

— Тогда что мне с ними делать?

Казначей вытаращил глаза на первосвященника.

Каиафа опустил веки и вздохнул. Наверное, он никогда не сможет забыть этого рабби из Галилеи.

— Сделай с ними что-нибудь хорошее, — ответил он, открывая глаза. — Чтобы не умножать грех.

Иерусалим, Меа-Шеарим

— Игаль, друг мой, — просил Рэнд, — ты должен мне помочь, пожалуйста.

Он стоял у раковины на крошечной кухне в квартире в Меа-Шеариме, держа сэндвич с кетчупом в одной руке, а другой прижимая к уху мобильный телефон.

— Сделаю все, что смогу, — ответил Хавнер. — Ты меня знаешь.

— Мне никто не перезванивает. Никого нисколько не интересует свиток Никодима.

— Никого?

— По крайней мере, тех, кого это должно интересовать, — вздохнул Рэнд.

— Тех, кого это должно интересовать, — словно эхо, откликнулся Хавнер.

— Да, мне пришлось буквально отбиваться от тех, кто хотел заполучить все права на эту историю. Но это не те, кому следовало бы интересоваться находкой больше других.

— Не понимаю. О ком ты? — спросил Хавнер.

Рэнд почти застонал.

— Например, Ватикан. Один парень с длинной и непроизносимой итальянской фамилией звонит мне почти ежедневно и не желает слышать отказ.

— Тебя удивляет, что Ватикан заинтересовался твоей находкой?

— Нет, не удивляет. Не удивляет, что какая-то радиовещательная корпорация «Агапэ» тоже не оставляет меня в покое. Мне звонили из дюжины христианских журналов и всевозможных организаций, и это меня не удивляет. Суть в другом.

— В чем же?

— В том, что теперь, когда подлинность открытия официально подтверждена, все факты задокументированы, похоже, никого не интересует его значение.

— Ведь ты сказал, что десятки людей интересовались...

— И только, Игаль, — перебил его Рэнд, положив остатки сэндвича на стол и перекладывая телефон в другую руку. — Свитком, тем, что в нем написано, интересуются люди, которым это нужно в последнюю очередь. Ватикан и «Агапэ» интересуются им, но ведь он доказывает только то, во что они и так верят.

— Винить их в этом не приходится.

— Конечно нет, я и не виню!

«Интересно, слушал его Хавнер до сих пор?» — подумал Рэнд.

— Я не понимаю, почему никто другой не интересуется этим! Ради бога, Игаль, ты же знаешь, что там написано! Неужели ты думаешь, что это не может заинтересовать кого-то еще, кроме тех, кто и так верит в воскресение? Это же самое достоверное из всех найденных свидетельств, что все, рассказанное в Библии, — правда. Неужели никто не хочет объявить об этом, закричать во весь голос? О том, что Иисус действительно воскрес из мертвых? И что богобоязненный первосвященник Израиля признал это?

На другом конце линии воцарилась тишина.

— Ты меня слышишь? — спросил Рэнд.

— Да, слышу, — ответил Хавнер. — Думаю, ты сам ответил на свой вопрос.

— Как? Когда?

— Когда сказал, что твое открытие подтверждает — и убедительно подтверждает — то, о чем Библия говорит уже две тысячи лет.

— Ну да. И что?

— Рэнд, друг мой, — начал Хавнер таким тоном, каким учитель журит своего лучшего ученика из самых лучших побуждений, — подумай, ты же знаешь мир, в котором мы живем, все эти средства массовой информации да и научные круги. Ты когда-нибудь сталкивался с вещами, которые оправдывали твои ожидания?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рэнд, опускаясь на стул.

— Подумай хотя бы о нашей работе, об археологии. Никто еще не сделал себе имени в науке, просто подтвердив то, во что другие и так верят.

— Ты не понимаешь, Игаль. Меня не интересует простое подтверждение того, во что люди и так верят. Именно поэтому я сказал «нет» Ватикану, «Агапэ» и всем остальным. Я хочу донести это до тех, кто еще не верит. До людей, которым сама мысль о возможности верить в Бога, может быть, не приходила в голову. Которые считают рассказы об Иисусе, его распятии и воскресении выдумкой, сказками, как это было со мной. Люди, которые в последнюю очередь прислушаются к мнению Ватикана или «Агапэ», если именно они расскажут об этом. Но прислушаются, если об этом скажет Мануэль Гарсия из «Таймс» или Вэнди Барр из «Вашингтон пост». Вот чего я пытаюсь добиться.

После его тирады в трубке снова стало тихо.

— Тогда я могу только пожелать тебе удачи, — сказал Хавнер.

— Ты желаешь мне удачи?

— Да, именно так.

— Но не можешь помочь?

— Думаю, да.

— Почему?

— Потому что, мне кажется, ты не прав.

— Не прав?!

Рэнд не мог поверить, что услышал такое от своего старого друга.

— Думаешь, я не прав, что хочу рассказать людям о том, как важно это открытие?

— Нет, я думаю, ты не прав, считая, что людям нужна всего лишь информация.

Иерусалим, Старый город

Трейси взлетела по лестнице, прочь из армянской таверны, и выбежала на улицу. Она не знала, куда идет, ей просто нужно побыть в одиночестве. Слезы сейчас польются градом, а Трейси не хотела, чтобы кто-нибудь это видел.

Она свернула к Яффским воротам, но там было слишкомлюдно. Куда бы она ни пошла, по узким улочкам Старого города или через ворота, в противоположную сторону, ей все равно никуда не деться от толпы. Тогда Трейси вернулась к армянской таверне и решила найти какое-нибудь место подальше от ресторана, чтобы побыть одной. И увидела Карлоса, бегом поднимающегося по лестнице. Трейси резко крутанулась на месте и побежала на улицу Царя Давида, в самую толчею: магазины привлекали туда множество людей.

Она услышала за спиной голос Карлоса, он звал ее. Пошла быстрее, проталкиваясь сквозь толпу торговцев, и уже почти бежала по узкой мостовой. Карлос продолжал окликать ее, догоняя. Наконец догнал, и она почувствовала его руку на плече. Трейси уткнулась ему в грудь и разрыдалась. Карлос обнял ее, и они так и стояли посреди запруженного народом переулка.

— Что не так? — ласково спросил он. — Что я такого сделал? Почему ты плачешь?

Трейси сотрясали рыдания, но наконец она затихла, только шмыгала носом и судорожно переводила дух. Карлос по-прежнему обнимал ее, ничего не говоря.

— Может, отойдем куда-нибудь? — наконец решился он спросить.

Трейси кивнула, вытирая слезы.

Он отвел ее назад к ресторану, и они сели на каменные ступени у входа. Трейси не поднимала глаз.

— Что не так? — спросил Карлос. — Пожалуйста, скажи мне, что я такого сделал, что ты так плачешь?

Трейси не знала, что и сказать. Как она может признаться, что ждала от него предложения и так расстроилась, когда он заговорил совсем о другом? Она покачала головой и снова заплакала, на этот раз тихо.

Но ей все-таки пришлось поднять глаза на Карлоса. Открытое выражение его лица, на котором было лишь терпеливое ожидание объяснений, подействовало на Трейси.

— Извини, — сказала она.

Трейси несколько раз попыталась заговорить, но никак не могла решиться рассказать ему все.

— Я тебя обидел?

Трейси помотала головой.

— Сказал что-то плохое?

Она снова помотала головой, но передумала и неопределенно пожала плечами.

Карлос продолжал терпеливо допытываться, обещая все исправить, если она скажет, что он сделал не так. И все это время Трейси боролась со своими страхами и сомнениями. Что он о ней подумает, если она прямо скажет, что ожидала услышать предложение? Как отреагирует на это? Не решит ли, что

она любит его сильнее, чем он ее? Не подумает ли, что она глупая девчонка или что слишком торопит события?

Они много раз говорили о будущем, всякий раз подразумевая, что они будут вместе. Но ни один из них не касался брака, если не считать самых общих и обтекаемых фраз. Так что Карлос мог только удивиться ее самонадеянности и такому горькому разочарованию.

«Он ни в чем не виноват, — подумала Трейси. — Он не мог знать, о чем я думаю. Все, что он сказал в ресторане, было сказано с такой теплотой... это было даже романтично. Если не считать разговора об Иисусе. Но ведь он не хотел меня обидеть. Я просто ждала, что он заговорит об одном, а он повел речь совсем о другом. Если бы я так не заиклилась на своих глупых мечтах и надеждах, все могло получиться совсем по-другому. Но что мне надо было сказать? Если бы я так не расстроилась из-за того, что он и не собирался делать мне предложение, что бы я могла ответить на его вопрос, буду ли я следовать за Иисусом Христом? Конечно, сказала бы „да“. Ведь я христианка. Я верую в Бога, Иисуса, и все такое. Но... ведь это не то, о чем он спрашивал. То есть спрашивал-то он об этом, но придавал моему ответу куда большее значение».

Трейси снова посмотрела на Карлоса. Но он уже отвел взгляд. Просто сидел рядом с ней на ступенях. Который час? Трейси поняла, что потеряла ощущение времени. Но Карлос такой добрый и терпеливый... может задать вопрос и ждать ответа, сколько нужно. И ни разу он не выказал раздражения или разочарования. Трейси почувствовала, что начинает улыбаться, глядя на Карлоса. И тут он снова повернулся к ней.

— Когда ты спрашивал меня там, в ресторане... — продолжая улыбаться, начала она.

— Да?

— Ты не спросил, верю ли я в Иисуса.

— Не спросил.

— Ты спросил, буду ли я следовать за Иисусом.

— Да, — подтвердил Карлос.

— Почему?

— Почему? — переспросил он.

Трейси кивнула.

— Меня еще никто об этом не спрашивал. По крайней мере, такими словами.

— Так я расстроил тебя этим?

— Нет. — Трейси резко мотнула головой. — Нет, просто... я всегда верила в Иисуса, с раннего детства.

И Трейси рассказала Карлосу, как мать учила ее не только верить в Иисуса, но и любить Его, молиться Ему и верить в Его прощение и спасение.

Карлос внимательно смотрел на нее, пока она говорила.

— Ты думаешь, верить в Иисуса и следовать за Ним — одно и то же?

— Именно об этом я и хотела спросить тебя.

Карлос широко улыбнулся.

— Думаю, очень многие люди просто «верят» в Иисуса. Верят в то, что он жил, умер и восстал из гроба. Верят, что он Мессия иудеев и Спаситель мира. Верят, что смерть Его принесла спасение всем, кто уверует в Него.

— Но это не то же самое, что следовать за Ним, да?

Карлос кивнул, продолжая улыбаться.

— Именно поэтому я и спросил, станешь ли ты следовать за Иисусом Христом. Когда Иисус ходил по земле, не было разницы между человеком, верующим в Него, и человеком, следующим за Ним. Верить в Него означало следовать за Ним. Когда кто-то делал шаг, уверовав, что этот человек из Назарета — действительно Сын Божий, Спаситель мира, единственным логичным продолжением было следовать за Ним — слушать Его учение, делать так, как Он говорит. Но сейчас все по-другому. Не знаю, как такое возможно, но есть очень много людей, которые находят возможным верить в Непорочное Зачатие, безгрешную жизнь Иисуса, Его смерть за грехи мира и Воскресение из мертвых, но при этом не посвящать всю свою жизнь сознательному и чистосердечному следованию Его учению.

— Ну, если ты имеешь в виду именно это... — начала Трейси.

— А разве можно сказать по-другому? — рассмеялся Карлос.

— Думаю, нет, — застенчиво улыбнулась Трейси.

Они снова замолчали, глядя на поток людей, торговцев и покупателей, обтекающий угол улицы Царя Давида. Туристы. Двое полицейских. Мужчина, толкающий перед собой тачку. Женщина с огромным блюдом испеченного хлеба. Священники Армянской апостольской церкви. Семья хасидов, идущих к Стене Плача. Наконец Трейси снова повернулась к Карлосу.

— Знаешь, ты прав. Я всю жизнь знала, кто такой Иисус и что Он сделал для меня. Для нас всех.

Трейси развернулась. Она больше не могла сидеть бок о бок с Карлосом, ей нужно было смотреть ему в глаза.

— Но я не знаю, как могла думать, что этого достаточно, учитывая... ну, многое. Все. Понимаешь, о чем я?

— Думаю, да, — радостно улыбаясь, ответил Карлос.

— Так ты сможешь мне в этом? — спросила она.

— Помочь тебе?!

— Да. Ты уже живешь так какое-то время, так ведь? Если ты сможешь мне, я тоже научусь следовать за Ним.

Карлос ничего не ответил, только вглядывался в ее лицо. Потом притянул к себе голову Трейси и поцеловал ее так страстно, как не целовал еще ни разу.

31 год от Р. Х. Иерусалим, Храм

Каиафа сидел на низком ложе в своих личных покоях, отведенных ему в Храме. Сначала он даже испугался, что к Храму приближается армия. Земля задрожала так, словно где-то рядом строевым шагом шли тысячи римских легионеров, и Храм сотрясался. Держась за ложе, первосвященник посмотрел по сторонам и увидел, что стены и потолок колеблются. Все здание дрогнуло, в воздух поднялась пыль, камни под ногами подпрыгнули и упали на землю, как морская волна.

Когда толчки закончились, Каиафа понял, что это не армия на марше, а землетрясение. Выйдя из своей комнаты, он направился во Двор язычников. Перед ним открылась пугающая картина. Небо потемнело, молящиеся, заполнившие двор Храма в главный для евреев праздник, смотрели на него и перешептывались. Тишина заставила замолчать даже торговцев и животных в загонах. Люди понемногу пробирались к выходу, словно опасаясь, что ворота Храма могут закрыться.

Каиафа пересек Двор жениц и через Ворота Никанора попал во Двор священников. Там царила отнюдь не праздничная атмосфера. Даже священники и левиты так перепугались, что готовы были покинуть Храм. Один из левитов быстрым шагом направился к Каиафе и приветствовал его почтительным поклоном. Каиафа вспомнил: его зовут Шимон.

— Завеса. Она... повреждена, — сказал Шимон.

— Повреждена? — не понял Каиафа.

Он сразу догадался, что речь идет о плотной занавеси, отделяющей Святая Святых от Святилища.[61]

— Как это могло произойти?

— Она разорвана надвое... сверху донизу.

— Надвое? Но каким образом? — изумился Каиафа.

— Землетрясение, — буднично ответил Шимон.

Каиафа огляделся. Землетрясение, тьма, теперь еще и это. Он с трудом мог заставить себя не дрожать. Что происходит? Что-то роковое, но что? Завеса, служившая границей между Святилищем и Святая Святых, местом присутствия Хашема в Храме, разорвана. Что это означает? И что теперь делать? Чего ждать? Первосвященник снова задрожал. Казалось, земля поплыла у него из-под ног и вот-вот разверзнется и поглотит его. Наконец, огромным усилием воли совладав с собой, Каиафа поднял глаза на левита.

— Займемся этим позже.

— Позже? — не понял его левит.

— Грядет Шаббат.

— Но разве мы не...

— Я все сказал. Нужно готовиться к Шаббату. Вот и займись этим.

Каиафа вышел из Храма и по длинной лестнице стал спускаться к Тиропейской долине. И вдруг увидел, что Малх идет рядом. Слугу била дрожь, глаза его были широко открыты.

— Что случилось? — спросил Каиафа, замедляя шаг.

— Вы приказали известить вас, когда приговор будет приведен в исполне-

ние, — тяжело дыша, ответил Малх.

— Значит, все кончено?

Казалось, Малха испугали слова первосвященника.

— Он умер в то самое мгновение, когда содрогнулась земля, — медленно произнес слуга.

Каиафа посмотрел в сторону северо-западной части храмового комплекса, где была крепость Антония и где казнили преступников. Вгляделся в пепельно-серое небо и снова посмотрел на Малха.

— Ты все видел своими глазами?

— Да, ваше превосходительство, — Малх как будто едва сдерживал слезы. — Сейчас его снимают с креста.

— Он не сопротивлялся?

Малх покачал головой.

— Нет?

— Нет.

— Просто позволил убить себя?

— Да. Как... жертвенный агнец.

— Как агнец, — резко вздохнув, повторил первосвященник.

Малх кивнул и... разрыдался.

— Иди, — сказал Каиафа.

Слезы Малха расстроили его еще больше. Он снова повернулся к Храму, вспомнив странные слова Погружающего, о которых рассказал ему Никодим. Когда это было? Три года назад? «Узрите Агнца Божия».

Над Храмом висело облако ароматного дыма от приносимых жертв. Каиафа уже был уверен, что совершил непоправимую ошибку. Ему давно следовало довериться своим ощущениям, что рабби из Галилеи послан Богом. Но сейчас было слишком поздно. Он почувствовал себя опустошенным как никогда.

Иерусалим, Меа-Шеарим

Рэнд слышал сигнал голосовой почты, еще разговаривая с Игалем Хавнером. Он нажал кнопку, чтобы прослушать сообщение, и пошел в комнату Трейси.

Ее не было. Он увидел клочок бумаги на неубранной кровати. Трейси писала, что встречается с Карлосом и взяла с собой мобильный. Что ж, и то хорошо.

Прослушав голосовую почту, Рэнд набрал номер Трейси и даже удивился, когда она ответила после второго гудка.

— Трейси, привет. Я нашел твою записку.

— Отлично. Карлос пригласил меня в кафе в Старом городе.

— Спасибо, что оставила записку.

Повисло неловкое молчание. Рэнд не знал, как сказать ей то, что хотел, и все-таки попытался.

— Я все еще висел на телефоне, когда ты ушла. Надо было обратить на тебя внимание. Извини.

Трейси молчала, и Рэнд не мог понять, принимает она его извинения или просто раздражена.

— Спасибо, пап, — наконец отозвалась дочь. — Мне сейчас надо идти, но я позвоню тебе позже, хорошо?

И Трейси повесила трубку.

Рэнд огляделся в спальне дочери. Последние два месяца они неплохо ладили, но он не был уверен, что стали ближе или что он стал хорошим отцом.

«На самом деле, — подумал Рэнд, — я и теперь не очень-то понимаю, что надо делать, чтобы быть хорошим отцом».

Рэнд спохватился, что прослушал не все сообщения голосовой почты, и снова нажал кнопку на мобильном. Звонивший представился Давидом Бернштейном из «Джерузалем пост» и сказал, что хочет обсудить с Рэндом его открытие. За последние недели Рэнд отправил множество сообщений журналистам этой газеты, но не мог припомнить имени Давид Бернштейн. Может быть, он звонил и ему. Это можно будет проверить. Рэнд бросился в гостиную, нашел бумагу и ручку, но не успел записать номер телефона, так что пришлось прослушать сообщение еще раз.

«Наконец-то, — подумал он, набирая номер, — хоть кто-то хочет рассказать о важности усыпальницы Каиафы и свитка Никодима».

На звонок ответили после третьего гудка.

— Шалом, это профессор Рэнд Баллок, мне нужен Давид Бернштейн.

— Да, профессор Баллок, спасибо, что перезвонили. Это Давид Бернштейн. Я хотел бы поговорить с вами о находке так называемого оссуария Каиафы.

«Так называемого», — удивился Рэнд, но решил не уточнять.

— Рад, что вы позвонили. Конечно, гробница и оссуарий имеют огромное значение, поскольку позволяют говорить об аутентичности находки, но свиток намного важнее.

— Кен, — ответил журналист, что на иврите означало «да». — Но меня больше интересует оссуарий, на котором написано имя Каиафы, особенно в свете недавнего заявления Расана Азизы.

— Простите, что вас интересует?

— Вы не хотите прокомментировать это заявление?

— Какое заявление? Боюсь, я не понимаю, о чем вы.

— Значит, вы утверждаете, что эта новость застала вас врасплох?

— О какой новости вы говорите?

Рэнд начал выходить из себя.

— Вы говорите, что не знаете о его претензиях?

— Мистер Бернштейн, я понятия не имею, о чем вы говорите. Не могли бы вы ввести меня в курс дела? Будьте добры, объясните, что вы хотите узнать.

— Вы профессор Рэндал Баллок, не так ли?

— Да, — подтвердил Рэнд.

— Вы обнаружили в Тальпите кости первосвященника Каиафы?

— Да.

— Один из оссуариев, который, как вы сами об этом заявили, вы лично обнаружили, представляет собой богато украшенный ящик из известняка с именем Каиафы, написанным на двух его сторонах. Это верно?

— Я действительно нашел этот оссуарий, а не заявил об этом, — устало ответил Рэнд. — И надпись на нем есть: «Иосиф бар Каиафа». В остальном вы правы, да.

— Вы в курсе, что Расан Азиза, известный коллекционер антиквариата, сделал заявление, что он продал вам оссуарий Каиафы?

— Что?!

— Азиза заявил также, что на проданном вам оссуарии не было никаких надписей, пока он находился в его собственности, только изысканная отделка?

— Это розыгрыш?

Рэнд был окончательно сбит с толку.

— Прошу прощения?

— Вы уверены, что правильно набрали номер? Тут какая-то ошибка.

— Нет, сэр, я так не думаю. Израильский Департамент древностей пересмотрел свой вердикт относительно оссуария, учитывая свидетельства мистера Азизы.

— Вы шутите. Что это еще за Азиз?

— А-зи-за. Расан Азиза, коллекционер антиквариата. Он живет здесь уже много лет, точнее десятилетий.

— И он сказал, что продал мне оссуарий Каиафы?

— Да, сэр, и он утверждает, что у него есть договор купли-продажи с вашей подписью.

— Ну что ж, это просто невозможно.

— Значит, вы утверждаете, что он лжец?

— Я этого не утверждаю, поскольку просто не знаю этого человека. И даже не слышал о нем, пока вы не упомянули его имени.

— Вы отрицаете, что были с ним знакомы?

Это становилось больше похоже на допрос, чем на интервью.

— Хватит этой ерунды в стиле сериала «Закон и порядок», — тон Рэнда стал резким. — Кто бы ни был этот парень и что бы он ни говорил, могу лишь сказать, что оссуарий Каиафы был найден там, где он был найден, в гробнице в Тальпите, и на момент раскопок на нем были и декоративный орнамент, и

надпись. У меня есть фотографии, доказывающие это. Могу хоть сейчас отправить их вам по электронной почте.

— Эти фотографии, когда они были сделаны? — спросил Бернштейн.

— В течение двух дней, когда велись раскопки.

— Азиза заявляет, что продал вам оссуарий в прошлом году. Ваши фотографии могут опровергнуть это?

Рэнд опешил.

«Конечно нет, — подумал он. — На них только оссуарий и надписи, и фотографии были сделаны внутри гробницы».

Нет никакого способа доказать, что находки были в гробнице до того, как Рэнд туда попал.

— Нет. Думаю, что нет, — ответил он.

— Вы хотите сделать заявление?

Рэнду очень хотелось послать этого парня далеко и надолго, но он сдержался.

— Да. Я готов сделать заявление. Вы готовы?

— Да, сэр, можете начинать.

— Я не знаю Расана Азизы. Никогда с ним не встречался. Я нашел оссуарий Каиафы в гробнице в Тальпиоте и не производил никаких манипуляций ни с оссуарием, ни с найденным внутри него свитком. Пойдет?

— Превосходно, — ответил журналист.

— Это все, что вам было нужно? Если да, то я тоже хочу спросить...

— Извините, у меня остался еще один вопрос.

— Пожалуйста.

— Вы можете прокомментировать статью в «Джерузалем пост» о том, что вы находились под следствием у израильской полиции?

— Что?!

Все эта история становилась все более абсурдной и возмутительной. Рэнд был готов к тому, что следующей вопрос будет о его контактах с пришельцами.

— В статье говорится, что со времени ваших исследований в Тальпиоте вы находитесь под следствием у израильской полиции.

Рэнд прижал телефон к другому уху.

— Слушайте, я не понимаю, что происходит, откуда вы взяли все эти безумные истории...

— Вы отрицаете, что находитесь под следствием?

— Да, безусловно. Уже прошел не один месяц с тех пор...

— Вы не участвовали в какого-либо рода незаконной деятельности?

— Нет!

Рэнд ругнулся и принял окончательное решение.

— Слушайте, если вы хотите поговорить о значении моего открытия, особенно об исключительной важности свитка, я буду более чем рад продолжить разговор. В противном случае я все сказал.

— Спасибо, профессор Баллок, — ответил Бернштейн. — Думаю, я узнал все, что хотел.

И повесил трубку.

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Это был самый мрачный Шаббат в жизни Каиафы. Непрерывные рыдания Малха становились невыносимы, и Каиафа прогнал его, запретив появляться на глаза, по крайней мере до окончания Шаббата. Праздничную трапезу в пятницу вечером он провел в доме тестя. Разговор снова и снова возвращался к суду над рабби из Галилеи и его казни — а именно об этом Каиафа меньше всего хотел слышать.

Ионатан и Елеазар провели все необходимые слушания — у Пилата и у Ирода, потом был последний допрос у Пилата. Они присутствовали и при распятии. Младшие сыновья Анны — Теофил, Матфей и Анний — выполнили поручения Ионатана и своего отца. Каждый хотел рассказать об этом, но Каиафе от их рассказов становилось не по себе.

— Ты молчишь, Каиафа, — сказал Ионатан во время трапезы. — Тебя что-то гнетет?

Каиафа хотел не отвечать на вопрос, но пришлось.

— Нет, брат мой, я просто горжусь тем, что священники, служащие Хашему, отправили на смерть иудея.

— Вунтаря богохульника, — сказал Елеазар. — Тут есть чем гордиться.

— Не понимаю, что тебя печалит, — сказал Ионатан, пережевывая пищу. — Ведь именно ты сказал, что пусть лучше умрет один, чем погибнет весь народ. Его схватили, допросили и казнили, и это избавило нас от многих бед. Мир сохранен, а народ наш спасен от гибели. Ты должен гордиться этим больше, чем кто-либо.

— Не могу, — ответил Каиафа.

— А я горжусь! — сказал Теофил. — Пусть все богохульники разделят его судьбу!

— Но понял ли ты, почему тьма упала на землю? — спросил Каиафа.

— Ты что, никогда не видел пыльной бури? — пожал плечами Ионатан.

— Это была не пыльная буря, и ты это знаешь, — ответил Каиафа.

— Какое же еще может быть объяснение?

— А землетрясение, брат мой, которое разорвало завесу в Святая Святых? Почему оно произошло?

— Раньше такое тоже бывало, не так ли? Мы все видели это, кроме, может быть. Анния, который слишком молод.

Анний собрался было возразить, но старшие братья стали подшучивать над ним, и он умолк, подняв руки.

— Какое же значение придаешь ты этим событиям? — тяжело дыша, спросил Анна, фальшиво улыбаясь беззубым ртом.

— Никакого.

— Никакого? — удивился Анна. — Значит, ты не придаешь никакого значения и тому, что Никодим и Иосиф забрали тело Галилеянина?

Каиафа бросил на него ненавидящий взгляд и мысленно отругал себя за то, что его застали врасплох. Старик этому явно обрадовался.

— Разве я, а не ты придаешь этому значение? — заметил Каиафа.

Анна пожал плечами и кашлянул.

— Никакого значения это не имеет. Но не мешало бы, донести префекту — пусть у гробницы выставят стражу.

— Стражу? — Каиафа взялся за бороду. — Чтобы, мертвец не сбежал?

— Чтобы живые не проникли в усыпальницу, — возразил Анна. — Некоторые говорят, что Галилеянин обещал воскреснуть через три дня после смерти, как Иона, вышедший из чрева кита. Караул не позволит его последователям выкрасть тело, а потом заявить, что он воскрес из мертвых.

— Опять обращаться к римлянам? — удивился Матфей. — Почему не поставить часовых из храмовой стражи?

— Если гробницу будет охранять храмовая стража, последователи Галилеянина украдут тело по истечении трех дней, когда стражу снимут, — возразил Ионатан, продолжая мысль отца. — Потом скажут, что храмовая стража уснула на посту или что часовых не было на месте, и против них будет лишь слово священников и наших солдат. Но если стражу поставят римляне и гробница останется целой в течение трех дней, это будет совсем другое дело.

— Если гробница останется целой? — переспросил Каиафа.

— Когда гробница останется целой, — уточнил Ионатан, скривившись. — Ни один человек, даже если он зилот, не может настолько обезуметь, чтобы напасть на римскую стражу. Но что еще важнее, люди знают, что римляне не ищут никакой выгоды в этом деле, и, следовательно, римские часовые надежнее еврейских. И больше никто не поверит последователям Галилеянина, что бы они там ни говорили. Это очень мудро, отец, — добавил он, подобострастно глядя на Анну.

Анна утвердительно кивнул.

— И правда очень мудро, — сказал Каиафа, поднимая чашу с вином и делая жест в сторону Анны. — Теперь мы не только пособники римлян. Мы призываем их в свидетели.

Анна прищурился.

— Это не устраивает Каиафу, первосвященника? — спросил он.

Каиафа поставил чашу на стол.

— Меня здесь ничто не устраивает.

— Понимаю, — кашлянув, ответил Анна.

— Я сделаю это, — сказал Ионатан. — Соберу посольство к Пилату и прослежу, чтобы все было исполнено в точности.

Каиафа одарил Ионатана мрачным взглядом и промолчал.

Иерусалим, Старый город

Трейси закончила говорить с отцом и снова шла под руку с Карлосом к тому месту, где он припарковал «лендровер». У нее кружилась голова. По большей части от любви, но также она чувствовала нечто новое, стремление выйти за пределы «просто веры», которой она придерживалась всю сознательную жизнь, желание следовать за Иисусом Христом, как Карлос.

Вдруг, когда они шли вдоль стен Старого Города оживленной Яффской дорогой, Трейси засмеялась.

— Почему ты смеешься? — спросил Карлос.

— Просто радуюсь.

— Я тоже рад.

Они шли молча.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне, почему расплакалась в ресторане?

— Теперь это кажется такой глупостью.

Трейси прислонилась головой к его плечу.

— Тогда давай посмеемся вместе.

— Стыдно, — искоса глянув на Карлоса, ответила Трейси.

— Ничего страшного, — пожал он плечами.

— Тебе ничего страшного, а мне стыдно.

Трейси остановилась.

— Обещаешь, что не станешь считать меня глупой девчонкой?

— Я и представить не могу, что ты можешь быть глупой девчонкой, — с нежностью прошептал Карлос.

Трейси опустила взгляд.

— Я заплакала... потому что думала, что ты собираешься спросить меня, выйду ли я за тебя замуж, — сказала она и застенчиво посмотрела на Карлоса.

Улыбка исчезла с его лица.

— Что-то не так? — спросила Трейси.

— Ты... не хотела, чтобы я об этом спрашивал?

— Нет, совсем нет. Просто я расстроилась. Ждала услышать от тебя предложение, а ты заговорил о другом, и мои надежды рухнули.

— Значит, теперь все в порядке?

— Почти. — Трейси несмело улыбнулась и покраснела.

Карлос взял ее за руку.

— Пойдем.

Они вернулись к проходу в стене Старого города и поднялись по узкой каменной лестнице на самый верх городской стены. Карлос стал рассказывать о том, что у него за спиной.

— Это Башня Давида. Ее построил не сам Давид, это одна из трех башен, возведенных при царе Ироде, и даже минарету, который поставлен прямо на нее, больше трехсот лет.

Он повернулся и показал на северо-восток.

— Это купола Храма Гроба Господня, рядом с Голгофой.

Обняв Трейси за плечи и притянув к себе, он развернулся на восток.

— Вот тот золотой купол — Купол на Скале, на месте Храма, а ниже — Масличная гора.

Карлос немного подался вправо.

— Под нами — град Давидов, долина Кедрон, а вон там, вдалеке, холмы Ефраты, и там же Вифлеем.

— Зачем ты все это мне показываешь? — спросила Трейси.

— Прекрасные виды, правда?

— Да, но зачем ты мне их показываешь?

Разомкнув объятия, Карлос взял Трейси за плечи и развернул лицом к себе. Она задрала голову, с любопытством глядя в его глаза, темные и в то же время прозрачные, как обсидиан.

— Я согласен с царем Давидом, что это самый красивый город на свете. Иерусалим вдохновлял поэтов и пророков в течение тысячелетий. Каждый раз, когда я оказываюсь здесь, мне кажется, что Иерусалим стал еще прекраснее. Но он меркнет перед красотой женщины, на которой я хочу жениться.

Карлос достал из кармана маленький конвертик. В нем было кольцо.

У Трейси выступили слезы.

— Я не собирался делать это сегодня, поскольку еще не говорил с твоим отцом и не знаю, благословит ли он нас. Но я не хочу, чтобы ты чувствовала разочарование.

Он опустился на колени.

— Трейси, я люблю тебя. Я не могу без тебя жить. Не хочу расставаться с тобой ни на одну минуту. Хочу всю жизнь стараться сделать тебя такой же счастливой, каким ты делаешь меня. Ты будешь моей женой?

Трейси старалась вытереть слезы, чтобы видеть его лицо, пока он говорил, и наконец сдалась — пусть текут. Она тоже опустилась на колени и обняла Карлоса.

— Да!

Она обняла его так крепко, как только могла, и расплакалась уже в его объятиях.

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Ранним утром следующего дня Малх сопровождал Ионатана, сына Анны, во внутренний двор дома Каиафы. Первосвященник отдыхал, возлежа на ложе у стола, на котором лежали огурцы, помидоры,[62] лук и маслины, но не притрагивался к еде. Есть не хотелось.

— Не ожидал увидеть тебя сегодня, Ионатан бар Анна.

И показал на соседнее ложе.

— Благодарю. — Ионатан криво усмехнулся. — Боюсь, не смогу остаться надолго.

Каиафа увидел, что Ионатан тщетно пытается скрыть отчаяние. Первосвященник приподнялся на локте.

— Что привело тебя ко мне?

— От имени отца прошу тебя созвать Совет.

— Зачем?

— Солдаты.

Ионатан топтался на месте и не смел поднять глаза.

— Что — солдаты?

— Караул, который прислал префект... чтобы охранять гробницу Галилеянина.

Каиафа вскочил так резко, что едва не опрокинул стол.

— Что? — вопрос прозвучал, как удар кнута.

— Они... пришли ко мне сегодня утром. Они в панике, — неохотно ответил Ионатан.

— Что же их так испугало? — процедил Каиафа сквозь зубы.

Ему хотелось придушить шурина за эту его уклончивость.

— Пилат выделил часовых, — продолжал Ионатан.

Каиафа знал, что стандартная римская стража — это шестнадцать человек. Они стоят в карауле по четверо, сменяясь через каждые три часа.

— Они... рассказали, как сотряслась земля и они увидели...

— Что? Что увидели?

Каиафа терял терпение.

Ионатан посмотрел на него так, будто не надеялся, что ему поверят.

— Ангела. Они сказали, что в саду появился ангел, подошел к гробнице, откатил камень и... сел на него.

Каиафа онемел. Всматриваясь в Ионатана, он не увидел ни малейшего намека на то, что он шутит. Единственное, что первосвященник смог прочитывать на лице шурина — страдание и последнюю степень отчаяния. Опустившись на ложе, первосвященник посмотрел на каменистую почву под ногами.

— Рим... римская стража, — только и сказал Каиафа. — Они сказали, что увидели ангела.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как Ионатан мотает головой.

— Да. И еще они сказали, что оцепенели от страха.

Ионатан прокашлялся.

— Когда они приблизились, ангел исчез. Гробница была пуста. Остался саван, но тело исчезло. Они пошли в Храм и нашли меня, спросили, что им те-

перь делать. Они были в панике.

— Еще бы.

Согласно воинской дисциплине им грозила смертная казнь. И солдат казнят, если их начальство узнает об этом. Каиафа поднял голову и посмотрел на искаженное мукой лицо Ионатана.

— Ты веришь в то, что они рассказали?

— Я саддукей, — мрачно усмехнулся Ионатан. — Мы не верим рассказам об ангелах.

— Конечно, не верим, — подтвердил Каиафа.

— Но надо что-то делать.

— Да. Ты, конечно, уже советовался с отцом. Что он сказал?

Ионатан хотел было что-то произнести, но передумал.

— Он напомнил мне, что ты — первосвященник Израиля.

Ионатан прятал взгляд.

— Хм. — Каиафе больше нечего было сказать.

Он поднялся, сделал несколько шагов и замер. Ионатан ждал ответа. Сердце Каиафы билось все быстрее, голова закружилась, и он испугался, что может упасть. Если бы у него было время, чтобы подумать. Слишком много событий. Слишком многое надо принять во внимание. А сейчас ему трудно собраться с мыслями.

Наконец первосвященник покачал головой и дал знак Малху, стоявшему неподалеку и изумленно внимавшему речам Ионатана.

— Оповести писцов, пусть созывают Совет. В шестом часу.

110[63]

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Зал тесаных камней

Место, где обычно сидели Иосиф Аримафейский и Никодим, пустовало. Остальные члены Синедриона собрались в Зале тесаных камней.

Когда Каиафа велел писцам огласить список, все уже знали, зачем собрались.

— К чему оглашать имена? — спросил кто-то. — Разве мы судим кого-то?

— Продолжай, — сказал писцу Каиафа.

Он настаивает на том, чтобы были известны имена всех, принимавших решение.

Когда список был оглашен, Каиафа прочитал доклад, составленный Ионатаном со слов римских солдат, и призвал Совет принять решение.

— Решение? — переспросил его Шимон Хевронский. — Какое решение? Солдаты нарушили приказ. Они должны понести наказание. Нам незачем защищать псов-язычников, тем более римлян!

Захария встал и ударил об пол посохом.

— Разве мы можем позволить, чтобы все узнали об этих рассказях? В Иерусалиме, Иудее, во всем Израиле? Рассказням о том, что ангел вывел галилейского рабби из гробницы?

— Но разве мы знаем, что этого не было? — спросил Гамалиил.

В зале воцарилась гробовая тишина. Его слова потрясли Совет.

— Ты стал одним из них? — спросил Гамалиила Елеазар, сын Анны.

Но Гамалиил был непреклонен.

— Я просто хочу обратить внимание Синедриона вот на что. Не мешало бы выяснить, говорят ли солдаты правду.

Некоторые члены Совета обменялись озадаченными взглядами, но большинство смотрели в пол, себе под ноги.

— Гамалиил призывает нас верить в ангелов и духов, а также в воскресение из мертвых, — сказал Елеазар. — Но это фарисейские суеверия!

Зал огласился оскорблениями и проклятьями. Фарисеи и саддукеи яростно спорили. Рабби против священников! Устало глядя на все это, Каиафа поймал взгляд Гамалиила, который говорил: «Я сказал, не подумав».

— Тишина! — крикнул Каиафа.

Он несколько раз повторил это, пока члены Совета не успокоились и сели на свои места.

— Если мы будем спорить, то не примем никакого решения. Займемся делом. Мы должны ставить интересы страны и народа выше наших разногласий.

— Если солдат, охранявших гробницу Галилеянина, казнят, эта история разойдется в народе, — встал Иосиф Вифанийский. — И мы не сможем остановить слухи.

— Солдаты не должны ничего рассказывать, — возразил кто-то. — Пусть они вернутся в казармы и доложат, что за время несения службы ничего не произошло.

— Ты забываешь, что камень отвален и римская печать сорвана, — напомнил другой член Совета. — Они не могут сказать, что ничего не произошло.

— Римляне приговорят к смерти нарушившего печать! — крикнул кто-то.

— И как они будут казнить ангела? — спросил старик фарисей, вставая с места в первом ряду.

Кто-то многозначительно закашлялся.

— Надо заплатить солдатам за их молчание, — предложил Ионатан, сын Анны.

— Солдаты сами не захотят, чтобы все узнали о том, что произошло, — согласился с ним кто-то.

— Это мягко сказано, — раздался еще чей-то голос.

Ионатан смотрел на сидящих полукругом членов Синедриона.

— Мы можем предложить им денег, если они расскажут, что последователи Галилеянина прокрались ночью в гробницу и выкрали тело. Это объяснит и то, что камень отвален, и то, что нарушена печать, и то, что в гробнице нет тела.

— Да, и это сделает всякого последователя Галилеянина потенциальным подозреваемым... в глазах римлян, — согласился Елеазар.

— Ничего не выйдет, — возразил кто-то. — Караульных могут казнить за то, что они заснули на посту. Так, как если б они впустили в гробницу посторонних.

— Да. — Каиафа не сомневался, что резкость тона выдаст его отвращение к этим спорам. — Но их рассказ не заменит правды. Ионатан, сын Анны, предложил решение, в которое никто не поверит.

Ионатан раздраженно посмотрел на зятя.

— Нам надо убедить часовых в том, что мы поговорим с префектом, если до него дойдут какие-то слухи. Он предоставил нам стражу, потому что это

было в наших общих интересах. Мы объясним, что ни ему, ни нам не выгодно, если все узнают, что римские солдаты падают в обморок при виде ангела и восставшего из гроба целителя из Галилеи.

— Знает ли кто-нибудь из вас, что стало с телом? — перебил его Гамалиил. — Если гробница пуста, а мы распространим слух, что тело выкрали последователи Галилеянина, то где же оно на самом деле?

Каиафа посмотрел на старого друга, который нередко вступал с ним в спор. Фарисей наконец-то облек в слова то, что так мучило Каиафу с тех пор, как он услышал эту историю.

111

Иерусалим, Меа-Шеарим

Рэнд закончил разговор и тихо сыпал ругательствами. Никак не удавалось связаться со старшим сержантом Мири Шарон. Он оставил для нее голое сообщение у дежурного в полицейском отделении, но тот отказался дать номер ее мобильного или помочь ее найти.

В ящике кухонного стола Рэнд нашел телефонный справочник, но он был на иврите. Снова позвонил в отделение полиции, записал их адрес на клочке бумаги, сунул в карман ключи от машины. Когда Рэнд уже открыл входную дверь, от него отпрянула удивленная Мири Шарон: она как раз собиралась постучать.

— Что вы здесь делаете? — спросил Рэнд. — Я давно пытаюсь связаться с вами.

— Я здесь ни при чем.

— О чем вы?

— Я пришла сказать, что не имею отношения к той статье.

— Так, значит, это правда? Я под следствием?

— Нет. — Мири покачала головой.

— Но газеты пишут, что это так.

— Да, газеты пишут.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, но... Можно, я войду?

— Да. — Рэнд посторонился в замешательстве. — Да, конечно.

Когда Мири вошла, Рэнд будто заново увидел квартиру, где они жили с Трейси. Ему стало стыдно. Бумаги, книги, коробки покрывали почти весь пол в гостиной. Он смущенно извинился за беспорядок.

Опустившись на свободный край старого дивана, Мири скрестила ноги.

— Я только сегодня узнала о статье. И пошла прямо к вам, чтобы объяснить, что я этого не делала.

— Кто же тогда?

— Извините. — Мири опустила голову. — Я не знаю. Могу лишь предположить, что репортеру попал в руки полицейский отчет, и он увидел в нем ваше имя. Я имею в виду тот вечер, когда мы искали Трейси.

— Так вот что это за следствие, о котором упомянул журналист...

— Ни о каких других расследованиях мне ничего не известно.

— Не понимаю, что происходит.

— Есть ли у кого-нибудь причина распространять о вас ложную информацию? — спросила Мири.

Рэнд встал и покачал головой.

— Нет. Конечно нет.

И вдруг остолбенел. Мири это заметила.

— О чем вы подумали?

Он еле заметно пожал плечами.

— Это идиотизм, самый настоящий. То есть я хочу сказать, что в последние две недели изводил звонками многих журналистов и, может быть, кому-то очень надоел. Но я не делал ничего такого, из-за чего стоило бы распространять обо мне небылицы.

— А почему вы... Как вы сказали? Изводили журналистов?

Рэнд не знал, с чего начать. Опустившись на диван рядом с Мири, он стал в хронологическом порядке рассказывать ей о том, что произошло с тех пор, как он отдал кости Каиафы «Хеврат Кадиша». Да и она сама, наверное, знала это из выпусков новостей. Как свиток был обнаружен, как проводились исследования, как был переведен текст. Да и потом были сообщения в прессе, но в них уделялось внимание главным образом значению находок для археологии. О духовном посыле открытия Рэнда, за редким исключением, газеты не писали.

— К тому времени, когда интерес к моей находке иссяк, о том, что я называю истинной историей, так и не было рассказано, — объяснил Рэнд.

— Истинная история?

— Да! Истинная история заключается не в находке усыпальницы первосвященника и его костей и не в чем-то еще — академическом и скучном. Истинная история — это то, что две тысячи лет назад первосвященник Израиля признал воскресение из мертвых Иисуса Христа!

— Но по-моему, вы говорили, что письмо было адресовано первосвященнику, а не написано им.

— Да, но... там говорится, что Каиафа поверил в воскресение. Причем в выражениях, исключающих иные толкования.

— Но даже если есть свидетельство того, что первосвященник уверовал в воскресение, это вовсе не значит, что так все и было в действительности, — парировала Мири.

Рэнд нетерпеливо вскочил.

— Мог ли первосвященник Израиля — первосвященник, возглавлявший судилище над Иисусом, — позволить кому-то убедить себя в воскресении Христа, если в действительности его не было? — воскликнул он, повысив голос. — Если он был уверен в этом меньше чем на сто процентов? Если была хоть какая-то возможность усомниться, опровергнуть воскресение?

Мири смотрела на него спокойно, без враждебности. Она встретила его взгляд, не смутившись... но и не ответила согласием.

— Вы понимаете? Это самое серьезное из когда-либо найденных доказательств воскресения Иисуса! — продолжал Рэнд. — Сильнее стало бы только обнаружение видеозаписи этого события двухтысячелетней давности!

— Но неужели вы не понимаете, что это на самом деле означает для всего мира? — спросила Мири.

Ее ноздри затрепетали.

— Да, мне кажется, я понимаю... — начал Рэнд.

— А мне так не кажется, — сказала она, впервые за весь разговор позволив

себе нетерпеливый жест.

Мири подняла указательный палец, словно политик, который приготовился сделать важное заявление.

— Государство Израиль, как и большинство стран современного мира, сохраняет политическое равновесие и территориальные границы лишь за счет хрупкого баланса между религиозными конфессиями. Вы были у Стены Плача, профессор Баллок?

— Да, конечно.

— Вы видели вооруженных часовых наверху, которые следят за каждым входом и выходом? Они охраняют не только Стену. Они охраняют Храмовую гору, или Ал-Харам Аль-Кудс аш-Шариф, как называют ее мусульмане. Как вы думаете, зачем израильские военные охраняют святыню мусульман? Потому что мы знаем: если будет нанесен удар по Стене Плача или по мечети Аль-Акса, неизбежно, начнется такое, что все предыдущие войны покажутся возней в песочнице. Так что простите меня, если я без особого энтузиазма отношусь к вашему открытию, которое, как вы надеетесь, заставит все церкви мира принять вашу точку зрения. Вы думаете, «Хеврат Кадиша» такие фанатики просто потому, что они мало знают об Иисусе Христе? Или что мусульмане избрали свою веру, потому что им не хватило информации? Думаете, мир, узнав о вашем открытии, изменится? Надеюсь, вы так не думаете, иначе вы просто морочите себе голову.

Рэнд ошеломленно смотрел на нее. Они выросли в разных условиях и среди разных людей, но сейчас он вдруг отчетливо увидел, какая пропасть их разделяет. Он перевел дух и заговорил более спокойно.

— Да, именно так я и считаю. Я обязан так считать. Я археолог, а археологи большую часть времени заняты поисками знания — по крупицам, чтобы можно было хоть что-то понять об истории человечества. Надо быть безумцем, чтобы провести жизнь, роясь в земле и составляя каталоги черепков, не задумываясь об истине. Я верю, что такое открытие, как этот свиток, которому две тысячи лет, может изменить положение вещей. Может быть, не для всех, но для большинства. Конечно, я понимаю, что убежденные мусульмане, буддисты и иудеи не станут обращать на него внимания. Но что насчет остальных? Тех, кто не является религиозным фанатиком? Кто чувствует себя потерянным, сбитым с толку? Кто не знает, во что верить? Кто ищет истину? Может быть, я и дурак, но я верю в то, что нет ничего важнее истины. И я думаю, что она сможет изменить людей... а если это так, то сможет изменить и многое другое.

Мири улыбнулась так, словно его пламенная речь произвела на нее впечатление.

— Можно вопрос, прежде чем я уйду? — спросила она уже без улыбки.

Она встала и достала из кармана связку ключей.

— Эта истина изменила вас?

112

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Зал тесаных камней

Заседание Совета закончилось. Решения были приняты, и зал опустел. Остался лишь Каиафа.

Он был один в зале заседаний Великого Синедриона. Мучительный выбор заставил его остро почувствовать одиночество. С этим рабби из Галилеи все получилось совсем не так, и поправить ничего было нельзя, но и сейчас он не мог понять, почему так произошло. У Каиафы было такое чувство, что на каждом шагу он сам и Синедрион совершали ужасные ошибки, но не мог представить, что могло быть иначе. Что теперь делать? Если бы он даже знал, уже поздно. Оставалось с честью выйти из положения и надеяться, что когда-нибудь все вернется на круги своя. Что еще? Некому верить, не у кого спросить совета, никто не снимет с него это бремя.

Каиафа остался один.

113

Иерусалим, Меа-Шеарим

Из «лендровера» Трейси и Карлос увидели отъезжающую машину Мири Шарон. Трейси ее окликнула, но Мири, как видно, не услышала. Они нашли свободное место в квартале от дома, чтобы припарковать машину, вернулись пешком и вошли в парадный подъезд.

— Папа? — позвала Трейси отца.

Рэнд сидел на диване, уткнувшись лицом в ладони. Казалось, он не слышит. Трейси пересекла комнату и присела рядом.

— Пап, ты в порядке?

Рэнд медленно поднял голову и посмотрел на дочь. В глазах стояли слезы.

— Что случилось? Что с тобой?

Сзади подошел Карлос.

Рэнд покачал головой.

— Простите, — сказал он и снова уронил голову в ладони.

— Пап, что произошло? — умоляюще спросила Трейси.

Беспомощно оглянулась на Карлоса, который присел на диван с другой стороны от Рэнда, стараясь не сдвинуть бумаги и книги.

Тяжкие рыдания сотрясли тело Рэнда. Глядя на него, Трейси задрожала и тоже заплакала, хотя понятия не имела, что с отцом. Наконец Рэнд собрался с силами и перестал плакать, подняв на дочь глаза, полные боли и печали.

— Я не знаю, с чего начать, — признался он.

Постепенно, то подбирая слова, то едва успевая за ходом мысли, он рассказал им обо всем, что пережил за последние месяцы. О разочаровании, которое все нарастало в эти две недели, когда он понял, что не в силах донести до людей историю свитка Никодима, а ведь он считал это самым важным. Рассказал про переговоры с журналистами, про сегодняшние беседы по телефону с Игалем Хавнером и журналистом из «Джерузалем пост». Про визит Мири, их спор и ее вопрос на прощание: «Изменила ли истина вас?»

Рэнд откинулся на спинку дивана и уставился в потолок.

— Я ответил утвердительно. Сказал, что истина изменила меня, но это ложь. Я сказал это машинально, потому что знал «правильный» ответ. Но я понял, что это ложь, как только сказал это.

Он посмотрел на Трейси.

— Истина в том, что я не изменился. Разве это не так?

Трейси хотела что-нибудь сказать, чтобы его успокоить, но Рэнд продолжал говорить.

— Я чувствовал, что за последние месяцы многое изменилось, но не внутри меня. Я.. я теперь совершенно по-другому воспринимаю Библию, библейские истории отзываются во мне, я чувствую, что все это правда, потому что держал в руках кости Каиафы. Я знаю, что он существовал. Я своими глазами видел письмо, написанное рукой Никодима! Я верю в воскресение Иисуса, потому что этому есть доказательства, понимаешь? Всего два месяца назад я во все это не верил, но теперь я не просто верю, я хочу, чтобы каждый узнал, какие серьезные есть доказательства! Вот почему я портил кровь журналистам. Потому что верил, что есть люди, которые захотят узнать об этих доказательствах и примут для себя решение, какими должны быть мир, жизнь, религия. Вот и все. Когда Мири спросила: «Изменила ли истина вас?», я понял, что из-за этого открытия я думаю по-другому, но... я не изменился.

Рэнд наморщил лоб, и на глаза снова навернулись слезы.

— Я знаю, Трейси, последние месяцы у нас все было не так уж плохо. Но я так и не стал отцом, которого ты заслуживаешь. И прошу за это прощения. Я не знаю, как мне измениться, как стать другим человеком, которым я хотел бы стать. Мои взгляды изменились — по крайней мере, мне так кажется. Мне также кажется, я знаю истину, но не думаю, чтобы она хоть как-то изменила меня.

Трейси взяла отца за руку. Она сидела рядом, закинув ногу за ногу и сжав его руку в своих ладонях.

— Папочка, ты изменился, но, кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

Она посмотрела на Карлоса, и тот ободряюще улыбнулся.

— Карлос только что, буквально пару часов назад, объяснил мне разницу между верой в Иисуса и следованием Его учению.

Посмотрев на дочь, Рэнд задумчиво кивнул.

— Множество людей верят в то, что Иисус жил, умер и воскрес из мертвых, но это не значит, что они посвящают жизнь тому, чтобы следовать за Ним.

— Безусловно, — согласился Рэнд.

— Но в те времена, когда жили Каиафа и Никодим, между верой в Иисуса и следованием за Ним не было большой разницы. Каждый, кто верил в то, что Иисус — тот, кем Он себя называет, чаще всего становился Его последователем. Они не просто признавали истинность Его учения или факт Его воскресения. Они не просто ходили в церковь по воскресеньям.

Трейси снова глянула на Карлоса, будто хотела заручиться его поддержкой.

— Трейси права, — вступил в разговор Карлос. — Следовать за Иисусом значило куда больше. Это означало изменить свою жизнь ради Иисуса. Отказаться от привычного образа жизни и принять Иисуса своим учителем — и в результате познать совершенно иной путь, в свете Его живого присутствия и Его учения.

— Твоя мать всегда говорила об этом, — сказал Рэнд Трейси.

— Да. Но, боюсь, я еще не поняла это настолько глубоко, как это понимает Карлос.

— И ты думаешь, я упустил именно это? Считаешь, это действительно меня изменит?

— Папочка.

Трейси отпустила его руку и встала на колени.

— Я думаю, что Иисус всерьез говорил: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Я не думаю, что Он имел в виду интеллектуальное знание — или археологическое, — улыбнулась Трейси. — Думаю, Он хотел сказать о чем-то куда более личном, чем это. О познании истины в том смысле, насколько один человек может узнать другого, понимаешь? Речь идет не о самих фактах, но об отношении, в котором истина — не «что», а «кто».

Она замолчала и посмотрела на Карлоса.

— У меня не получается объяснить.

— Очень даже получается, — ответил Карлос.

И повернулся к Рэнду, который смотрел на него через плечо.

— Трейси все сказала правильно. Стать истинным последователем Иисуса значит и то, что Иисус через Дух Святой входит в тебя и живет в тебе, изменяет тебя изнутри. Возможно, это та самая перемена, о которой вы говорили.

— Думаю, да, — ответил Рэнд.

— Это то, что вы хотите сделать?

Рэнд нахмурился и серьезно посмотрел на Карлоса. Интересно, как так могло случиться? находка усыпальницы Каиафы запустила цепь событий, которые привели его к тому, что он чувствует теперь, но стало ли это открытие источником веры, которой ему не хватало прежде? Когда в нем зародилось желание верить? Стал ли причиной этого свиток? Или гробница и свиток просто привели его к Библии заново, с открытым сердцем и открытыми глазами?

Эти мысли озарили его мгновенно, как фейерверк. Рэнд отчетливо понял, что не важно, сколько людей поверят в истинность воскресения, узнав о свитке, если их глаза не откроются так, как открылись у него. Судя по всему, понял он, миллионы людей принимают на веру истину Воскресения, так и не испытав пробуждение веры, подобное тому, что произошло с ним. Рэнд не просто был готов принять все это, он был готов изменить направление, в котором шла вся его жизнь. Непонятно, откуда взялась эта вера, но вряд ли она зародилась лишь в результате того, что он нашел доказательства в усыпальнице Каиафы. Это послужило лишь спусковым крючком, и Рэнд осознал, что у него всегда хватало доказательств... и лишь недавно открылись глаза, чтобы он мог их увидеть. В этом вся разница.

Рэнд понял, что Трейси и Карлос все еще ждут от него ответа. Он посмотрел на обоих и коротко кивнул.

— Да, это то, что я хочу сделать.

Карлос опустил руку на колени и положил левую руку на плечо Рэнда.

— Признаешь ли ты, что грешен и грехи твои отделяют тебя от Бога?

— Да.

Карлос кивнул, и на его лице мелькнула улыбка, но он сдержался и продолжил:

— Раскаиваешься ли ты в грехах своих? Другими словами, желаешь ли ты отрешиться от грехов и познать новый путь жизни от твоего учителя Иисуса?

— Да.

— Понимаешь ли ты, что лишь в силу того, что Иисус умер на кресте, тебе надо просто попросить Его о прощении всех грехов, освобождении от вины и наказания, коих грехи твои заслуживают, и о жизни вечной?

— Да.

— Вознамерился ли ты следовать за Иисусом Христом во всех твоих делах и служить Ему всем сердцем, как учителю твоему и Господу твоему?

— Да, — ответил Рэнд еще более решительно, чем вначале.

— Сможешь ли ты произносить все это как молитву, прося принять Бога подношение сердца твоего и жизни твоей?

— Ты хочешь сказать, прямо сейчас? — спросил Рэнд.

Карлос улыбнулся.

— Именно это я и хочу сказать.

Рэнд поглядел на него, потом на Трейси.

— Я не особенно умею молиться, — сказал он.

— Вы же будете говорить не с нами, — ободрил его Карлос.

— Мне... надо закрыть глаза?

— Если хотите. Некоторым это помогает сосредоточиться.

— Ладно.

Прикрыв глаза и сделав глубокий вдох, Рэнд начал говорить.

— Иисус, Ты знаешь, что я не особенно умею это делать. Но я верю, что Ты воскрес из мертвых. Что Ты Тот, кем Себя называл. И я, пожалуй, готов делом подкрепить слова свои.

Рэнд помолчал.

— Посмотрим. Может, я делаю это неправильно, но прошу прощения за мои грехи, особенно за то, что не был хорошим отцом. Ужасно, что все эти годы я не делал того, чего Трейси была вправе ждать от меня как от отца.

Его голос задрожал от волнения.

— Я был ослом, и я знаю, что лишь в общих чертах рассказал об этом. Я прошу прощения. Прости меня, пожалуйста. Войди в мое сердце и сделай меня новым человеком, изнутри наружу, как сказал Карлос. Я вверяю Тебе мою жизнь. Что бы это ни значило, я буду следовать за Тобой отныне и до конца.

Рэнд открыл глаза. Трейси смотрела то на него, то на Карлоса, и в ее глазах стояли слезы счастья. Она улыбалась.

— Аминь, — сказал Карлос.

— Да. Правильно. Аминь. Это-то я и забыл.

Рэнд начал смеяться и плакать одновременно, и остальные тоже.

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Последние несколько недель для Каиафы превратились в кошмар. Стали приходить донесения, что Иешуа, рабби из Назарета, видели то там, то тут живым, и не отдельные люди, а целые толпы народа в Галилее. Вести чаще всего приносил Малх, который за прошедшие после Пасхи недели успокоился. Казалось, он стал старше и выше ростом. Когда-то равнодушный слуга, теперь он отправлялся выполнять поручения улыбаясь, а то и напевая на ходу.

Приближался Праздник первого урожая, а Каиафа чувствовал себя развалиной. С Пасхи у него пропал аппетит и началась бессонница. Трудно было на чем-то сосредоточиться. Не раз случалось, что он вступал в разговор и переставал слышать собеседника, а тот продолжал говорить. Мыслями первосвященник уносился куда-то далеко. Уже несколько дней он страдал от сильных болей в груди, таких, что становилось трудно дышать, и Каиафа уже стал опасаться, что на него пало проклятие Божие.

Лежа на ложе в саду под оливковым деревом, он подозвал Малха.

— Я хочу спросить тебя, Малх.

Слуга с готовностью наклонил голову.

— Насчет Галилеянина, — добавил Каиафа, внимательно глядясь в лицо слуги.

Малх кивнул, улыбаясь.

— Похоже, ты немало о нем знаешь, — сказал Каиафа и закашлялся.

Когда приступ кашля миновал, он собрался с силами и продолжил:

— Похоже, ты все знаешь о событиях последних недель. Ты стал одним из них?

— Одним из них? — переспросил Малх.

— Последователей Галилеянина.

Малх задумался, но ненадолго.

— Да, — ответил он.

— Ты видел, как его схватили.

— Да.

— Ты видел, как его повесили на кресте деревянном.

— Да.

— Ты знаешь, что он умер и был погребен.

— Да.

— И все-таки ты стал одним из талмидим мертвого рабби?

— Нет, — ответил Малх.

— Нет? Но ты сказал...

— Я не последовал за мертвым рабби. Я видел воскресшего Мессию своими собственными глазами.

У Каиафы пересохло во рту.

— Ты его видел?

Малх кивнул.

— Рассказывай.

Лицо Малха озарила счастливая улыбка.

— Я отправился на гору Фабор с Андроником и Юнием. Там собрались сот-

ни людей по зову Иешуа. Он сидел и говорил с нами, сказал, что вся власть в небесах и на земле вручена Ему и что мы должны передавать Его учение повсюду, чтобы люди всех народов стали Его талмидим.[64]

— Когда это было?

— Две недели назад.

— И ты видел его?.. Ты видел его.

— Вот этими глазами, — ответил Малх, кивая. — Как и другие, их было пять сотен или больше.

— Где он теперь?

— Они сказали — одиннадцать, — что считанные дни прошли с тех пор, как Он вознесся на небеса у них на глазах.

Каиафу снова начал душить кашель, и он скорчился от боли на своем ложе. Когда боль отпустила, Каиафа перевел дух и заговорил:

— Как такое возможно?

— Мы всегда знали: когда придет Машиах, он совершит множество чудес и знамений. Разве можно сделать что-то более великое, чем воскреснуть из мертвых?

— Но его же повесили на кресте деревянном, — сказал Каиафа.

Это не требовало объяснений. Малх, как и он сам, знал слова Закона Моисея: «Ибо проклят пред Богом всякий повешенный на дереве».

— «Как змия во пустыне, — возразил Малх, — вознесен Он был во исцеление народа его»... и всего мира.

Каиафа откинулся на ложе и закрыл глаза.

— Этого слишком много для меня.

Его хрипящее дыхание несколько раз грозило перейти в кашель, но он старался лежать неподвижно.

— Просто слишком тяжело для меня.

— Неeman едва не отказался от исцеления, ибо с виду это было слишком просто. Возможно, «слишком тяжело» — благословение Господне, — ответил Малх.

Каиафа открыл глаза и посмотрел на него так, будто видел впервые.

— Когда ты стал таким мудрым?

— Я всего лишь слуга, — ответил Малх. — Слуга мудрого господина.

Каиафа бросил на него внимательный взгляд, но в лице Малха не было и намека на насмешку. Интересно, он имеет в виду Каиафу... или кого-то еще? Может, Галилеянина?

— Было бы странно, если б Кохен ха-Гадоль стал последователем деревенского рабби.

— Возможно... но первосвященнику Израиля подобает признать Мессию, Помазанника Божьего.

— Ты...

Каиафу снова начал душить приступ кашля, но он быстро с ним справился.

— Ты хочешь сделать так, чтобы я уверовал?

Улыбка исчезла с лица Малха. Он опустил глаза.

— Я не хочу так сделать. Я думаю, вы уже уверовали, но еще не последовали за Ним.

— Как могу я пойти на такое, Малх? — Вопрос Каиафы прозвучал искренне, почти умоляюще. — Я Кохен ха-Гадоль. Я не могу сделать то, что сделал ты.

Для меня это не так просто.

— Может быть. Но кто знает, почему вы стали Кохеном ха-Гадодем в такие времена?

Эта фраза была давно знакома обоим и много для них значила.

Каиафа вдруг вспомнил тунику своего верного слуги, залитую кровью. В ней он вернулся домой, когда схватили Галилеянина. И первосвященник понял, что, рассказывая о событиях того дня, Малх говорил правду. Каиафа тяжело вздохнул.

— Хотелось бы мне поговорить об этом.

«Ведь Малх всего лишь слуга. Мне нужно поговорить с кем-то таким...»

— С таким, как Никодим, — сказал он вслух и сел. — Да, Никодим. Я пойду к нему. Но сначала иди ты, предупреди его.

Слуга сделал какое-то движение, и это насторожило Каиафу.

— Что?

— Говорят, ему нездоровится. Он уже не одну неделю не выходит из дома. Говорят, он умирает.

— Никодим?

Малх кивнул.

— Что с ним случилось?

По лицу слуги было ясно, что он не хочет отвечать на этот вопрос. Каиафа не стал спрашивать. По крайней мере, пока.

— Тогда я поговорю с Иосифом.

Малх нерешительно открыл рот.

— Что? Что с ним? — требовательно спросил Каиафа.

— Иосиф... говорят, он бежал из города, — ответил Малх.

— Как бежал?

— Говорить об этом опасно.

Кашель снова начал сотрясать Каиафу. Наконец он сел на ложе.

— Рассказывай, — приказал первосвященник слуге. — Почему Иосиф бежал из города?

Малх опасливо покосился на Каиафу, но подчинился приказу.

— Он считает, что здесь ему грозит опасность, — начал он.

— Что же ему угрожает?

— Кое-кто говорит, что Иосифу пришлось покинуть город из-за тех же людей, которые повинны в болезни Никодима.

— Повинны в его болезни? — Каиафа не верил своим ушам. — Ты хочешь сказать, его отравили?

Малх едва заметно кивнул.

— Кто? — задыхаясь от кашля, спросил первосвященник.

Малх опустил глаза и подождал, пока приступ кашля закончится. И ответил еле слышно:

— Семья первосвященника.

Иерусалим, Меа-Шеарим

Они даже устали от смеха, но радость переполняла сердца. Рэнд вскочил с дивана и стал ходить по комнате с каким-то особым воодушевлением.

— Фантастика, — воскликнул он. — Вот в чем нуждается наша цивилизация. Это должен испытать каждый.

Но еще больше радости доставляло ему сияющее лицо Трейси. Казалось, счастье выплескивается через край. Карлос, похоже, радовался не меньше.

— Наверное, я просто неправильно подошел к этому, — сказал Рэнд, не в силах устоять на месте. — Я, конечно, надеялся, что газеты и журналы подхватят новость о том, что обнаружен свиток Никодима. Но они не в состоянии понять его значения.

«Но почему?» — думал я.

Они не испытали того, что я испытываю сейчас, не так ли? Значит, я был не прав, когда ждал от них понимания. Когда отверг мысль о сотрудничестве с Ватиканом, компанией «Агапэ» и другими. Наверное, надо просто рассказывать об этом везде, где только можно.

— Даже Иисус говорил об этом. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» — добавил Карлос.

— Что же это значит? — сказал Рэнд, вопросительно поглядев на него.

Карлос пожал плечами.

— Думаю, Иисус хотел сказать, что не всякий, кто слышит Его слова, может и хочет их понять. Но Он все равно говорил для всех.

— Понимаю. Ты имеешь в виду, что мне не нужно выбирать, кому рассказывать об этом.

— Именно так. Я считаю, об этом надо рассказывать всем.

— Правильно, — согласился Рэнд. — Конечно. Просто рассказывать. Всеми доступными способами.

Рэнд прищурился, заметив, что Трейси и Карлос загадочно переглянулись.

— Мы все еще говорим о свитке? — уточнил он.

— Да, — широко улыбаясь, ответил Карлос.

— Но... похоже, не только об этом.

Карлос бросил взгляд на Трейси, и они улыбнулись друг другу.

— Папа, Карлос и мне помог понять, что я буду следовать за Иисусом, — сказала Трейси.

— Не может быть, — только и ответил Рэнд, переводя взгляд с Трейси на Карлоса и обратно.

— Это было совсем недавно, сразу после ланча, — сказала Трейси. — Прямо перед тем, как мы поехали домой.

— Не может быть, — повторил Рэнд.

Подошел к дочери, обнял ее и закружил в танце.

— Чудесно!

Все трое снова разразились счастливым смехом.

Рэнд подошел к Карлосу и похлопал его по плечу.

— Даже не знаю, что сказать. Ты столько сделал... и для меня и для моей дочери... даже не знаю, как тебя благодарить.

Карлос украдкой бросил взгляд на Трейси.

— Надеюсь на это, — сказал он смущенно. — Потому что мне нужно сказать вам еще кое-что.

Рэнд убрал руку с плеча Карлоса, продолжая улыбаться.

— Давай. Говори.

— Я люблю вашу дочь и прошу вашего благословения на то, чтобы она стала моей женой.

116

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Иосиф Аримафейский исчез.

Никодим смертельно болен.[65]

Как и говорил Малх, последователи Галилеянина, хотя и видели воскресшего Иешуа своими глазами, прятались за наглухо закрытыми дверьми и воротами, опасаясь мести семьи первосвященника.

«Но ведь я — первосвященник!» — успокаивал себя Каиафа, наблюдая рассвет с ложа во дворе своего дома.

Но все изменилось, и он знал об этом. Его тесть Анна, хотя и постаревший, вполне мог, хотя бы отчасти, вернуть бывшее влияние среди властителей народа. А его сын Ионатан явно готовился занять место первосвященника... если оно опустеет. Или если представится такая возможность. Каиафа понимал это лучше, чем кто-либо.

Еще не наступил Праздник первых плодов, а стараниями Анны и Ионатана уже стало сжиматься кольцо вокруг немногих осмелившихся заявить во всеуслышание, что они видели воскресшего рабби. Ионатан и Анна начали с самых опасных противников — Никодима и Иосифа, членов Великого Синедриона, которые не смогли отступить от Галилеянина в его смертный час. Каиафа знал, что Анна и Ионатан не успокоятся, пока всякий, рассказывающий о воскресении Иешуа, не замолчит. Сбеги Иосиф в Дамаск, Антиохию или даже Рим, они пошлют туда людей, которые найдут и схватят его.

Если это правда — а Каиафа знал, что это правда, — то что предпримут Анна и Ионатан, если Иосиф бар Каиафа, Кохен ха-Гадоль и наси Синедриона, открыто признает, что Галилеянин воскрес из мертвых? Малх прав. Каиафа уже верил, но еще не нашел в себе силы следовать за Иешуа. Но он найдет их. Покается в неверии, из-за которого произошло непоправимое... для него самого и для его народа. Он сможет покаяться. Он станет истинным последователем воскресшего рабби.

Но сейчас нужно соблюдать чрезвычайную осторожность и терпение. Нынешнее положение первосвященника очень опасно. А грядущие недели и месяцы потребуют от него еще больше осторожности и расчетливости. Но он все преодолеет. Он найдет способ, чтобы народ его признал Мессию. Ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море.[66]

Иерусалим, Меа-Шеарим

— Твоей женой?

Улыбка исчезла с лица Рэнда, и он повернулся к Трейси.

— Да о чем это он?

Трейси опустила глаза. Когда она заговорила, голос был тихий, но твердый.

— Папа, Карлос спросил меня, выйду ли я за него замуж, и я ответила «да».

От неожиданности Рэнд сел. Ему вдруг вспомнился день, когда он думал, что потерял Трейси, и когда он поклялся больше никогда ее не терять.

— Я же только начал... — пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

— Что ты начал? — спросила Трейси.

— Я обещал тебе, что буду стараться стать тебе хорошим отцом, таким, какой тебе нужен. Но по-моему, уйму времени я потратил впустую. Я знаю, в чем моя ошибка... А ты ждешь моего благословения, чтобы выйти замуж?

— Еще ты просил меня помогать тебе советом, помнишь? — Трейси опустилась на диван с ним рядом.

Рэнд нахмурился, однако кивнул.

— Ты просил, чтобы я помогла тебе стать настоящим отцом, чтобы говорила, что мне нужно, помнишь?

— Да.

— В последние месяцы я поступала так далеко не всегда. Но сейчас ты можешь не говорить мне, что я еще слишком молода, что мы с Карлосом знаем друг друга всего несколько месяцев, что мы выросли в разных семьях, разных странах. Это я и сама знаю. Не обязательно говорить мне, что легко не будет или что мы должны решить вопросы с визами и гражданством, что нужно подумать, где мы сыграем свадьбу и где будем жить. И что мне не следует бросать колледж. Все это я знаю. Мы знаем. На самом деле я просто хочу сказать тебе, что не нужно нам что-то объяснять. Я хочу, чтобы ты поддержал меня, чтобы я убедилась — ты меня любишь, ты мне доверяешь, ты всегда будешь рядом, если мне понадобится твой совет или помощь.

Трейси встала и взяла Карлоса за руку.

— Папа, я люблю этого мужчину и хочу выйти за него замуж. Я так этого хочу, как никогда ничего не хотела. Но мне нужна и твоя отцовская любовь, твоя поддержка. Тогда я буду уверена, что справлюсь со всеми трудностями и приму правильное решение. Потому что рядом будет мой отец, и он всегда придет на помощь... мне и моему жениху.

Голос у Трейси задрожал, а глаза заблестели от слез.

— Ты просил говорить тебе все, и я говорю, чего жду сейчас от своего отца.

Карлос обнял Трейси за талию. Рэнд встал. Это та самая девочка, которую они с Джой когда-то привезли из роддома. Невероятно. Вдруг всем сердцем он захотел повернуть время вспять. Исправить все глупости, загладить вину перед дочерью за все эти годы. Заново пережить минуты, когда Трейси сделала первые шаги, пошла в первый класс, отправилась на свой первый матч по софтболу, сдала первый экзамен. Снова прочитать ей на ночь сказку и купить сахарной ваты. Как он хотел искупить все свои промахи, начать все сначала.

И тут, как и в ту ночь в «Рамат-Рахель», его осенило. И эту мысль, казалось, внушил сам Господь Бог. «Сделай это сейчас. Прямо сейчас».

Рэнд подошел к Трейси и Карлосу. Одной рукой взял за плечо дочь, другой — Карлоса и пристально посмотрел Трейси в глаза.

— Ты уверена, что это именно то, чего ты от меня ждешь?

Трейси кивнула. Она улыбалась, а по щекам текли слезы.

— Ты уверена, что это именно тот человек, за которого ты хочешь выйти замуж? — спросил Рэнд, чувствуя, как у него зачесались глаза.

Трейси, не вытирая счастливых слез, кивнула.

Рэнд повернулся к Карлосу.

— Сможешь ли ты позаботиться о моей дочери намного лучше, чем делал это я? Будешь ли ты мужчиной, которого она заслуживает?

— Она заслуживает большего, чем я могу ей дать, но я отдам ей все, что у меня есть. — Голос Карлоса звенел от волнения.

«Да, — подумал Рэнд. — Встаешь утром и никогда не знаешь, что принесет тебе грядущий день. Печаль или радость, боль или исцеление, вину или спасение, сожаление или надежду».

Откуда уж ему было знать, что принесет именно этот день...

Рэнд до последнего момента не был уверен, что у него получится сделать это как надо, но все получилось. Он обнял обоих, дочь и будущего зятя. Перевел дыхание, чтобы справиться с эмоциями.

— Хорошо. Вот вам мое благословение.

118

31 год от Р. Х.

Иерусалим, Верхний город

Малх терпеливо ждал, когда первосвященник наконец откашляется.

— Надеюсь, я поправлюсь. — Каиафа горько усмехнулся.

Он хотел было непринужденно рассмеяться, но не смог побороть очередной приступ кашля. Наконец, первосвященник протянул слуге тоненький свиток в кожаном чехле.

Малх ухватился за свиток, но первосвященник еще не выпустил его из рук. Так они и держались — каждый за свой край.

— Тебе надо быть очень осторожным. Это не должен увидеть никто, кроме Никодима. Ты понял?

— Да.

По лицу слуги Каиафа видел, что Малх все понимает.

— Дождись ответа и немедленно принеси его мне. Только мне и никому другому. Ты понял?

— Да.

— Иди.

Каиафа выпустил свиток. Малх спрятал его в складках туники.

Каиафа со стоном откинулся на ложе. Он не вставал с постели уже несколько дней. Прежде чем закрыть глаза, он заметил жену, дочь Анны, которая с нескрываемым интересом следила за ним из окна.

ЭПИЛОГ[67]

37 год от Р. Х.

Иерусалим, Енномова долина

Малх подождал, пока женщины, жены Теофила и Матфея, младших сыновей Анны, закончат обряд перезахоронения, который уже больше столетия совершали евреи в Иерусалиме и его окрестностях. Через год после похорон (а этого времени было достаточно, чтобы плоть истлела) гробницу вскрывали и кости покойного складывали в оссуарий, а погребальную нишу в стене мог занять гроб с другим покойником.

Они молча стояли в богато украшенной фамильной гробнице, которой суждено было стать последним пристанищем для всех членов семьи Анны, включая зятьев и невесток. Женщины размотали саван, открыв останки Каиафы, отерли кости и стали одну за другой складывать их в оссуарий, начав с костей ног и в последнюю очередь опустив в оссуарий череп первосвященника.

За те годы, что прошли со смерти Машиаха Иешуа, многое изменилось. Хозяин Малха, Иосиф бар Каиафа, время от времени обменивался короткими письмами с фарисеем Никодимом, до самой смерти последнего. Малх знал, что Каиафа не верит, что Никодим умер из-за болезни или несчастного случая. Его смерть — не большая случайность, чем избиение камнями Стефана за городскими стенами. Каиафа сомневался не в том, что сыновья Анны (он был жив до сих пор) неоднократно, но безуспешно пытались убить фарисея Савла, который тоже стал последователем Иешуа.

После смерти Никодима из свидетелей того, что первосвященник уверовал в Иешуа, остались лишь Малх и Юний. Малх думал, что семье Анны каким-то образом стало об этом известно. Он подозревал, что болезнь, несколько лет мучившая Каиафу, и даже его смерть как-то связаны с верой первосвященника в воскресение Иешуа. Видимо, как ни был первосвященник осторожен и мудр, это не помогло ему избежать смерти. Теперь его место занял шурин, Ионатан, и вряд ли правда о том, что Каиафа поверил в Мессию, выйдет наружу. Теперь она была похоронена вместе с ним.

Когда женщины уложили кости в каменный ящик и взялись за тяжелую крышку, вытесанную из известняка, Малх обратился к ним:

— Я сам это сделаю. Я закрою оссуарий и поставлю его в нишу.

Женщины удивленно переглянулись, но спорить не стали и направились к выходу из гробницы, а Малх повернулся к оссуарию. Сунув руку в складки туники, он вытащил опасный документ — свиток, который Каиафа хранил в тайне от всех. Положив его в угол оссуария, Малх приподнял тяжелую каменную крышку и аккуратно поставил ее на место, а потом протолкнул оссуарий в нишу с полукруглым верхом.

Примечания

1

Гробница Тальпиот была обнаружена в ходе строительных работ в районе Иерусалима Лес Мира в 1990 году (*Комментарий автора*).

[^^^]

2

Тель-Мареша — место археологических раскопок, в настоящее время входит в состав Национального парка Бейт-Гуврин площадью 1250 акров (500 га) на Иудейской равнине, в часе езды к юго-западу от Иерусалима (*Комментарий автора*).

[^^^]

3

«Красотка».

[^^^]

4

Валерий Грат был римским префектом Иудеи. Он сместил Анну с поста первосвященника и назначил на него Каиафу в 18 году от Р. Х. (*Комментарий автора*).

[^^^]

5

Шимон и Гамалиил, сын и внук Хиллела Великого, являлись членами Великого Синедриона во время пребывания Каиафы на посту первосвященника.

Иудейское слово «Хашем» («Имя») использовалось и используется иудеями для именованя Бога, чье имя слишком свято, чтобы произносить его.

Мнения ученых насчет того, считались ли первосвященники после Исхода помазанниками или нет, расходятся (*Комментарий автора*).

[^^^]

6

Описание гробницы соответствует действительности (*Комментарий автора*).

[^^^]

7

Описания Кесарии основаны на исторических источниках и археологических исследованиях (*Комментарий автора*).

[^^^]

8

Так у автора. Миля — 1,61 км, римская миля («тысяча двойных шагов вооруженного римского легионера») — 1,48 км. Древнееврейская мера длины — дерехиом, «дневной переход» (44,81 км). Следовательно, речь идет о расстоянии примерно 30 км, что значительно меньше «дневного перехода»

[^^^]

9

Стратон царствовал в финикийском городе Сидоне в IV веке до н. э. От круглой каменной башни получил название возникший вокруг нее город — Стратонова Башня.

[^^^]

10

Законы Израиля относительно перезахоронения человеческих останков претерпевают изменения и по сей день, поскольку власти пытаются найти приемлемый компромисс между требованиями религии и науки (*Комментарий автора*).

[^^^]

11

Кнессет — израильский парламент.

[^^^]

12

В Иерусалиме два магазина с названием «Нью-Дели». Один находится по адресу: Эфек-Рефаим, 44, второй на улице Хиллела (*Комментарий автора*).

[^^^]

13

Иудейский историк Иосиф Флавий пишет, что одежды первосвященника хранились в крепости Антония. Сначала ими распоряжался Ирод, затем римский префект. Согласно Иосифу Флавию, они снова были отданы иудеям в 35 году от Р. Х. губернатором Сирии Вителлием (*Комментарий автора*).

[^^^]

14

Согласно описанию, предложенному Альфредом Эдершаймом в книге «Храм: духовенство и богослужения», выдающийся иудейский философ Маймонид (впрочем, как и другие) перечислял 140 обстоятельств, не позволяющих принять сан священника, а также 22 условия, которые влекут за собой временный запрет на ведение службы.

Эдершайм упоминает об обряде миропомазания первосвященника, когда на лбу символически изображается знак, напоминающий греческую букву X. «Очень интересное совпадение», — замечает Эдершайм (*Комментарий автора*).

[^^^]

15

Марк Амбивий и Анний Руф — предшественники Валерия Грата на посту префекта Иудеи. Марк Амбивий занимал его с 9 по 12 год от Р. Х., Анний Руф — с 12 по 15 год от Р. Х. (*Комментарий автора*).

[^^^]

16

Луций Элий Сеян в бытность его на посту префекта считался наиболее влиятельным человеком в Риме во время добровольного изгнания императора Тиберия на остров Капри (*Комментарий автора*).

[^^^]

17

Понтий Пилат, занявший пост префекта после Валерия Грата, прибыл в Иудею со своей женой, Клавдией Прокулой, внучкой Августа и дочерью Клавдии, третьей жены Тиберия. Последовать за мужем к месту его службы для жены префекта провинции считалось достаточно необычным поступком. Чаще жены предпочитали оставаться в римском имении и наслаждаться столичной роскошью (*Комментарий автора*).

[^^^]

18

Описание двух оссуариев, приведенное в этой главе и далее, соответствует найденным в так называемой гробнице Тальпиот (*Комментарий автора*).

[^^^]

19

Как и описывается в этой главе, одним из первых действий Пилата на посту префекта Иудеи стал перевод Августовой когорты с ее штандартами, на которых был изображен римский император, в Иерусалим. Жители и городские власти сочли это попыткой склонить их к идолопоклонству. Подробнее об этом написано у Иосифа Флавия («Иудейские древности», XVIII, III, I и «Иудейская война», II, IX, 2–3). Историки расходятся во мнениях, сделал ли это Пилат по незнанию или из высокомерия (*Комментарий автора*).

[^^^]

20

Халача (галлах, халаха) — нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

[^^^]

21

Описанные в данной главе и далее надписи на оссуариях действительно были обнаружены на двух оссуариях, найденных в гробнице Тальпиот. Здесь не упоминается, что там же были найдены оссуарии с именами Шимон и Саломея и еще один оссуарий с родовым именем Каиафа (*Комментарий автора*).

[^^^]

22

В 1990 году, когда происходят описываемые события, сим-карт еще не существовало. Регистрация абонентов в сети осуществлялась по заводскому номеру телефонного аппарата.

[^^^]

23

О недостойном обращении Аннона, царя Аммонитского, с послами царя Давида, написано в 1-й Книге Паралипоменон, 19:1–4 (*Комментарий автора*).

[^^^]

24

Внутри черепа, обнаруженного в оссуарии Мириам в гробнице Тальпиот, действительно была найдена монета. Ее описание соответствует приведенному в этой главе (*Комментарий автора*).

[^^^]

25

В длинных костях различают среднюю часть — тело кости, или диафиз, и два конца — эпифизы.

[^^^]

26

Около 130 км.

[^^^]

27

Пакс романа («римский мир») — античная геополитическая концепция, разработанная и внедренная при римском императоре Августе на рубеже двух тысячелетий. Долгий и относительно мирный период в истории Римской империи и ее колоний.

[^^^]

28

Итальянские музыкальные термины: крещендо — «усиливая», форте «громко», мольто — «очень», поко а поко — «мало-помалу, постепенно».

[^^^]

29

Притча о бронзовой змее, которую рассказывает Каиафа, изложена в Книге Чисел, 21:4–9; об уничтожении змеи Езекией см. 4-ю Книгу Царств, 18:1–4 (*Комментарий автора*).

[^^^]

30

Воздвижение Иродом Великим золотого орла над входом в Храм описывает Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», XVII, VI, 2–3. *(Комментарий автора)*.

[^^^]

31

Иосиф Флавий пишет об инциденте со штандартами Августовой когорты, в том числе об угрозе избиения толпы в театре по приказу Пилата. Евреи пришли в Кесарию, чтобы протестовать против штандартов, и готовы были умереть. Он излагает и причины, по которым Пилат смиростивился и отозвал когорту из Иерусалима («Иудейские древности», XVIII, III, I и «Иудейская война», II, IX, 2–3). Исторических свидетельств визита Каиафы к Пилату до нас не дошло (*Комментарий автора*).

[^^^]

32

«Ливанский каталог иудейских оссуариев» — вымышленное название. Однако существуют другие каталоги найденных в Израиле оссуариев с описанием их самих и их содержимого (*Комментарий автора*).

[^^^]

33

Шеол — у древних евреев ад, преисподняя.

[^^^]

34

Порядка 50 км, то есть не намного больше «дневного перехода».

[^^^]

35

Таллис — молитвенное покрывало у иудеев.

[^^^]

36

«Хиней матов» — еврейская песня, созданная на основе Псалма 133. Ее поют во время Шаббата. Название переводится как «Возвращайся домой» (*Комментарий автора*).

[^ ^^]

37

События и диалоги этой главы и главы 58 основаны на текстах Евангелий (Комментарий автора).

[^^^]

38

Так у автора. Хотя «Иоанн Креститель» соответствует христианской традиции, которая в описываемый период еще не сформировалась.

[^^^]

39

Тшува — в буквальном переводе с иврита «возвращение», в христианском понимании — «раскаяние».

[^^^]

40

Миква у иудеев — водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты.

[^^^]

41

О восстании под руководством Иуды Галилеянина упоминается в Евангелии от Луки и в трудах Иосифа Флавия (*Комментарий автора*).

[^^^]

42

«Гедеоновы братья» — международная внеконфессиональная благотворительная организация. Главная ее задача — повсеместное распространение Евангелия.

[^^^]

43

Евангелие от Фомы — один из новозаветных апокрифов, то есть книг на библейскую тему, не включенных церковью в каноническое Священное Писание.

[^^^]

44

Бар-мицва — здесь: иудейский обряд, связанный с достижением мальчиком возраста, когда он считается совершеннолетним с точки зрения религии и права (13 лет).

[^^^]

45

«Се человек».

[^^^]

46

Традиционно считается, что дом Каиафы стоял там, где сейчас находится католический собор Святого Петра в Галликанту. По другой версии, это место не так давно обнаружено недалеко от мощеного переуллка, который идет вдоль стены Верхнего города (*Комментарий автора*).

[^^^]

47

Армянская таверна находится по адресу: улица Армянского патриархата, 79. Это один из лучших ресторанов в Иерусалиме (*Комментарий автора*).

[^^^]

48

Исцеление увечного в Овечьей купальне описано в Евангелии от Иоанна, 5:5-13 (*Комментарий автора*).

[^^^]

49

Слова Иешуа в этой главе соответствуют Евангелию от Иоанна, 5:17–47 (*Комментарий автора*).

[^^^]

50

Так у автора. Фут — 30,48 см, древнеримский фут — 29,62 см, аналогичная мера длины у древних евреев — зерет (28 см).

[^^^]

51

События и некоторые диалоги этой главы основаны на Евангелии от Иоанна, 7:37–52.

Хотя в Библии не упоминается об участии в этих событиях фарисея по имени Савл, в Деяниях, 22, говорится, что Савл (позднее именовавшийся Павлом) вырос в Иерусалиме и был воспитан Гамалиилом. Кроме того, сам апостол Павел в Послании к филиппийцам, 3:5–6, указывает, что он не только был фарисеем, но и преследовал христиан. Хотя слова Савла напрямую заимствованы из Евангелия от Иоанна, нет никаких доказательств, что они были произнесены именно им (в отличие от слов Никодима, речи остальных фарисеев не принадлежали какому-то конкретному человеку, Евангелие от Иоанна, 7:37–52). Слова, вложенные в уста Савла в этой главе, вполне отвечают тому рвению, с которым он преследовал христиан, а затем, напротив, проповедовал Евангелие (*Комментарий автора*).

[^^^]

52

События этой главы и некоторые детали споров в Синедрионе изложены на основе Евангелия от Иоанна, 11:45–57 (*Комментарий автора*).

[^^^]

53

События этой главы основаны на кратком эпизоде из Евангелия от Матфея, 26:3–5 (*Комментарий автора*).

[^^^]

54

Во всех четырех Евангелиях упоминается, что во время задержания Иисуса был ранен слуга первосвященника. Согласно Евангелию от Иоанна, 18:10, Симон Петр отсек правое ухо рабу первосвященника по имени Малх (*Комментарий автора*).

[^^^]

55

Устойчивое выражение в США, когда речь идет об убийстве президента Джона Кеннеди. «Покрытый травой холмик», «зеленый пригорок» — место, с которого предположительно стрелял в Кеннеди второй убийца.

[^^^]

56

События этой главы, а также спор в Синаедрионе основаны на Евангелиях от Матфея и от Луки.

Вениамин цитирует слова Закона Моисеева. Второзаконие, 13:5.

Елеазар цитирует слова Закона Моисеева. Второзаконие, 17:12.

Когда первосвященник закликает Иисуса ответить на вопрос, как это сказано в Евангелии от Матфея, 26:63, отказ от ответа нарушает заповедь, изложенную в Книге Левит, 5:1. Поэтому ученые и богословы сходятся на том, что Иисус не мог не ответить (*Комментарий автора*).

[^^^]

57

Так у автора. Первым в списке членов Синедриона всегда стояло имя Моисея, его основателя.

[^^^]

58

Евангелия не уточняют степень участия Каиафы в судилище над Иисусом. Иисус был приговорен к смерти после допроса в доме Каиафы (*Комментарий автора*).

[^^^]

59

Слова Мордехая царице Эсфири приведены в Книге Есфири, 4:14. Свидетельств того, что Каиафа повторил их, нет, хотя, безусловно, они были ему известны (*Комментарий автора*).

[^^^]

60

Раскаяние Иуды и его попытка вернуть священникам тридцать сребреников описаны в Евангелии от Матфея, 27:3-10 (*Комментарий автора*).

[^^^]

61

Синоптические Евангелия (от Матфея, Марка и Луки) сообщают о разорвавшейся завесе в Святой Святы Храма. У Матфея также упоминается о землетрясении (*Комментарий автора*).

[^^^]

62

Так у автора. Помидоры завезли в Европу из Южной Америки в середине XVI века.

[^^^]

63

Описание событий этой главы основано на Евангелии от Матфея, 28:11–15
(Комментарий автора).

[^^^]

64

В Новом Завете (1-е Послание к коринфянам, 15:6) говорится, что Иисус единожды явился более чем пяти сотням людей одновременно после воскресения. В Библии не указывается, где это было, но предположение, что на горе Фабор, вполне правдоподобно (*Комментарий автора*).

[^^^]

65

Нет письменных свидетельств того, что происходило с Иосифом Аримафейским после погребения Иисуса. Традиционно считается, что Никодим принял мученическую смерть. Существуют многочисленные легенды о путешествии Иосифа в Британию после воскресения. По крайней мере, он не упоминается в числе членов Синедриона или отцов церкви сразу после воскресения Христа (*Комментарий автора*).

[^^^]

66

Цитата из Ветхого Завета: «Ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море» (Книга пророка Аввакума, 2:14) (*Комментарий автора*).

[^^^]

67

Единственное упоминание о Каиафе после судилища над Иисусом в Библии находится в Деяниях, 4, где говорится о его присутствии наряду с Иоанном, Александром и другими членами семьи Анны на судилище над Петром и Иоанном в Синедрионе, которое закончилось освобождением обвиняемых.

Иосиф бар Каиафа оставил пост первосвященника в 36 или 37 году от Р. Х. На смену ему пришел его шури́н Ионатан, сын Анны. О времени и обстоятельствах смерти Каиафы доподлинно ничего не известно (*Комментарий автора*).

[^^^]